

http://www.humanityspace.com
ISSN 2226-0773
9 772226 077005
2012
Том 1, No 4 Volume 1, No 4
MOSCOW
ISSN 2226-0773
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC
ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE
Том 1, No 4
Volume 1, No 4
МОСКВА
MOSCOW

ISSN 2226-0773

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ
INTERNATIONAL ALMANAC

ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
HUMANITY SPACE

Том 1, No 4
Volume 1, No 4

МОСКВА
MOSCOW
2012

Гуманитарное пространство
Международный альманах **ТОМ 1, No 4, 2012**

Humanity space
International almanac **VOLUME 1, No 4, 2012**

Главный редактор / Chef Editor: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
E-mail: **cerambycidae@fromru.com**
Дизайн обложки / Cover Design: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**
Научный редактор / Scientific Editor:
В.П. Подвойский / V.P. Podvoysky
E-mail: **9036167488@mail.ru**
Литературный редактор / Literary Editor:
О.В. Стукалова / O.V. Stukalova
E-mail: **chif599@gmail.com**

Веб-сайт / Website: **http://www.humanityspace.com**

Издательство / Publishers: **Higher School Consulting**
Tovarishchensky side street, 19, office19, Moscow, Russia
Напечатано / Printed by: **AEG Group Design & Printing**
Gruzinsky Val, 11, Moscow, 123056 Russia

Консультативное участие / Advisory participation:
ФГНУ РАО «Институт Художественного образования»
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»

Дата выпуска / Date of issue: **26.11.2012**
Реестр / Register: **ISSN 2226-0773**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
EDITORIAL BOARD

Киселев Геннадий Михайлович / Kiselev Genady Mikhaylovich
кандидат педагогических наук, доцент
Московский Региональный Социально-Экономического Институт
Moscow Regional Socio-Economic Institute
Кшицова Дануше / Kshitsova Danushe
доктор философских наук, профессор
Университет им. Масарика и Института славистики (г. Брно)
University named after Masaryk and Institute of Slavic Studies (Brno)
Манн Юрий Владимирович / Mann Yuriy Vladimirovich
академик Российской академии естественных наук
доктор филологических наук, заслуженный профессор РГГУ
Российский государственный гуманитарный университет
Российская Академия Естественных Наук
Russian State University for the Humanities
Russian Academy of Natural Sciences
Оленев Святослав Михайлович / Olenev Svyatoslav Mikhaylovich
доктор философских наук, профессор
Московская государственная академия хореографии
Moscow State Academy of Choreography
Пирязева Елена Николаевна / Piryazeva Elena Nikolaevna
кандидат искусствоведческих наук
Федеральное государственное научное учреждение «Институт художественного образования» Российской Академии Образования
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»
Подвойский Василий Петрович / Podvoysky Vasily Petrovich
доктор педагогических наук, профессор
Московский Педагогический Государственный Университет
Moscow State Pedagogical University
Полюдова Елена Николаевна / Polyudova Elena Nikolayevna
кандидат педагогических наук
Окружная библиотека Санта Клара (США: Калифорния)
Santa Clara County Library (USA: California)
Сёке Каталин / Szoke Katalin
кандидат филологических наук, доцент
Института Славистики Сегедского университета (Венгрия)
Institute of Slavic Studies of the University of Szeged (Hungary)
Стукалова Ольга Вадимовна / Stukalova Olga Vadimovna
доктор педагогических наук
Федеральное государственное научное учреждение «Институт художественного образования» Российской Академии Образования
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education «Institute of Art Education»

Табачникова Ольга Марковна / Tabachnikova Olga Markovna
кандидат физико-математических наук
кандидат филологических наук
Университет г. Бат, Великобритания
University of Bath, UK
Щербакова Анна Иосифовна / Shcherbakov Anna Iosifovna
доктор педагогических наук, профессор
Российский Государственный Социальный Университет
Russian State Social University

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 772-781

Дистанционное обучение в процессе подготовки будущих учителей

Е.М. Акишина

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: eka53.170@gmail.com

Ключевые слова: дистанционное обучение, информационно-коммуникационные технологии, педагогический вуз, структура информационного пространства вуза, компоненты информационной деятельности учителей, уровни подготовки педагогов.
Key words: the distance learning, the information and communication technologies, the pedagogical university, the structure of the university information space, the components of the teachers' information activities, the levels of the teachers' training.
Резюме: В статье характеризуется современная образовательная ситуация, требующая внедрения дистанционного обучения как одного из наиболее эффективных и перспективных педагогических методов. Показывается, что владение новыми информационно-коммуникационными технологиями является неотъемлемой частью педагогической компетентности.
Abstract: The modern educational situation requires the introduction of the distance learning as one of the most effective and advanced teaching methods is characterized in the article. We show that the possession of new information and communication technology is an integral part of teaching competence.
[**Akishina E.M.** The distance education in preparing of the future teachers]

Современное образование характеризуется углублением фундаментального противоречия между традиционными методами и темпом обучения и постоянно растущим объёмом появления новой информации. Вследствие этого возрастают требования к приобретаемым знаниям, навыкам и умениям при сохранении практически постоянным периода времени на получение образования. Такие высокие требования к обучаемому уже сегодня часто находятся на пределе возможностей человека. К тому же традиционная система образования в силу своей инерционности очень слабо

приспособлена к условиям быстропротекающих технологических изменений в обществе. Поэтому многие страны начинают широко привлекать в систему образования новые информационные технологии, методы и средства обучения. Перспективная система образования должна быть способна не только вооружать знаниями обучающегося, но и вследствие постоянного и быстрого обновления знаний формировать у него потребность в самостоятельной учёбе в течение всей активной жизни. Система образования должна в итоге стать открытой, способной предоставлять человеку разнообразные наборы образовательных услуг, позволяющей учиться непрерывно, обеспечивающей возможность широким слоям населения получения высшего и дополнительного образования.

Одна из тенденций современного мира заключается в том, что по мере развития телекоммуникационных технологий взаимодействие между людьми всё меньше требует непосредственного общения. Его заменяют электронная почта, телеконференции, электронные форумы и т.п. Отношения между работодателем и служащим приобретают форму телеработы, а между студентами и преподавателями – форму дистанционного обучения. Поэтому основой системы открытого образования становится дистанционное обучение, универсальность которого позволяет реализовать идею непрерывного образования, обеспечивающего формирование личности с необходимым начальным запасом интеллектуальных сил и способностью их пополнения во время всего жизненного пути. Только широкое развитие дистанционной системы обучения позволит перейти от концепции «образование – на всю жизнь» к концепции «образование – через всю жизнь».

Становление в России системы дистанционного обучения обусловлено множеством факторов: это и огромные территории, и средоточие научно-технических центров в крупных городах, и новые потребности населения по отношению к содержанию и технологиям образования, и усиление миграции населения. Развитие дистанционного обучения не только позволит России обеспечить доступ к качественному образованию, но и даст возможность занять достойное место на мировом рынке

образовательных услуг.

Вместе с тем, остро встаёт вопрос о том, что для реализации подобных проектов необходима грамотная и всесторонняя подготовка педагогических кадров, которые могли бы осуществлять дистанционное обучение. Именно поэтому важнейшим направлением работы с педагогическими кадрами является подготовка преподавателя к освоению информационных компьютерных технологий и их использованию в образовательной деятельности.

По мере внедрения современных информационных технологий в образование происходит изменение культуры учебного заведения и роли преподавателя в учебном процессе. В связи с акцентом на самостоятельное приобретение знаний усиливается консультационная и корректировочная направленность обучающей деятельности педагога. В условиях избыточной научной и учебной информации, предоставляемой учащимся современными технологиями, возрастают требования к профессиональной подготовке преподавателя в области основной и смежных учебных дисциплин. Существенно повышаются также требования к личностным, общекультурным, коммуникативным качествам преподавателя.

К сожалению, темпы внедрения информационно-компьютерных технологий в систему образования оставляют желать лучшего. Очевидно, что существуют определенные факторы и проблемы, тормозящие широкое внедрение информационных технологий в реальный учебный процесс. Практика обучения свидетельствует, что фундаментальность идеи повсеместного внедрения новых информационных и телекоммуникационных технологий еще в должной мере не осознана специалистами в области образования. Частично наличие указанной проблемы связано с тем, что далеко не все вузы имеют экономические возможности для приобретения достаточного количества компьютерной и телекоммуникационной техники, дорогостоящего доступа к всемирным информационным сетям. В тех немногочисленных вузах, где эта проблема решена, на неподготовленности педагогов к реальному использованию новых технологий в обучении сказывается отсутствие специализированных

электронных информационных ресурсов (компьютерных программ и их содержательного наполнения), соответствующих необходимым дидактическим и методическим требованиям.

На данный момент для большинства информационных ресурсов, предназначенных для использования в процессе обучения, характерен низкий педагогический уровень. Одной из основных причин складывающейся ситуации является то, что, в основном, компьютерные учебные программы создаются специалистами в области программирования без участия ведущих специалистов в области психологии, дидактики, содержания и методики обучения конкретной дисциплине. Вместе с тем, общеизвестно, что ведущие педагоги, имеющие большой стаж преподавательской работы, как правило, далеки от новых ИКТ, не владеют ими и, в силу консерватизма мышления, не всегда понимают их значимость.

В настоящее время большинство педагогов испытывают существенный психологический барьер перед освоением компьютерной техники и использованием электронных информационных ресурсов в обучении, который обычно маскируется сомнениями относительно педагогических возможностей названных средств. Иногда такая недооценка объясняется поверхностным знакомством с сущностью процессов информатизации образования. Даже поверхностный анализ показывает, что чаще всего внедрение ИКТ в учебный процесс воспринимается как простое переложение известного педагогу содержания и представление его обучаемым с помощью компьютерных средств. Очевидно, что такой подход оставляет неиспользованными колоссальные возможности активизации наглядно-образного и теоретического образного мышления студентов. Приведенные выше факторы и аргументы неоспоримо свидетельствуют, что одной из первоочередных проблем на пути практической информатизации образования и повсеместного применения средств ИКТ является подготовка педагогических кадров.

В настоящее время в области теории и практики дистанционного обучения работают многие отечественные специалисты, чьи научные исследования способствуют его развитию и внедрению в учебный процесс дистанционных

технологий. Однако пока ещё отсутствует единое понимание базовых терминов дистанционного обучения, используемых в образовательных кругах. Так, А.А. Андреев, В.П. Демкин, А.В. Хуторской рассматривают дистанционное обучение как форму (принцип организации) получения образования: целенаправленный, организованный процесс обучения, ориентированный на формирование знаний, умений и навыков, определяемых программой обучения и преподавателем. А.А. Ахаян, Н.А. Гаврилов, В.Г. Домрачеев характеризуют его как средство управления обучением и осуществления процесса учебной деятельности.

Е.С. Полат определяет дистанционное обучение как «форму обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебном процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность» (Полат, Буханкина, Моисеева, 2004).

Схожее определение данного понятия даёт Л.И. Долинер: «Дистанционное обучение – это форма получения образования (очного, заочного, экстерната), основанная на применении средств новых информационных технологий (компьютеров, телекоммуникаций, средств мультимедиа) и научно обоснованных методов обучения» (Долинер, 2003).

Существенным является то, что использование новых коммуникационных технологий обеспечивает возможность интерактивного взаимодействия участников обучения вне зависимости от их географической удалённости друг от друга. Кроме того, наличие современных диалоговых средств обучения и контроля (компьютерных программ, интерактивных видеодисков, информационных баз и доступа к ним через Интернет) позволяет организовать обучение, отвечающее самым современным требованиям дидактики.

Дистанционное обучение строится в соответствии с теми же целями, что и традиционное обучение (т.е. по соответствующим образовательным программам), но форма

подачи и организации учебного материала, форма взаимодействия учителя и учащихся и учащихся между собой претерпевает значительные изменения, а именно:

- изменение структуры и содержания информационного взаимодействия между обучающим, обучаемым и интерактивным источником учебной информации;
- изменение структуры представления учебного материала, состава и содержания учебно-методического обеспечения образовательного процесса;
- развитие информационно-коммуникационной предметной среды как условий взаимодействия между участниками образовательного процесса, которые способствуют осуществлению педагогических взаимодействий.

Форма обучения вносит существенную корректировку в реализацию общедидактических целей и методов обучения. В отличие от традиционного образования, в котором центральной фигурой является преподаватель, при использовании новых информационных технологий центр тяжести переносится на обучающегося, который активно строит учебный процесс, выбирая свою собственную траекторию в образовательной среде.

В структуре информационного пространства педагогического вуза, обеспечивающего дистанционное обучение, мы выделяем:

1) совместную учебную, внеучебную, научную и организационную деятельность, осуществляемую на основе использования средств информатизации образования;
2) совокупность информационных ресурсов, имеющих содержательное наполнение;
3) совокупность аппаратных и других технических средств информатизации образования;
4) глобальные, региональные и локальные компьютерные сети, предоставляемые ими ресурсы и сервисы.

Реализация дистанционного обучения невозможна без наличия подготовленных к работе с технологиями дистанционного обучения педагогических кадров. Для решения задач образования в условиях его информатизации необходимо сформировать у учителя-предметника готовность к реализации

дистанционного обучения предмету, которая в ближайшее время станет одним из элементов целостной готовности педагога к профессиональной деятельности в условиях информатизации общества и образования.

Обучение в педагогическом вузе должно способствовать формированию нижеследующих выделенных нами компонентов информационной деятельности учителя, являющегося участником дистанционного образовательного процесса.

1. Гностический компонент:

- изучение и анализ потенциала распределённого информационного ресурса и технологий дистанционного обучения;
- изучение и анализ своей профессиональной деятельности, а также деятельности учащихся и других участников дистанционного образовательного процесса;
- повышение эффективности занятий, проводимых в условиях дистанционного обучения с учётом показателей и критериев оценки эффективности дистанционного образования.

2. Проектировочный компонент:

- определение целесообразности использования технологий дистанционного обучения с учётом цели занятий, содержания материала, возрастных особенностей, знаний и интересов учащихся;
- выбор педагогически обоснованной модели обучения;
- планирование индивидуальной и групповой работы с учащимися с использованием интернет-ориентированных педагогических технологий, стимулирующих их активную познавательную деятельность;
- анализ программного обеспечения с целью определения инструментария для создания дистанционных учебных курсов с учётом основных дидактических (научность, доступность, адаптивность), эргономических и технических требований и проведения занятий в условиях дистанционного обучения.

3. Конструктивный компонент:

- поиск учебно-методической информации из различных источников, в том числе из цифровых образовательных ресурсов, и анализ возможности её применения для

дистанционного обучения;

- выявление основных содержательных аспектов учебно-методического материала для адаптации его и использованию в условиях дистанционного обучения;

- накопление учебно-методической информации (создание баз данных), подготовка и преобразование материалов в электронный вид для размещения на сервере с учётом изменения структуры представления учебного материала, состава и содержания учебно-методического обеспечения образовательного процесса.

4. Организационный компонент:

- управление педагогическим процессом с ориентацией на конечный результат;

- повышение мотивации к учению путём вовлечения учащихся в исследовательскую, проектную деятельность; организация индивидуальной и групповой работы; решение проблемно-познавательных и творческих задач с использованием технологий дистанционного обучения;

- определение оптимального соотношения учебного материала, транслируемого из глобальной сети, и традиционными методами, с учётом применяемой модели обучения;

- организационное взаимодействие с преподавателями-кураторами, разработчиками цифровых образовательных ресурсов, администрацией, другими сетевыми преподавателями школы;

- психолого-педагогическая диагностика уровня обученности, продвижения в обучении на базе компьютерных тестирующих, диагностирующих методик установления уровня интеллектуального потенциала обучающихся, контроля и оценки их знаний, умений и навыков;

- ведение электронного документооборота школы, персональных баз данных, отражающих результаты продвижения в обучении.

5. Коммуникативный компонент:

- расширение профессиональных контактов посредством сетевого взаимодействия в асинхронном и синхронном режимах;

- оценка актуальности проблем и прогнозирование их масштабности с целью выноса на коллективное обсуждение злободневных вопросов для большего числа субъектов, участвующих в сетевом взаимодействии;

- выбор способа сетевого взаимодействия (или их комбинации), наиболее соответствующего характеру проблемы для обеспечения оперативности её решения.

6. Инновационный компонент:

- участие в работе сетевого методического объединения преподавателей, обмен учебно-методическими материалами в электронном виде через списки рассылок, создание общего или личного каталога данных по предмету;

- обмен опытом по использованию информационно-коммуникационных, в том числе дистанционных, технологий в образовательном процессе, публикация материалов с использованием сетевых сервисов, участие в обсуждении представленных коллегами материалов;

- участие в теле-, видеоконференциях, дистанционных семинарах, вовлечение коллег в сетевые образовательные мероприятия (чаты, форумы, интернет-педсовет).

Исходя из сочетаний различных ступеней овладения дистанционными образовательными ресурсами, мы выделили три уровня формирования ИКТ-компетентности педагога в области разработки и использования дистанционных образовательных ресурсов:

- необходимый уровень: характеризуется действиями обучаемых по алгоритму, составленному преподавателем. Будущие учителя изучают и создают дистанционные образовательные ресурсы либо подобные, либо по алгоритму преподавателя;

- достаточный уровень: строится на основе необходимого уровня и предполагает дополнительно наличие умения решать различные проблемы с помощью адекватно подобранного программного обеспечения;

- оптимальный уровень: характеризуется умением создавать на основе полученных знаний дистанционные образовательные ресурсы для использования в профессиональной деятельности; профессионализм учителя

находит своё воплощение в отборе, критическом анализе готовых дистанционных образовательных ресурсов и создании собственных.

Приведенные уровни дифференцированной подготовки педагогов в дистанционной форме обучения составляют иерархию уровней: каждый последующий уровень включает черты предыдущего и имеет особенные черты, отличающие его от предыдущего. По мере продвижения педагога по этой «иерархической» лестнице формируется новое мышление и компетентность в области разработки и использования дистанционных образовательных ресурсов.

В современных условиях модернизации системы образования подготовка педагога в области ИКТ должна быть направлена не только на подготовку компетентных пользователей, но главным образом на изучение вопросов, связанных с использованием этих технологий в образовательной практике. От того, насколько методически грамотно преподаватель организует педагогический процесс, связанный с освоением учащимися структурных составляющих изучаемого предмета в новых условиях, зависит успешность обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.А., Солдаткин В.И. 1999. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация. М.: Изд-во МЭСИ. 196 с.

Ахаян А.А. 2001. Виртуальный педвуз. Теория становления. СПб: Корифей. 256 с.

Гаврилов Н.А. 2007. Оценка эффективности дистанционных технологий обучения // Вестник ПОИПКРО. No 3: 15-23.

Демкин В.П., Можаева Г.В. 2003. Организация учебного процесса на основе технологий дистанционного обучения. Томск: ТГУ. 125 с.

Долинер Л.И. 2003. Информационные и телекоммуникационные технологии в обучении: психолого-педагогические и методические аспекты. Екатеринбург: Изд-во РГППУ. 344 с.

Домрачеев В.Г. 1994. Дистанционное обучение: возможности и перспективы // Высшее образование в России. No 3: 10-12.

Полат Е.С., Буханкина М.Ю., Моисеева М.В. 2004. Теория и практика дистанционного обучения. М.: Академия. 416 с.

Хуторской А.В. 2008. Педагогическая инноватика. М.: Академия. 256 с.

Получена / Received: 10.10.2012
Принята / Accepted: 17.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 782-788

Интегральная модель психолого-педагогической поддержки профессионального развития студентов факультета журналистики

Т.Н. Владимирова

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова
111123, Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 7
Sholokhov Moscow State University for Humanities
3-st Vladimirskaya str. 7, Moscow 111123 Russia; e-mail: tkamv@yandex.ru

Ключевые слова: профессиональная поддержка, профессиональное развитие личности, оптация, адаптация, профессиональное становление, интегральная модель.
Key words: professional support, professional development, personality option, adaptation, professional formation, the integral model.
Резюме: В статье раскрывается понятие «психолого-педагогическая поддержка» в системе высшего профессионального образования, ее роль и место в становлении успешного журналиста. Автор акцентирует внимание читателей на идеи адекватности будущей журналистской деятельности студента образовательному процессу в высшем учебном заведении. Особое место в статье уделяется разнообразным педагогическим формам, которые применяются на факультете журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова.
Abstract: the article expands the concept of "psycho-pedagogical support" in higher vocational education and its role and place in becoming a successful journalist. The author focuses readers on ideas the adequacy of future journalism students the educational process in higher education. A special place in the article on various pedagogical forms that apply at the Faculty of journalism of the MGGU M.A. Sholokhov.
[Vladimirova T.N. The integral model of psycho-pedagogical support the professional development of the students of the Faculty of journalism**]**

Социальные, экономические преобразования российского общества привели к утрате норм и правил, ценностных ориентаций, которые были широко распространены и с успехом применялись в недавнем прошлом. Предпочтения разных социальных групп сегодня отличаются собственным видением жизни, профессии, финансовыми возможностями; наполняются новым смыслом понятия «ценность» и «успех». Это привело к изменению целей и задач образования.

Перемены в системе высшего образования очевидны. Это

переход на двухступенчатую систему подготовки (бакалавриат – магистратура), предлагающая возможность выбора условий студентам для дальнейшего определения своей профессиональной карьеры: диплом бакалавра и практическая деятельность в сфере СМИ или продолжение обучения в магистратуре. Внедрение стандартов третьего поколения позволяет всесторонне развивать личность студента, его творческую направленность и практические навыки будущей профессиональной деятельности.

Профессиональное развитие личности будущего журналиста должно осуществляться в процессе решения сложных и многообразных проблем практической деятельности при обучении в вузе. Такое развитие может быть эффективным, если будет включать процесс педагогической поддержки студента на фоне вхождения его в журналистскую среду и активной реализации накопленных знаний и опыта. Успешность профессионального развития возможна при овладении современными стандартами и ценностями авторитетного журналистского сообщества, а итоговый результат профессиональных преобразований может рассматриваться как выбор оптимальной для студента личной стратегии, ориентированной на социальные достижения.

Профессиональное становление студентов-журналистов строится на особенностях и противоречивости индивидуального развития личности, через адаптивное поведение молодого человека при выборе оптимальных стратегий журналистского образования.

Понятие «педагогическая поддержка» рассматривается нами в двух аспектах:

1. как комплексная образовательная программа развития студента – субъекта профессиональной деятельности,

2. как способ функционирования педагогических идей в инновационных профессионально-педагогических концепциях системы высшего профессионального образования.

В основе педагогической поддержки профессионального развития студентов-журналистов в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова лежит идея адекватности будущей журналистской

деятельности студента образовательному процессу в высшем учебном заведении.

Основными критериями эффективности педагогической поддержки являются:

- степень удовлетворенности студентов от полученных знаний, качества образования на факультете журналистики;

- степень понимания своего места в профессиональном медиапространстве;

- уровень мотивации в достижении профессиональных компетенций, навыков и знаний студентов-журналистов;

- разные уровни профессионализма, соответствующие содержанию профессии журналиста;

- конкурентоспособность.

Такой системный подход направлен на максимальное участие и координацию общих методов и подходов всех сторон в образовательном процессе подготовки специалистов в области журналистки и масс-медиа.

Педагогическая поддержка в МГГУ им. МА. Шолохова основывается на принципах ранней профориентации. Тогда, когда молодые люди начинают думать о своей будущей профессии, проходя, согласно акмеологической концепции Э.Ф.Зеера, первую из пяти стадий профессионализации – оптацию (лат. optatio - желание, выбор), ориентируясь при этом на индивидуально-личностные и ситуативные особенности. Одних студентов на факультет журналистики привело мнение о престижности профессии в обществе, ожидание высокого заработка, наличие литературного таланта в изложении фактов и событий; на других повлияло мнение и рекомендации родителей, учителей, журналистов и т.д. На данном этапе у молодых людей явно не хватает знаний о характере профессии журналиста.

Помочь в становлении будущих специалистов масс-медиа может партнерское участие журналистов – практиков, работодателей в довузовской подготовке абитуриентов, в организации учебного процесса, в проведении мастер-классов, спецкурсов, семинаров и практических занятий, проектной деятельности факультета журналистики и т.п. Преподаватели и студенты факультета журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова

активно сотрудничают с местными журналистскими сообществами. Стало традицией участие в Открытом фестивале молодежной журналистики «Пингвины пера», который проводится по инициативе ДК «Зодчие» и молодежной газеты «Молодо-зелено» при поддержке Управления культуры ЗАО г. Москвы, муниципального образования Кунцево, Союза журналистов России, Союза журналистов Москвы, Союза журналистов Подмосковья. В 2012 году в рамках фестиваля был организован семинар «Современный медиатекст». Ведущий семинара Жилавская И.В., зав. кафедрой журналистики и медиаобразования МГГУ им. М.А. Шолохова.

Активно внедряются в учебный процесс система мастер-классов, творческих встреч с интересными людьми нашего времени, известными журналистами, учеными, писателями, публицистами. Только в 2011-12 уч. году организованы встречи с генеральным директором телеканала «Russia Today» А. Николовым; главным редактором информационного портала для молодых журналистов YoJo.ru Л. Жуковской; депутатом ГД РФ, журналистом А. Хинштейном, заместителем главного редактора агентства «The Associated Press» Томасом Кентом; профессором Высшей школы экономики, председателем Совета директоров Независимого института коммуникативистики И. Дзялошинским, главным редактором газеты «Труд» В. Симоновым; директором Международного центра социально-политических исследований и консалтинга Е. Пашенцевым, корреспондентом газеты «Советский спорт» Н. Чагорским и мн.др.

Все элементы системы организации встреч с профессионалами масс-медиа (на факультете, в редакциях газет, в Доме журналистов) направлены на формирование профессиональных компетенций будущего журналиста.

Профессиональное становление - это многоуровневый процесс, занимающий значительный период жизни, на протяжении всего обучения на факультете журналистики студентам предлагаются различные формы приобретения профессиональных знаний, навыков и умений: пресс-туры, круглые столы, мастер - классы, научные семинары и т.д. Например, 19-20 сентября 2011 года студенты факультета

журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова в рамках совместного с Союзом журналистов Подмосковья проекта «I Медиа-неделя Подмосковья» побывали в редакциях районных СМИ. Завершилось знакомство с работой средств массовой информации Подмосковья дискуссией на тему: «Районные СМИ: разрушая стереотипы», где состоялся конструктивный разговор студентов, представителей районных СМИ, Союза журналистов Подмосковья, экспертов в области современных масс-медиа.

Такие мероприятия являются условием развития профессионального интереса студентов и дают предпосылки для дальнейшей адаптации в профессии, самоопределения, формирования социально-ориентированных позиций, личностных и творческих качеств. По сути именно личностные характеристики, активная включенность в творческий процесс создания медиапродукта говорят о готовности студента к творческой профессиональной деятельности.

Изучение личности молодого специалиста, способной к самореализации, самоуправлению, создание условий для полноценного раскрытия потенциала становится для педагогов вуза актуальной задачей. Организация образовательного процесса на факультетах журналистики должна быть построена таким образом, чтобы не вызвать проявления деструктивных качеств студентов, таких как пассивность, инертность, инфантилизм и т.д.

Для осуществления этих целей и задач на факультете журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова используются следующие педагогические формы:

- организация внеучебной деятельности студентов, т.е. погружение студентов в творческую деятельность – самодеятельность, праздники, спорт, научно-исследовательские проекты. Это работа в пресс-центрах детских оздоровительных лагерей, волонтерство, школа лидерства и др.

- участие в профессиональных журналистских конкурсах городского и регионального значения («Хрустальная стрела», «Паруса надежды», «Фестос»);

- издание студенческой газеты «Импульс – М»;

- научно-методические семинары по актуальным

проблемам журналистики и медиаобразования. Наши студенты активно участвуют в научном семинаре «Медиаповедение в обществе неопределенности», который посвящен актуальным проблемам медиакультуры, современной виртуальной реальности. Стали традиционными встречи студентов с учеными и исследователями в области медиакультуры на заседаниях круглого стола «Журналистика и медиареальность».

- организация и проведение ежегодных студенческих научных конференций. Силами студентов факультета журналистики были организованы следующие конференции – «Современный мир: личность и проблемы общества» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008); «СМИ и гражданская ответственность молодежи» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009); «Молодой журналист: профессиональные интересы и ценностные ориентации» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010). В 2011 году на факультете была проведена I Всероссийская конференция «Молодежь и медиа. Цели и ценности», по итогам которой был выпущен сборник статей с одноименным названием.

Такая педагогическая поддержка нами рассматривается как способ индивидуального, группового развития личности в процессе воспитания. Здесь существует своя логика: через осознание реальной ситуации, через оценку своих действий или творческого коллектива, через выражение эмоционального состояния, через поиск способов решения проблемы рождается непосредственно дело. Через содействие и тесное взаимодействие преподавателя и студента достигаются профессиональные цели. Это и есть концепция педагогической поддержки, которая зависит от специальных условий:

- создание образовательной среды на факультете журналистики, максимально приближенной к реальности;

- педагогические кадры, принципы и методы обучения, степень вовлечения студентов в процесс обучения;

- преодоление деструктивных проявлений профессиональной деятельности будущих журналистов.

Чтобы наиболее полно понять сущность педагогической поддержки, необходимо представлять интегральную модель для построения вновь создаваемых процессов, объектов и т.д.

(другими словами, это профессиональная позиция студента-журналиста). И описание явления, процесса, проекта – это вербальная модель. Делать это надо обязательно. В процессе моделирования ситуации необходимо оценивать риски, предыдущий опыт и все возможные шаги и последствия.

Одним из важных критериев успешности будущего журналиста является то, насколько быстро и качественно он сможет «влиться» в профессиональную среду, насколько грамотно сможет применить полученные в процессе обучения знания, и насколько адекватно они будут оценены работодателем. Преподавателям факультетов журналистики необходимо готовить студента к тому, что ему придется работать в постоянно изменяющихся условиях, что от него потребуется не только умения быстро и грамотно применить полученные знания, но и суметь решить вопросы, с которыми в процессе обучения он не сталкивался.

ЛИТЕРАТУРА

Зеер Э.Ф. 2003. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 336 с.

Яковлев Е.В. Педогогическая концепция: методологические аспекты построения. М.: ВЛАДОС. 239 с.

Получена / Received: 07.11.2012
Принята / Accepted: 09.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 789-798

Особенности социализации современных подростков в дополнительном художественном образовании

А.С. Зайцев

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: vpgarmoni@mail.ru

Ключевые слова: подростки, социализация, театр, искусство, индивидуальность.
Key words: teenagers, socialization, theater, art, individuality.
Резюме: В данной статье проблематика опоры на педагогический потенциал театрального искусства в процессе развития и социализации растущего человека рассматривается применительно к подростковому возрасту.
Значение процесса социализации для подростков без преувеличения огромно. Осознание своего «Я» происходит в этом возрасте как осмысление своего места в жизни родителей, друзей, окружающего социума.
Abstract: In this article the problems of the pedagogical potential of theater in the development and socialization of the growing person is considered in relation to adolescence. The value of the socialization process for teens is literally huge. Awareness of the "I" is at this age as understanding of its place in the parents' lives, friends and the surrounding society.
[Zaytsev A.S. Teenagers' socialization features in art education**]**

Проблема социализации личности стала актуальной во второй половине XX века. В этот период значительно увеличилось число факторов, оказывающих влияние на формирование молодежи. Кроме того, влияние стало весьма противоречивым. Среди этих факторов, прежде всего надо называть научно-техническую революцию, развитие такого явления, как молодежная субкультура, искажения в общественных отношениях, являющиеся последствиями идеологии потребления, агрессивность средств массовой информации и т.д.

Понятие социализации связано с представлениями об адаптации личности к выполнению своих функций, не случайно

социализацию называют иногда «социокультурным рождением человека».

В современной социологии и педагогике единой теории социализации не существует. Имеются три концепции, которые отличаются преимущественно трактовкой процесса социализации, пониманием ее целей. Это адаптивная модель социализации, гуманистическая модель и комплексная социализации, совмещающая обе позиции.

Адаптивная социализация разрабатывалась в рамках теории структурного функционализма Т. Парсонса и др. (Парсонс, 2000). Общество представляет систему, со структурой социальных слоев, институтов, норм взаимодействия и т.д., где каждый элемент социальной системы выполняет свои функции. Система стремится к равновесию и стабильности. Одним из механизмов, обеспечивающих стабильность, является социализация, целью которой является выработка требуемого поведения у личности.

В процессе совершенствования теории социализации возникает «комплексная социализация». Цель такой социализации ученые видят в формировании «позитивно-критической» личности. От человека требуется выполнение норм общества, ролевого функционирования в нем, и вместе с тем признается стремление к индивидуальному росту, внутренней свободе. Необходим человек, способный сознательно взаимодействовать с другими и с окружающей реальностью в целом (Альберт, Хедоури, 1993).

В результате теоретических исследований социализации созданы новые программы образования, направленные на модернизацию. В частности, в ряде западноевропейских школах введены специальные предметы, задача которых - формировать знания и поведение, позволяющие школьникам легче вступать в жизнь, например: знание политической и социальной системы страны и т.д. (Дерябин, 2004).

Значение процесса социализации для подростков без преувеличения огромно. Именно в этот период завершается активный период социализации. Происходящие у подростков значительные психофизиологические изменения не могут не повлиять на ход и содержание социализации. Осознание своего

«Я» происходит в этом возрасте как осмысление своего места в жизни родителей, друзей, окружающего социума. Отсюда появляется гипертрофированная самостоятельность, ведущая к агрессии.

Подростковый период становления личности является одним из самых сложны и конфликтных. Не случайно крупнейший американский психолог Ст. Холл подростковый возраст охарактеризовал как «кризис самосознания», преодолев который человек приобретает «чувство индивидуальности» (Холл, 1925: 125-141). Подросткам свойственна неустойчивость, которая проявляется в том, что высокая активность сменяется ослаблением, самоуверенность - застенчивостью, живая любознательность - в умственное равнодушие, эгоизм переходит в альтруизм, веселое, приподнятое настроение сменяется апатией и т.д.

По мнению ряда психологов, подростковый возраст являет собой некую промежуточную стадию между детством и взрослым состоянием, Этот период воспроизводит эпоху хаоса, когда животные тенденции сталкиваются с требованиями социальной жизни. Подростковый возраст насыщен стрессами и конфликтами, в нем доминируют нестабильность, смятение.

Немецкий философ и психолог Э. Шпрангер рассматривал подростковый возраст внутри юношеского. Первая фаза этого возраста - собственно подростковая - ограничивается 14-17 годами. Она характеризуется кризисом, содержанием которого является освобождение от детской зависимости (Шпрангер, 1931). В отечественной науке особенности подросткового возраста рассмотрены в трудах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейна, Ю.И. Фролова, В.В. Давыдова, И.В. Дубровиной и др. (Дубровина, 1998).

Трудности социализации в подростковый период связаны с:

- несовпадением между высоким уровнем притязаний и низким социальным статусом, объяснимым слишком юным возрастом;

- несовпадением стремлений родителей к опеке и авторитарному стилю руководства развитием подростка и новых

возможностей подростков, заданных их достаточно быстрым взрослением;

- противоречием между усиливающейся ориентацией на самостоятельность и свойственную этому возрасту зависимость от мнения и поведения сверстников.

Современные социологи выделяют и такую проблему современных подростков, как «ролевое бесправие», т.е. наличие у подростков меньшего объема прав и обязанностей по сравнению со взрослыми (Аксёнов, 1996). При этом подростки неизбежно сталкиваются с глубокими мировоззренческими и нравственными проблемами, но они не обладают не только правами, но и опытом. Недостаток опыта вынуждает их совершать значительные ошибки в нравственном и социальном выборе. В результате нарушается естественный процесс социализации.

Для изучения процессов социализации в этом возрасте важно, что у подростков происходит достаточно интенсивное развитие психических познавательных процессов; интересы становятся более дифференцированными и стойкими. Развитие интеллекта при этом имеет количественную и качественную стороны. Активно формируются навыки логического мышления и память, развиваются творческие способности, возникает индивидуальный стиль деятельности.

Все это определяет направленность на значительный рост личности подростка, на расширение круга его интересов, развитие самосознания, появление социально ценных побуждений и переживаний и т. д.

В ходе социализации для подростков особенно важно признание их права на самостоятельность и индивидуальные проявления. Отсюда столь ярко выражено стремление к самоутверждению, самореализации, самоопределению. Появляются собственные вкусы, взгляды, оценки, собственная линия поведения. Подросток, претендуя на равноправие в отношениях со взрослыми, идет на конфликты, отстаивая свою собственную позицию.

Здесь необходимо остановиться на рассмотрении роли системы дополнительного образования (прежде всего – художественного) в социализации современных подростков.

Цель дополнительного художественного образования заключается в решении проблем занятости как детей, так и членов их семей, т.е. в продуктивном сочетании различных видов организации культурного досуга с теми или иными формами образовательной деятельности. Занятия в студиях и кружках дополнительного художественного образования дают возможность для свободного самовыражения, творческой активности самого подростка, что влияет на повышение уровня социальной адаптивности, создает условия для нивелирования девиантных проявлений личности подростка.

На занятиях искусством в системе дополнительного художественного образование образуется общность людей, увлеченных одним творческим делом; идет педагогически организованный процесс художественного воспитания, при котором эффективно задействуется коррекционно-развивающий пласт, развиваются умения людей работать группой и создавать законченный творческий продукт силами коллектива.

Педагог дополнительного образования зачастую становится для подростка чуть ли не единственным Значимым взрослым, чье мнение авторитетно, влиятельно, ценно. Это можно объяснить тем, что, обращаясь к художественному образу, педагог может выйти за рамки только интеллектуального общения с детьми, погрузить аудиторию в пространство эмоций, дать выход фантазии (Карлгрен Ф., 1991). То, что усвоено через образ и то, что затронуло чувства, усваивается лучше всего. Нет сомнения, что занятия в студиях дополнительного образования позволяют более органично адаптироваться к социуму.

Характерные для абсолютного большинства подростков неустойчивость, подвижность душевной жизни приводят к дестабилизации самосознания. Этот факт необходимо учитывать при работе с подростками. Ведь в них потенциально заложены возможности социально-положительных достижений. Деформации развития и социализации весьма трудно исправить, но они могут быть предотвращены внимательным и чутким вмешательством педагога-руководителя студии.

Так, это может быть помощь в освоении новых социальных ролей, в выборе дальнейшего жизненного пути,

профилактике отклоняющиеся поведения на основе освоения театрального искусства, прежде всего глубинного восприятия драматургических текстов и обретения важных навыков актерской профессии.

В созданной в ходе исследования программе «Волшебный занавес (театр как инструмент развития личности и способ самовыражения)» на II ступени предполагается освоение духовных ценностей через погружение участников театрального коллектива в прошлое и будущее; осознание связи времен через постижение нравственных законов, народных традиций, национальной картины мира. У подростков формируются представления о бесконечности и вечности мироздания. На основе развития характера героя (образ-кукла, образ-маска, образ-тип и т.д.) и формы их поведения в романтических, философских сказках, приключенческих историях, а также пьесах остросоциального характера и трагедийного жанра у подростков формируются представления о существующих моделях общения. Через раскрытие сущности изображаемых явлений у них создается нравственный и эстетический идеал.

На занятиях в студии часто применяются такие формы, как: индивидуальные беседы, дискуссии-обсуждения, обобщающий приобретенный в постановке спектакля и в процессе выполнения заданий опыт и знания, ситуации пробуждения у подростков стремления к самосовершенствованию. Как уже указывалось в предыдущем параграфе, очень важно создавать особую эстетико-коммуникативную атмосферу, в которой возникают условия для расцвета индивидуальности каждого подростка, для осуществления заложенных в нем способностей. В этом случае, помогая росту позитивных качеств, мы постепенно убираем деструктивные.

Отметим, что становление позитивной Я-концепции весьма эффективно протекает на занятиях в театральной студии. Выделенные в науке факторы оптимизации становления Я-концепции учащихся, занимающихся театрально-исполнительской подготовкой, позволяют утверждать, что процесс самосознания испытывает значительное влияние

различных структурных и функциональных компонентов формирования профессионального актерского мастерства. Это проявляется в индивидуальной траектории достижения определенных уровней в актерском творчестве, целеустремленности, самоотдаче.

Позитивная Я-концепция подростка-актера подразумевает наличие волевых качеств, творческой интуиции, личностной зрелости, рефлексии.

Важно и то, что сформированная позитивная Я-концепция означает готовность человека к самораскрытию, наличие у него качеств гибкости, направленность на самоизменение (самосовершенствование), внутренней свободы, эмпатии и пластичности эмоционального Я.

Эти структурные составляющие личности позволяют подростку быть более устойчивым к стрессам, развивать в себе способность к саморегуляции и самоанализу, критическому отношению к себе. Такие подростки более смело проявляют социальное Я. Они раскованны (особенно это касается телесного Я), уверенны в себе. Их самооценка (в частности, самооценка своих творческих проявлений) по многим критериям может быть определена как адекватная.

В то же время деформация в становлении Я-концепции приводит к неуверенности в себе, что внешне может выражаться в обидчивости, упрямстве, агрессивности. В связи с этим на занятиях необходимо помочь подросткам при осознании «Я» - реального научиться исправлять свои «недостатки», т.е. предпринимать реальные шаги самовоспитания.

С этой целью можно применять задания на коррекцию самооценки. Приведем несколько примеров таких заданий, использованных в опытно-экспериментальной работе:

«Цепочка» - это задание предполагает игровую форму знакомства. Применяется на начальных занятиях в студии. Все участники сидят в кругу. Каждый по очереди называет свое имя. Следующий должен называть не только свое имя, но и имя предыдущего участника. В итоге последний называет имена всех сидящих в кругу.

Задание «Я - это ты. Ты - это я». Участники студии делятся на пары и рассказывают друг другу обо всем, что

считают необходимым за определенный промежуток времени. Партнеры могут задавать друг другу любые вопросы. После общения в парах участники представляют друг друга, взаимно обмениваясь ролями.

В данном случае очень важно организовать этап обсуждения этого задания. Подросткам можно задать ряд вопросов: Что легче сделать: рассказать о себе или о других? Как Вы себя чувствовали, когда Вы представляли партнера? Как Вы себя чувствовали, когда Вас представлял партнер? В каких случаях мы чувствуем стеснение, а в каких - уверенность?

Исследователи современных подростков отмечают, что для них характерна значительная эмансипация самооценки от внешних оценок, но при этом усиливается влияние оценки, которые дают их поступкам так называемые Значимые другие, или референтная группа (Мадорский, 1991: 73). Подчеркнем, что самооценка тесно взаимосвязана с успешностью деятельности и социально-психологическим статусом подростка в театральном коллективе, она также регулирует процесс общения, которое является в этом возрасте ведущей деятельностью.

Многие исследования подчеркивали значимость прочной групповой идентификации, влияющей на ощущение внутреннего благополучия - К. Левин, Э. Эриксон и др. (Эриксон, 1996).

Итак, знания о мире и людях подросток получает, общаясь, в первую очередь, со своими сверстниками. Если школьный театр сможет стать для подростка той самой референтной группой, с которой у него появится желание слиться, отвечающее потребности в эмоциональной безопасности, то у педагога появляется возможность корректировать неизбежные искажения в индивидуальных траекториях развития каждого участника студии.

Дело в том, что именно общение в микрогруппах ближайшего окружения (а такой группой и является коллектив школьного театра), творческая деятельность, направленная на самопознание и самоопределение, позволяют формировать у подростка потребности в постоянном самовоспитании, самоорганизованности.

Безусловно, главным являются тут высокая культура общения, его познавательный, ценностный характер, педагогический такт и педагогическая поддержка руководителя школьного театра, его вера в силы каждого подростка.

Деятельность в школьном театре носит универсальный характер, это дает подросткам возможность более ярко самовыразиться, проявить самостоятельность и ответственность в выборе того или иного направления в создании спектакля. Это тоже отвечает потребностям данного возраста.

Зачастую разрыв между познанием мира и самопознанием лишает подростка возможности саморегуляции. В этой ситуации гаснут интересы, преобладают безответственность и праздный образ жизни.

В театральной студии эти моменты могут быть преодолены за счет активности игровой деятельности. Как известно, игра - лучшее средство удовлетворения интересов и потребностей, реализация замыслов и желаний растущего человека. Зная индивидуальные особенности подростка, его способности, умения, педагог-руководитель студии может использовать это в игре. Она может быть игрой-разминкой, игрой-репетицией, игрой-релаксацией, дидактической игрой и т.д.

В игре подростки получают возможность проживания разнообразных социальных ролей. Внешнее копирование взрослых отношений – один из вариантов подростковой социализации. При этом важно поддержать те варианты взрослости, которые благоприятны для творческого развития самого подростка. Это может быть включение в глубокую духовную или интеллектуальную деятельность, когда подросток интересуется определенной областью науки или искусства, занимаясь самообразованием.

В контексте освоения театрального искусства это может быть углубленная работа над ролью, над произведением, подготовка сообщения о том или ином драматурге, режиссере, театральном жанре и т.д.

Такие задания помогают преодолевать свойственную современным подросткам социальную инфантильность.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнов И.Н. 1996. Социализация подростков. М.: МАИ.
Альберт М., Хедоури М. 1993. Основы менеджмента. Пер с англ.- Москва.
Дерябин Ю.С. 2004. Финляндия - один из мировых лидеров в образовании // Педагогика, No 4.
Дубровина И.В. 1998. Психокоррекционная и развивающая работа с детьми. М.: Академия.
Карлгрен Ф. 1991. Антропософский путь познания.- М: Алфавит.
Краковский А. П. 1970. Подростки. М.: Просвещение.
Мадорский Л. Р. 1991. «Глазами подростков». М. Просвещение.
Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. М.: Академический проект.
Холл С. 1925. История одной кучи песку. Холл С. Очерки по изучению ребенка. Б.м.: Пучина.
Шпрангер Э. 1931. Психология юношеского возраста ”Psychologie des Jugendalters”. «Педология юности». М.-Л.: Литература.
Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность, кризис. М.: Смысл.

Получена / Received: 31.10.2012
Принята / Accepted: 02.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 799-812

Преодоление пассивности и инертности, формирование активности у молодежи в учебно-познавательной деятельности

А.А. Ласкин

Высшая Школа Социально-Управленческого Консалтинга
129278, Москва, ул. Павла Корчагина, 7А
Higher School of Socially-Administrative Consulting
Pavla Korchagina str. 7A, Moscow, 129278 Russian; e-mail: al.laskin@yandex.ru

Ключевые слова: пассивность, инертное развитие, активность, профессиональная среда, педагогическое регулирование, профессиональная подготовка, профессиональная инертность, пассивность молодежи.
Key words: passive, inert development, activity, professional environment, teacher management, training, vocational destructiveness, inertia.
Резюме: В статье рассматриваются традиционное обучение студентов и молодежи, что выявляет пассивность и инертность в отношении студентов к учебе, которая не подкрепляется профессиональной необходимостью. Процесс изучения пассивности и инертности студентов должен включать характеристики и профессии и человека, т.к. изучение субъектно-объектных взаимосвязей, складывающихся в деятельности человека, помогает раскрыть индивидуальные особенности будущего специалиста, уровень его компетентности, причины пассивности и инертности, осложняющие его работу.
Abstract: The article deals with the traditional teaching students that reveals the contradictions and formal students' attitude to learning, which is not supported by a professional necessity. The process of studying the passivity and inertia, students should include the characteristics and profession, and rights, as study of subject-object relationships that are emerging in human activities, helps to reveal the individual features of the future specialist, his level of competence, the reasons for passivity and inertia, complicating his work.
[Laskin A.A. Formation of activity, overcoming the passivity and inertia of the students in the educational-cognitive activity**]**

В настоящее время пассивность делает вызов всему человечеству, в том числе молодежи и педагогам высшего учебного заведения: в каком направлении и как необходимо модернизировать высшее образование, чтобы молодой человек - будущий специалист - мог бы не просто выжить, но и преуспеть в эпоху глобализационных перемен XXI века. Духовность и социальная активность человеческой деятельности ставятся в

центр формирования новой системы образования, жизненного и духовного развития.

Однако, к великому сожалению, многие учебные заведения и вузы не имеют надежных целей-ориентиров. Старые цели и ценности подверглись резкой критике, а новые недостаточно ясны. В этой ситуации воспитательные процессы ослаблены и в основном зависят от воли и мастерства педагогов, кураторов, инициативы администрации и традиций конкретного учебного заведения. В вузовской системе главным является подготовка личности, способной разделять и преумножать ценности в обществе, но государство не гарантирует работу выпускникам вуза, в социальном отношении они являются слабо защищенными.

В силу названных причин формируется негативная адаптационная модель в учебной и профессиональной деятельности: молодежь и студенты не могут управлять собой, им невозможно делегировать ряд организационных, управленческих полномочий, как это предусматривается в рамках Болонского процесса.

Но учебная среда, как особая среда, может вызвать и положительные изменения подобной модели, если вовлечь молодежь в активную социальную жизнь учебного заведения и открытого социума.

В систему критериев, характеризующих различные аспекты учебно-профессиональной пассивности и инертности, мы включили:

- степень деавтоматизма навыков выполнения усвоенной деятельности в проблемных ситуациях;
- профессиональную и учебную мотивацию;
- наличие адекватной субъектной позиции по отношению к различным аспектам изучаемого материала, наличие собственного мнения, готовности к объективной аргументации, нормы и идеалы);
- наличие профессиональных планов.

Изменение данных критериев является показателем результативности проводимой в условиях вуза коррекционной работы по преодолению пассивности студентов. Этой работе могут способствовать и активные формы обучения. При их творческом применении студент из пассивного потребителя информации

превращается в активного соучастника образовательного процесса. Использование коллективных форм работы способствует воспитанию чувства коллективизма, умения жить и творить в коллективе, который является главной стимулирующей силой непрерывности развития студентов.

В процессе исследования мы выделили три основные модели формирования учебно-профессиональной пассивности студентов вуза:

- Развитие ранее сформировавшейся стратегии жизнедеятельности в социуме и семье. Причин наличия подобной стратегии может быть несколько: негативная обстановка в семье, неполноценная семья, влияние криминальных и неформальных социальных образований (влияние улицы) и многое другое. Речь в данном случае идет, прежде всего, о тех студентах, которые диагностированы социальным педагогом как неблагополучные, так называемые «трудные». Учебно-профессиональная пассивность, таким образом, выступает как форма жизнедеятельности, как метод ухода от угрожающих воздействий окружающей среды, как метод самозащиты.

- Реакция студента на направленное психологическое воздействие различных людей, прежде всего родителей и педагогов вуза, в целях воспроизводства уже известных и требуемых в среде качеств и свойств. Учебно-профессиональная пассивность, таким образом, выступает как ответная (негативная) реакция на директивное воздействие со стороны участников социума, имеющих на студента влияние.

- Создание новых образцов психического опыта, который способствует специфической адаптации личности к новым условиям существования. Речь идёт о создании индивидуальных механизмов адаптации к изменяющимся условиям среды, которые ущемляют или ограничивают возможности студента (по сравнению с предыдущим этапом жизнедеятельности). Формирование учебно-профессиональной пассивности выступает как создаваемая самим студентом индивидуальная, нестандартная форма защиты собственного мироощущения и микросоциума от подобных изменений.

В любом случае при формировании учебно-профессиональной пассивности взаимодействуют три группы

факторов: социальные нормы, особенности личности, особенности конкретной ситуации.

Кроме того, каждая из перечисленных групп имеет пространственно-временные ограничения. В дисгармонии всех этих элементов и лежат основные причины учебно-профессиональной пассивности студентов. Экспериментальное исследование определило у студентов наличие третьей модели формирования изучаемого феномена.

Следующим этапом исследования было обоснование путей преодоления учебно-профессиональной пассивности студентов и разработка соответствующего комплекса социально-педагогических технологий преодоления изучаемого явления, выступающего как комплексная социально-педагогическая поддержка студентов или система педагогического сопровождения.

Под системой педагогического сопровождения понимается реализация комплекса индивидуально ориентированных мер по ослаблению, снижению или устранению отклонений в социально-профессиональном развитии студента. Она предполагает три взаимосвязанных этапа: диагностический комплекс - выявление учебно-профессиональной пассивности, комплекс по его преодолению и комплекс по его профилактике. Сопровождение — идея последнего десятилетия. Впервые это слово прозвучало в печати, в изданиях «питерской» школы практической психологии. Педагогическое сопровождение представляет собой воздействие людей Друг на друга в условиях социума с целью гармонизации отношений индивидов, участвующих во взаимодействии между собой и с этим социумом в определённом пространстве и во времени. По сути, практико-ориентированные технологии возникли не из теоретических посылок, а как ответ на социальные проблемы - для оказания помощи тем, кто оказался в сложной для себя социальной ситуации. Человек на пути своего развития не изолирован от других, они находятся рядом с ним, т.е. сопровождают его развитие от рождения до смерти.

Способы и методы активизации учебной деятельности учащихся – одна из вечных проблем педагогики. Со временем она была обозначена как центральная педагогическая проблема. Для реализации успешности процесса, преодоления пассивности студентов в процессе профессиональной подготовки,

необходимо глубокое понимание сущности личности и деятельности студента.

Процесс социального формирования личности студента, отличается крайней сложностью и противоречивостью. А сложность в том, что студент пассивен к получению знаний. Утверждающаяся система новых общественных отношений вносит серьезные коррективы в содержание педагогической работы со студентами. Вузовским педагогам приходится сегодня решать задачи, с которыми они ранее не сталкивались.

Ранее, понятие познавательной пассивности, оценивалось как состояние сниженной познавательной активности, в котором индивидуум обрабатывает сигналы из окружающей среды достаточно автоматически, не принимая во внимание новые (или просто иные) аспекты этих сигналов.

Под познавательной пассивностью личности студента как будущего специалиста понимается мера его участия в образовательном процессе, характеризующаяся слабой интенсивностью, недостаточной продолжительностью и частотой его познавательной деятельности.

Активность, будучи условием познания, не является врожденной чертой личности – она сама формируется в процессе деятельности. Что касается активности учения, то она формируется в процессе познавательной деятельности и характеризуется стремлением к познанию, умственным напряжением и преодолением нравственно-волевых качеств студентов.

Для подготовки студентов к производственной практике был проведен цикл семинаров с использованием тренингов. Я выявил ряд составляющих профессиональной адаптивности: навыки социального, профессионального, организационного и ролевого действия. На первом месте по степени важности для студентов является навык профессионального действия, на втором месте - навык ролевого действия. Два других навыка предопределяют возможности формирования исследуемого явления. В конце проведения семинаров проводилось повторное анкетирование по навыкам. Навык социального действия стал значимым для студентов, снизилась важность навыка организационного действия, что позволяет сделать вывод о формировании пассивности как

формы негативной адаптации к учебной и профессиональной деятельности студентов. После производственной практики навык организационного действия укрепил свои позиции. Отмеченный эффект групповой работы необходимо закрепить в качестве основного результата экспериментальной работы по коррекции учебно-профессиональной пассивности, сформированной под воздействием изменений среды.

В ходе исследования были выявлены остро переживаемые студентами кризисные ситуации, способы выхода из них. Личный пример и совет родителей не рассматривается студентами как возможность пополнения «багажа» профессиональной адаптивности, студенты не доверяют своим родителям из-за их отставания от жизни и недостаточно успешного собственного опыта. Это обстоятельство подтвердило необходимость продолжения исследовательской работы по изучению создания условий, максимально снижающих напряженность между родителями и детьми-студентами в аспекте преодоления учебно-профессиональной пассивности.

Последним этапом моего исследования была разработка научно - методических рекомендаций по преодолению учебно-профессиональной пассивности студентов вуза. Я пришел к таким выводам:

1. Сущность педагогической работы по преодолению учебно-профессиональной пассивности состоит в совместном со студентом выявлении возможностей и путей формирования позитивных форм учебной и профессиональной деятельности.

2.Успешность педагогической работы зависит от:

- согласия студента и его готовность к принятию помощи и сопровождения взрослых (педагогов, семьи),
- опора на личные силы и потенциальные возможности личности, веры в эти возможности,
- ориентации на способность студента самостоятельно преодолевать профессиональные препятствия,
- совместности, сотрудничества, содействия, сопровождения,
- конфиденциальности,
- рефлексивно-аналитического подхода к процессу и результату.

3. Реализация педагогических технологий преодоления

пассивности предполагает наличие следующих этапов процесса: диагностический, поисковый, конвенциальный, деятельностный, рефлексивный.

4. Педагогическая деятельность будет эффективной при условии наличия у педагога установки на необходимость оказания поддержки студенту, а также формирования компетентности педагогов в решении этой проблемы, наличия стиля взаимоотношений, при котором поддержка становится возможной, когда в работе используются дифференцированный, возрастной и индивидуальный подходы.

5. Педагогическими условиями, обеспечивающими успешность протекания процесса преодоления учебно-профессиональной пассивности, выступают субъектно-объектные отношения педагога и студента, вариативность педагогических воздействий, создание ситуации выбора и успеха для каждого студента, создание развивающей среды через многоуровневую социокультурную и психолого-педагогическую систему.

Работа со студентами позволила разработать методы по предупреждению и профилактике пассивности студентов и внести изменения в учебный процесс вуза, выработать оптимальные формы и методы овладения знаниями и умениями необходимыми для гуманистической направленности личности, развития познавательной активности каждого воспитанника.

Преодоление и профилактика профессиональной пассивности, по сути, выступает, как попытка открыть студенту его собственную личность, его возможности, ограничения, показать методологию саморазвития, выявить факторы, влияющие на формирование познавательной активности обучаемого в процессе профессиональной подготовки:

- внутренняя комфортность душевного состояния личности, удовлетворенность его социальных ожиданий;
- целесообразное расположение пространственных элементов учебного помещения, их интеллектуальная информативность, психофизиологическая и нравственно-этическая выразительность;
- наличие условий для максимального развития индивидуальных способностей каждого ученика, для самоактуализации, самоконтроля;

- творческое содружество поколений, которое выражается в гуманном, доверительном отношении педагогов и студентов, в их взаимопонимании;

- высокий уровень эстетического оформления помещений;

- уделяется особое внимание нравственному, физическому и психическому здоровью студентов.

У студента возникает чувство соучастия в активной творческой деятельности и восприятие результата как своего. Одновременно происходит обучение студента новым методам сбора, анализа информации и конструирования моделей деятельности, овладение методами взаимодействия с другими людьми.

Человек современного общества постоянно живет на ограничителе. То от него требуется правильное социальное происхождение, то возрастной ценз. Важна “правильная анкета”, но не ум и талант, в анкете не фиксируемые. Так и получается, что человек живет в мире перевернутых ценностей и ему остается надеяться только на себя. А это, возможно, необратимо трансформирует его видение и психику. Перед ним встает волнующая проблема: в какой мере он как личность способен творить свою жизнь и выполнять предъявляемые к нему требования, далеко не всегда адекватные его интересам и целям. Общество “опекает” человека от рождения до смерти. Оно вмешивается в его жизнь, навязывает ему свои законы и нормы поведения; повелевает его мыслями, подчиняя общим культурным шаблонам. В результате происходящих коллизий человек теряет не только веру в себя, но и вообще интерес к самому себе. Рождается особый тип человека, равнодушного ко всему окружающему, к природе, к духовным ценностям. Педагогические и психологические теории, акцентировали внимание на анализе качеств человека, которые стремились направлять на стабилизацию системы. При этом, упускаются из вида эмоционально-духовные основы жизни человека, его субъективное видение и отражение окружающей действительности.

Сегодня остро ощущается необходимость в разработке новой интегративной теории развития профессиональной

подготовки, которая могла бы объяснить взаимодействия человека с внешней средой и способности личности к отражению и преобразованию себя и среды. Такая теория может быть разработана только на междисциплинарном уровне, на стыке философии, педагогики, психологии и других научных дисциплин, имеющих отношение к человеку, при дополнении традиционных знаний. В данном ключе следует проанализировать и подходы к взаимодействию человека и профессии (см. 1). Большинство авторов рассматривают личностное и профессиональное развитие как взаимодополняющие и взаимополагающие друг друга процессы. Профессия может постепенно существенно изменить характер человека. Вместе с тем, выбор профессии изначально связан с задатками и установками личности. Поэтому когда у людей определенной профессии заметны какие-то общие черты характера, их специфика может быть обусловлена не только вторичным влиянием профессиональной роли, но и тем, что ее выбирают люди, исходно обладающие определенными склонностями.

Для системы профессионального образования, эта проблема чрезвычайно важна, так как именно в ней формируются предметные представления как определенный набор понятийного аппарата. Проблемы понятий являются одним из главных объектов изучения в методологии. На основании понятий о сущности тех или иных явлений возникает целостное представление о решении проблемы и методах ее решения. Студент сам стоит у руля своей жизни. Главная его задача - осмысление получаемой информации в виде сигналов различного вида и использование ее для осуществления обратной связи между духовной и физической компонентой самого человека как целостной системы и подсистемы природы. Изменения в социальной среде можно осуществить лишь за счет качественного преобразования образовательной среды, являющейся главным фактором изменения всех сфер жизнедеятельности системы. Под образовательной системой понимается целостная система факторов, обеспечивающая качественные изменения в жизнедеятельности каждого студента.

Педагогическими условиями, обеспечивающими формирование познавательной активности будущего специалиста, являются: педагогические беседы о специальности и требованиях к качествам специалиста; участие студентов в процессе педагогического целеполагания по формированию ответственности (совместная постановка цели, определение условий, средств ее достижения и реализации); проведение деловых игр, моделирующих профессиональную деятельность специалиста; комплекс индивидуальных и творческих заданий, ориентированных на будущую специальность студента; включение в учебный процесс самостоятельного изучения учебного материала с использованием структурно-логических схем и методических разработок.

Основные требования к организации педагогической службы: отработать систему сотрудничества педагогического коллектива в воспитании личности студента как субъекта выполнения системы ролей, среди которых для семьи приоритетными являются роли личности как семьянина и труженика (профессионала), субъекта общения и отношений, самовоспитания и психической саморегуляции, достойного гражданина своей страны. В соответствии с этим отработать: наиболее оптимальный режим учебной и внеучебной деятельности, создать в учебном заведении надежную систему диагностики здоровья студентов; определить и обеспечить систему устойчивых мер и условий защиты и укрепления здоровья студентов, своевременного предупреждения их заболеваний и их профилактики, их оздоровления; системой учебных и внеучебных средств обеспечить формирование культурно-досуговой деятельности у студентов.

К организации учебно-интеллектуальной службы: создать в учебном заведении такую педагогическую систему, которая основана на приоритете формирования личности как субъекта учения. В соответствии с этим положением: создать в учебном заведении сквозную преемственную систему формирования у студентов Культуры учения - системы знаний, убеждений, умений, необходимых для самостоятельного овладения знаниями, умениями, развития интеллектуальных способностей, формирования навыков продуктивной познавательной

деятельности творческого характера; ввести для этого в учебном заведении во внеучебное время систему индивидуальных занятий, уровня обученности и обучаемости студентов; ввести в учебном заведении обязательную аттестацию и самоаттестацию студентов качества своей учебной деятельности, органически связанную с педагогической аттестацией качества этой деятельности.

К организации профориентационной службы: создать в учебном заведении гарантированную систему трудового и профессионального воспитания, основанную на идеях и принципах современной педагогики и обеспечивающую: формирование у каждого студента системы нравственных качеств, определяющих его отношение к труду и профессиональной деятельности; профессионально-трудовую ориентацию, консультацию, профессиональный выбор и профессиональное становление и самоутверждение, адекватные персональным задаткам, способностям и возможностям каждой личности; персонифицировать процесс профессионального и трудового становления каждой личности на основе индивидуальных прогноз-проектов трудового и профессионального самосовершенствования личности; ввести с этой целью ввести в учебном заведении поэтапную и по периодам обучения профессионально-трудовую самоаттестацию учащихся (как элемент системной аттестации самовоспитания личности).

Преодоление профессиональной пассивности, по сути, выступает, как попытка открыть студенту его собственную личность, его возможности, ограничения, показать методологию саморазвития, выявить факторы, условия, влияющие на его психологический опыт и служебную деятельность. Основная задача эксперимента - это оказание помощи студенту в достижении позитивного личностного существования, при условии продуктивности профессиональной самореализации. Под этим процессом нами понимается: увеличение способности человека к принятию жизненного пути, увеличение возможности переживания и сопереживания (см. 1).

Поэтому профессиональное обучение выступает, как процесс формирования продуктивных теоретико-практических

представлений о деятельности, о людях, осознание личностью своих возможностей, своих представлений, посредством анализа собственных проблем и ошибок.

У студента возникает чувство соучастия в активной творческой деятельности и восприятие результата как своего. Одновременно происходит обучение студента новым методам сбора, анализа информации и конструирования моделей деятельности, овладение методами взаимодействия с другими людьми.

Пассивность выступает как система негативной адаптации личности к разнообразным условиям жизнедеятельности, способ функционирования в конкретной группе, организации. С другой стороны - это активная форма преобразования социальной среды в соответствии с возможностями человека. Программы и способы преодоления выступают формой индивидуальной познавательной активности, направленной на реализацию личности в системе конкретных условий, средств, способов социального существования (см. 3).

Методологические основы изучения познавательной пассивности в процессе вузовской подготовки, можно определить, как совокупность научных средств, принципов и методов познавательной и практической жизнедеятельности человека, исходя из современного представления о социуме в целом, и бытия человека в нем.

Преодоление пассивности у студентов в процессе вузовской подготовки рассматривается как педагогическая система, которая в определенных условиях приводит к заранее определенному и заданному результату. Существо этой модели в личностном аспекте, т.е. это особый комплекс индивидуальных и групповых действий, поступков, определяющих направленность и интенсивность самореализации студента (будущего специалиста). С другой стороны, она отражает объективность, заданность условий функционирования.

Системный подход позволяет рассматривать личность как интегральную целостность. Интегральным качеством самой этой целостности, отражающим преобразующую сущность че-

ловека, выступает его познавательный потенциал.

На первом уровне, активность субъекта в преобразовательной деятельности проявляется в силу внешней необходимости, потребностей, обусловленных характером выполняемого труда, а не как внутренняя устремленность.

Второй уровень определяется понятием «благодаря». Он отражает готовность немедленного включения субъекта в творческий поиск при наличии любой возможности.

Характеристикой третьего уровня развитости творческого потенциала является понятие «вопреки». Личность стремиться воплотить свой творческий потенциал, даже тогда, когда внешние (или внутренние) обстоятельства не только не способствуют учебному процессу, но и тормозят его. противодействуют ему».

Опираясь на данную концепцию, мы считаем, что познавательная активность выступает как показатель уровня развития творческого потенциала. Уровни проявления познавательной активности определяют степень актуализации сущностных творческих сил, которые проявляются на различных уровнях творчества.

Проводя анализ факторов, влияющих на развитие познавательной активности личности, необходимо помнить, что развитие идет по двум каналам:

- внешнему (объективному) - за счет оптимизации общественных условий, детерминирующих поведение личности и обратное воздействие на микросреду, ее преобразование, развитие;

- внутреннему (субъективному) - за счет постоянного самосовершенствования личности, саморазвития, самореализации, раскрытия своих творческих способностей, удовлетворения своих творческих потребностей.

Предположения о том, что проблемы адаптации студента оказывают весьма существенное влияние на развитие его познавательной активности обосновываются тем, что условия микросоциума могут способствовать разворачиванию сущностных сил личности, а могут тормозить, сковывать этот процесс (не случайно на первой экзаменационной сессии мы наблюдаем провалы у молодых людей, которые были активно

или пассивно включены в учебный процесс).

В целом, данные исследования дают основание сделать вывод том, что главной особенностью пассивности и инертности является отсутствие стремления к реализации своих сущностных сил, потребность в их саморазвитии. Активность личности - есть основной обобщающий критерий творчески развитой личности. В понятиях пассивности и инертности находит выражение отсутствие активной преобразующей сущности человека, в ее актуальном проявлении.

ЛИТЕРАТУРА

Подвойский В.П., Утенков А.В. 2010. Учебно-профессиональный инфантилизм студентов. Монография. Москва. 200 с.

Жарков А.Д. 2006. Культурное и профессиональное самоопределение. Москва. 151 с.

Получена / Received: 09.11.2012
Принята / Accepted: 12.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 813-819

Примета времени: индивидуальный маршрут в образовании

И.А. Лыкова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia; e-mail: cvetmir@ mail.ru

Ключевые слова: индивидуальная образовательная стратегия, индивидуальный образовательный маршрут, индивидуальная траектория развития, модель эпигенетического ландшафта, индивидуальность, личность, личностный рост.
Key words: individual educational strategy, individual educational route, the individual trajectory of development, the model of epigenetic landscape, personality, personal growth.
Резюме: Одним из основных условий модернизации современного образования является взаимосвязь индивидуальных и групповых педагогических стратегий. Индивидуальный образовательный маршрут рассматривается в статье по модели эпигенетического ландшафта. Раскрыты дидактические принципы, психолого-педагогические условия и варианты индивидуальных программ, дано понятие «индивидуальный стиль», показана роль педагога и социокультурной среды.
Abstract: One of the main conditions for the modern education's development is the link between individual and group strategies. Individual educational route is considered in the article on the model of the epigenetic landscape. Author has revealed the didactic principles, psycho-pedagogical conditions and variations of individual programmes, it is given the concept of "personal style", the teacher's role and the social and cultural environment.
[Lykova I.A. Sign of the times: the individual route in Education**]**

Одним из основных условий грамотности и успешности современного урока в школе или занятия с детьми в детском саду является взаимосвязь индивидуальных и групповых стратегий образования. Под индивидуальной образовательной стратегией сегодня понимается система дидактических мер, обеспечивающих полноценное развитие ребенка в соответствии с его индивидуальными особенностями и социальным заказом родителей.

Термин «индивидуальная образовательная стратегия»

имеет несколько сходных по смыслу формулировок: индивидуальная траектория развития, персонализированное обучение, модель адресного обучения, индивидуальный образовательный маршрут (по данным В.П. Беспалько, Н.Н. Суртаевой, Т.А. Строковой, Т.И. Шамовой, И.С. Якиманской и др. исследователей).

Обозначим дидактические принципы, обеспечивающие индивидуализацию образовательного процесса:

- принцип антропоцентризма, при реализации которого ребенок становится целевым и организационным центром образования (субъектом);
- принцип развивающего обучения;
- принцип индивидуализации и дифференциации образования;
- принцип максимального разнообразия предоставленных возможностей для личностного роста и развития каждого ребенка;
- принцип перехода количественных достижений в качественные – один из ведущих принципов психологии развития;
- принцип возрастания роли нерегламентированной деятельности;
- принцип создания условий для совместной деятельности детей при постепенном уменьшении прямого участия педагога;
- принцип свободы выбора детьми дополнительных образовательных услуг, помощи, наставничества;
- принцип комфортности.

Выделим основные *психолого-педагогические условия*, обеспечивающие успешность индивидуализации образования и личностный рост каждого ребенка:

- многоуровневая интеграция разных видов детской деятельности;
- разнообразие и постоянная смена видов детской деятельности, объединенных образовательной целью и программой развития;
- подготовка каждым ребенком на основе содержания

образовательного проекта конкретного продукта как успешно достигнутого результата индивидуальной или коллективной деятельности (фиксация и презентация результата в форме макета, книги, газеты, коллекции, выставки);

- наличие специально оборудованного места, включающего широкий выбор дидактических и художественных материалов, игрушек, инструментов, книг, пособий, предметов культуры и произведений искусства;
- индивидуальные программы и маршруты развития каждого ребенка с учетом его интересов, способностей, темпа развития, индивидуального стиля обучения, характера социального запроса родителей и степени их взаимодействия с педагогом.
- вариативность системы профилактики утомления, учитывающей психофизиологические особенности конкретного ребенка;
- активизация позиции детей по отношению к разным видам деятельности, формирование опыта самоорганизации, самодеятельности, саморазвития;
- создание эмоционально комфортной атмосферы в детском коллективе;
- уважение личности каждого ребенка, формирование его положительной самооценки, «Я-концепции творца;
- включение в педагогический процесс компонента психологического сопровождения деятельности всех его субъектов (детей, педагогов, родителей).

Можно наметить следующие направления индивидуализации образования детей, которые применимы в системе основного и дополнительного образования:

- поддержка активного отношения ребенка к окружающему миру; направление его энергии в конструктивное и созидательное русло;
- отведение ребенку центрального места в образовательной системе развивающего типа, созданной из множества разных информационных текстов и интеграционных механизмов, позволяющих ребенку свободно действовать;
- поощрение вопросов, инициативы и

самостоятельности; формирование у ребенка умения обоснованно и культурно противостоять давлению авторитета в отстаивании своего мнения;

- воспитание любознательности; развитие творческости, инициативности;
- становление детской воли, развитие произвольности поведения и деятельности; обогащение опыта регулирования поведения; создание мотивации к развитию и обучению;
- проблематизация содержания образования, создание поисковых ситуаций незавершенности, многозначности, множественности решений;
- согласование с родителями маршрутов индивидуального развития ребенка; учет конструктивных пожеланий родителей «во благо» ребенка.

Индивидуализация образования осуществляется с помощью индивидуальных учебных планов и обучения по индивидуальным образовательным программам. Работа по индивидуальному плану и освоение индивидуальных образовательных программ предполагает использование современных информационных технологий, в рамках которых каждый ребенок может получать адресную информационную поддержку в зависимости от своих интересов, потребностей и способностей.

Помимо индивидуальных интересов, потребностей и способностей, следует выделить индивидуальный стиль как интегрированный знак уникальной личности, который проявляется уже в дошкольном детстве.

Индивидуальный стиль деятельности – это система своеобразных действий, способов, методов, приёмов, эмоциональных реакций, которые применяет и которые проявляет человек в своей деятельности и поведении.

Важнейшим показателем развивающего индивидуализированного образования является способность ребенка самостоятельно генерировать новые информационные и культурные тексты.

При разработке индивидуальных маршрутов развития ребенка необходимо принять во внимание не только «зоны

ближайшего развития» (Л.С. Выготский), но и «горизонты развития» (Н.Н. Поддьяков), понимаемые как постоянное движение к сложной, отдаленной и, как это ни парадоксально, так никогда до конца недостижимой цели. Индивидуальная траектория развития каждого ребенка проектируется по принципу «эпигенетического ландшафта» (термин Ж. Пиаже), когда все дети находятся в одном образовательном и социокультурном пространстве, но «движутся» разными маршрутами к «горизонтам» своего развития через «зоны ближайшего развития».

Рассмотрим модель эпигенетического ландшафта К. Уоддингтона как метафору процесса развития. Данная модель иллюстрирует роль разных факторов в процессе развития, показывает разные варианты развития и их причины, сензитивность отдельных периодов развития к тем или иным влияниям извне, «визуализирует» сложный процесс развития ребенка, отражая его вариативность и многомерность.

Согласно модели эпигенетического ландшафта, ребенок может следовать возможными путям своего развития, подобно некому шару, помещенному в реальное пространство. Ландшафт накладывает ограничения на скорость и характер движения катящегося шара. Метафора «эпигенетический ландшафт» иллюстрирует принцип индивидуализации развития. Он заключается в том, что один и тот же результат, может быть, достигнут разными путями. Этот принцип «завершающего равенства» объясняет, что развитие может быть более медленным или более быстрым у разных индивидов, так как оно идет разными путями и по-разному зависит от влияний окружающей среды.

Программа индивидуального развития включает следующие компоненты:

- психолого-педагогический мониторинг развития ребенка как основа для разработки индивидуального маршрута развития;
- вид индивидуальной программы, обусловленный типом выявленных индивидуальных особенностей ребенка (например, выявлена одаренность художественная,

музыкальная, речевая);

- модульная презентация образовательных программ и технологий;
- направления деятельности, реализующие стратегию амплификации развития детей с учетом индивидуального профиля обучения;
- портфолио детей и педагога, выставки творческих работ;
- согласование индивидуального маршрута развития ребенка с социальным заказом и ожиданиями семьи;
- мониторинг, отражающий промежуточные и итоговые результаты освоения индивидуальных образовательных программ, разработанных на основе Примерной основной общеобразовательной программы.

В индивидуальной стратегии обучения фиксируются ожидаемые результаты и ориентировочный срок выполнения программы, а в конце учебного года (или курса) – заключение о выполнении индивидуальной образовательной программы. Педагогу при этом отводится роль помощника, партнера по общему делу и консультанта. Он выполняет сложную задачу создания оптимальных условий для самореализации ребенка как свободной личности.

Таким образом, деятельность современного педагога направляется, в первую очередь, на создание психолого-педагогических условий для сознательного и самостоятельного выбора детьми индивидуальной образовательной стратегии, на индивидуальную помощь каждому ребенку в планировании разных видов деятельности (в первую очередь тех, в которых наиболее ярко проявляются индивидуальные интересы и способности), на консультирование детей по применению тех или иных информационных источников и дидактических пособий, а также на гармонизацию взаимодействия с родителями. Сегодня важнее не то, что знают и умеют выпускники образовательного учреждения, а как они умеют реализовывать свой личностный потенциал в соответствии с индивидуальными способностями. И это важная примета времени в образовании.

ЛИТЕРАТУРА

Баттерворд Д., Харрис М. 2000. Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр.

Ландау Э. 2002. Одаренность требует мужества: Психологическое сопровождение одаренного ребенка. М.: Издательский центр «Академия».

Логинова Е.А. 2007. Выстраивание индивидуальной стратегии при обучении одаренных школьников (на примере иностранного языка) // Успехи современного естествознания. No 8.

Уваровский А.П. 2006. Педагогика развития в работе с одаренными детьми: диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.01 Ростов-на-Дону.

Петерсон Л.Г., Лыкоюа И.А. 2012. Примерная основная общеобразовательная программа «Мир открытий». М.: Цветной мир.

Получена / Received: 22.10.2012
Принята / Accepted: 24.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 820-828

Современные образовательные технологии в становлении студентов факультета журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова

В.П. Подвойский[1], Т.Н. Владимирова[2], Ю.О. Кустикова[3]

[1]Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, building 1, Moscow 119991 Russia
[2]Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова
111123, Москва, ул. 3-я Владимирская, д. 7
Sholokhov Moscow State University for Humanities
3-st Vladimirskaya str. 7, Moscow 111123 Russia; e-mail: tkamv@yandex.ru
[3]Московский Государственный Университет Культуры и Искусств
141406, Московская обл., Химки, ул. Библиотечная, д.7
Moscow State University of Culture and Arts
Bibliotechnaya str. 7, Moscow reg., Khimki 141406 Russia

Ключевые слова: профессиональная поддержка, педагогические образовательные технологии, кейс-стади, проект, пресс-тур, круглые столы, мастер-классы, научные семинары.
Key words: professional support, pedagogical educational technology, case studies, project, press tour, round tables, workshops and scientific seminars.
Резюме: В статье раскрывается понятие «педагогическая поддержка» в системе подготовки будущих журналистов. Автор уделяет особое внимание в статье разнообразным педагогическим образовательным технологиям, которые применяются на факультете журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова.
Abstract: the article expands the concept of "educational support in the training of future journalists. The author pays special attention to the article varied pedagogical educational technology used at the Faculty of journalism of the MSMU. M.A. Sholokhov.
[Podvoysky V.P.[1], Vladimirova T.N.[2], Kustikova Yu.O.[3] Modern educational technology in the development of journalism students at the MSMU M.A. Sholokhov**]**

Стандарт 3 поколения (ФГОС) по журналистике направлен на формирование будущего журналиста как полноценного специалиста, имеющий достаточно высокий уровень компетентности во всех аспектах своей профессиональной деятельности. Центральным понятием компетентностного подхода выступают понятие компетенция и

компетентность, эти понятия наиболее полно отражают современные требования рынка труда. Выпускники российских вузов должны владеть компетенциями, которые позволят им понять, насколько быстро и качественно он сможет «влиться» в профессиональную среду, насколько грамотно сможет применить полученные в процессе обучения знания, и насколько адекватно они будут оценены работодателем. Сегодня необходимо готовить специалиста СМИ к тому, что ему придется работать в постоянно изменяющихся условиях, что потребует от него не только умения быстро и грамотно применить полученные знания, но и суметь решить вопросы, с которыми в процессе обучения он не сталкивался. Что лежит в основе формирования компетенций? Это образовательная среда вуза, умение профессионально организовать учебный процесс, использование технологий и, конечно же, содержание образования. Освоение общекультурных, нормативных и профессиональных компетенций происходит при изучении отдельных учебных дисциплин, циклов и модулей.

Очевидно, что это представляет участникам образовательного процесса новые выходы в творческом обучении, новую меру ответственности. Образование в высшем учебном заведении – это фундамент для профессионального и личностного развития будущего журналиста. Обучение здесь должно осуществляться в ходе решения сложных и многообразных проблем практической деятельности. Успешность профессионального развития возможна при овладении современными стандартами и ценностями авторитетного журналистского сообщества, а итоговый результат профессиональных преобразований может рассматриваться как выбор оптимальной для студента личной стратегии, ориентированной на социальные достижения. В то же время в системе подготовки журналистов имеется важнейшая проблема, которую мало кто поднимает, она заключается в полном отсутствии целенаправленной инновационной подготовки преподавателей по журналистике, нет процесса педагогического управления подготовкой кадров в области журналистики, организационные механизмы управления

развитием такого образования остаются несформированными, не отработаны модели этих механизмов. Ученые разных университетов, работодатели, сотрудники средств массовой информации говорят о необходимости возрождения курсов повышения квалификации для сотрудников изданий, преподавателей журналистики или о системе дополнительного образования. Безусловно, такие меры дадут приток свежих кадров в журналистскую педагогику.

Однако знание предмета не может являться единственным требованием к уровню подготовки преподавателя. Важно знать методику преподавания журналистских дисциплин, уметь использовать современные технические средства, знать последние достижения науки в предметной области и т.д.

Изменение основной парадигмы обучения требует внимания к методам и технологиям преподавания. Как отмечает Т.И.Фролова: «Образовательные технологии перемещаются в центр дискуссий о профессиональном образовании, потому что компетентная и функционально грамотная личность формируется и развивается именно в процессе обучения, в процессе активной деятельности обучения. От того, каким способом это происходит, зависит готовность личности ответить на вызовы времени» (Фролова, 2008: 81).

Объединение знаний и действий на практике, на всех этапах подготовки специалиста в области масс-медиа – синтез всех форм обучения относительно конкретной цели образования на факультете журналистики в частности. С одной стороны, учебные планы на факультетах журналистики включают в себя науки фундаментальные, с другой стороны – практические, поскольку технический прогресс все больше внедряется в деятельность медиаотрасли. Это ведет к осмысленной, целенаправленной, структурированной деятельности, которая способствует творческой и интеллектуальной реализации успешного журналиста. Умение применять знания комплексно, переносить идеи и методы одной науки в другую – основа творческого подхода деятельности современного человека.

Рассмотрим возможные методы и технологии на примере

организации учебного процесса по направлению подготовки 030600 «Журналистика» в МГГУ им. М.А. Шолохова. Нашей задачей стоит рассмотреть инновационные формы учебных занятий. Следует отметить, что изложенный ниже материал является неполным, он дает лишь представление о существующей практике преподавания на кафедре журналистике и медиаобразования. Здесь существуют так называемые традиционные методы обучения, когда преподаватели передают студентам знания, которые в период сессии оцениваются на экзамене или зачете. Но такой учебный процесс не показывает путь усвоения материала. Инновационные технологии требуют, чтобы деятельность студентов опиралась больше на их самостоятельную работу, что становится возможным организовать через презентации, деление на подгруппы, работу по медиапроектам, обучение кейс-стади. Особенностью такого обучения является постепенное усложнение учебного материала, основанного на реальной практике. Это позволяет с первого курса погрузить студентов в мир профессии, развить профессиональные, нормативные и общекультурные компетенции. Преподаватели дисциплин «Интернет журналистика», «Введение в специальность», «Литературная работа журналиста» и т.д. достаточно разнообразно продумывают тематику работ, выполнение которых помогают реализовать самовыражение студентов, осознать нелегкий путь создания журналистского произведения. Темытаких письменных работ разнообразные одной стороны, с другой – близки обучающимся.

Помочь в становлении будущих специалистов масс-медиа может партнерское участие журналистов – практиков, работодателей в довузовской подготовке абитуриентов, в организации учебного процесса, в проведении мастер-классов, спецкурсов, семинаров и практических занятий, проектной деятельности факультета журналистики и т.п. Преподаватели и студенты факультета журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова активно сотрудничают с местными журналистскими сообществами. Стало традицией участие в Открытом фестивале молодежной журналистики «Пингвины пера», который

проводится по инициативе ДК «Зодчие» и молодежной газеты «Молодо-зелено» при поддержке Управления культуры ЗАО г. Москвы, муниципального образованияКунцево, Союза журналистов России, Союза журналистов Москвы, Союза журналистов Подмосковья. В 2012 году в рамках фестиваля был организован семинар «Современный медиатекст». Ведущий семинара Жилавская И.В., зав. кафедрой журналистики и медиаобразования МГГУ им. М. А. Шолохова.

Активно внедряются в учебный процесс система мастер-классов, творческих встреч с интересными людьми нашего времени, известными журналистами, учеными, писателями, публицистами. Только в 2011-12 уч. году организованы встречи с генеральным директором телеканала «RussiaToday» А. Николовым; главным редактором информационного портала для молодых журналистов YoJo.ru Л. Жуковской; депутатом ГД РФ, журналистом А. Хинштейном, заместителем главного редактора агентства «TheAssociatedPress» Томасом Кентом; профессором Высшей школы экономики, председателем Совета директоров Независимого института коммуникативистикиИ.Дзялошинским, главным редактором газеты «Труд» В. Симоновым;директором Международного центра социально-политических исследований и консалтинга Е. Пашенцевым, корреспондентом газеты «Советский спорт» Н. Чагорским и мн.др.

Все элементы системы организации встреч с профессионалами масс-медиа (на факультете, в редакциях газет, в Доме журналистов) направлены на формирование профессиональных компетенций будущего журналиста.

Профессиональное становление – это многоуровневый процесс, занимающий значительный период жизни, на протяжении всего обучения на факультете журналистики студентам предлагаются различные формы приобретения профессиональных знаний, навыков и умений: пресс-туры, круглые столы, мастер-классы, научные семинары и т.д. Например, 19-20 сентября 2011 года студенты факультета журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова в рамках совместного с Союзом журналистов Подмосковья проекта «I Медиа-неделя

Подмосковья» побывали в редакциях районных СМИ. Завершилось знакомство с работой средств массовой информации Подмосковья дискуссией на тему: «Районные СМИ: разрушая стереотипы», где состоялся конструктивный разговор студентов, представителей районных СМИ, Союза журналистов Подмосковья, экспертов в области современных масс-медиа.

Такие мероприятия являются условием развития профессионального интереса студентов и дают предпосылки для дальнейшей адаптации в профессии, самоопределения, формирования социально-ориентированных позиций, личностных и творческих качеств. По сути именно личностные характеристики, активная включенность в творческий процесс создания медиапродукта говорят о готовности студента к творческой профессиональной деятельности.

Изучение личности молодого специалиста, способной к самореализации, самоуправлению, создание условий для полноценного раскрытия потенциала становится для педагогов вуза актуальной задачей. Организация образовательного процесса на факультетах журналистики должна быть построена таким образом, чтобы не вызвать проявления деструктивных качеств студентов, таких как пассивность, инертность, инфантилизм и т.д.

Для осуществления этих целей и задач на факультете журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова используются следующие педагогические формы:

- организация внеучебной деятельности студентов, т.е. погружение студентов в творческую деятельность – самодеятельность, праздники, спорт, научно-исследовательские проекты. Это работа в пресс-центрах детских оздоровительных лагерей, волонтерство, школа лидерства и др.

- участие в профессиональных журналистских конкурсах городского и регионального значения («Хрустальная стрела», «Паруса надежды», «Фестос»);

- издание студенческой газеты «Импульс – М»;

- научно-методические семинары по актуальным проблемам журналистики и медиаобразования. Наши студенты

активно участвуют в научном семинаре «Медиаповедение в обществе неопределенности», который посвящен актуальным проблемам медиакультуры, современной виртуальной реальности. Стали традиционными встречи студентов с учеными и исследователями в области медиакультуры на заседаниях круглого стола «Журналистика и медиареальность».

- организация и проведение ежегодных студенческих научных конференций. Силами студентов факультета журналистики были организованы следующие конференции – «Современный мир: личность и проблемы общества» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008); «СМИ и гражданская ответственность молодежи» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009); «Молодой журналист: профессиональные интересы и ценностные ориентации» (МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010). В 2011 году на факультете была проведена I Всероссийская конференция «Молодежь и медиа. Цели и ценности», по итогам которой был выпущен сборник статей с одноименным названием. В ноябре 2012 года запланировано проведение 2 Всероссийской конференции «Молодежь и медиа. Экология медиапространства».

В 2012 году на кафедре журналистики и медиаобразования внедряется новый метод работы со студентами, который получил название «Ярмарка медиапроектов». Проблемные направления российской науки и практики решаются через введения их в механизм проектов. Преподаватели факультета журналистики МГГУ им. М. А. Шолохова предлагают студентам на выбор 10-15 медиапроектов, которые совместными усилиями продумывают и сопровождают в медиапространстве, т.е. ведется целенаправленная, постоянная, исследовательская, творческая работа.

Такая педагогическая поддержка нами рассматривается как способ индивидуального, группового развития личности в процессе воспитания. Здесь существует своя логика: через осознание реальной ситуации, через оценку своих действий или творческого коллектива, через выражение эмоционального состояния, через поиск способов решения проблемы рождается

непосредственно дело. Через содействие и тесное взаимодействие преподавателя и студента достигаются профессиональные цели. Это и есть концепция педагогической поддержки, которая зависит от специальных условий:

- создание образовательной среды на факультете журналистики, максимально приближенной к реальности;
- педагогические кадры, принципы и методы обучения, степень вовлечения студентов в процесс обучения;
- преодоление деструктивных проявлений профессиональной деятельности будущих журналистов.

Объединение знаний и действий на практике, на всех этапах подготовки специалиста в области масс-медиа – синтез всех форм обучения относительно конкретной цели образования на факультете журналистики в частности. С одной стороны, учебные планы на факультетах журналистики включают в себя науки фундаментальные, с другой стороны – практические, поскольку технический прогресс все больше внедряется в деятельность медиаотрасли. Это ведет к осмысленной, целенаправленной, структурированной деятельности, которая способствует творческой и интеллектуальной реализации успешного журналиста. Умение применять знания комплексно, переносить идеи и методы одной науки в другую – основа творческого подхода деятельности современного человека.

Итак, активизация методик и педагогических технологий позволяет говорить нам о погружении студентов факультета журналистики в реальные ситуации журналистской практики, что позволяет не просто воспроизводить, а использовать эти знания в решении профессиональных задач. А это уже не пассивное восприятие материала, а творческая деятельность, направленная на совместную деятельность студента и преподавателя.

ЛИТЕРАТУРА

Зеер Э.Ф. 2003. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 336 с.

Фролова Т.И. Современные образовательные технологии в профессиональном обучении журналистов. Опыт факультета журналистики МГУ // Современное журналистское образование: технологии и особенности преподавания. Т.1. М., 2008: 81.

Получена / Received: 07.11.2012
Принята / Accepted: 09.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 829-840

"Come Together": Beatles' Songs as a way to Enhance Efficiency Of English as a Second Language Program.

E.N. Polyudova

Santa Clara County Library
14600 Winchester Blvd., Los Gatos CA 95032-1817, USA
Библиотека Санта Клара
14600 Бульвар Винчестер, г. Лос Гатос, Калифорния, 95032-1817, США
e-mail: webmaster@sccl.org, epolyudova@gmail.com

Key words: dialogue, emotional involvement, English as a Second Language, performance anxiety, positive educational space, songs, The Beatles, utterance.
Ключевые слова: английский как иностранный, "Битлз", высказывание, диалог, образовательное пространство, песни, страх публичных выступлений, эмоциональная вовлеченность.

Abstract: An article considers Beatles' songs as an efficient way to enhance teaching English as a Second Language (ESL). It is possible to overcome the performance anxiety ESL students experiencing in real life situations by organizing free discussions in a classroom based on the analysis of Beatles' songs. The article includes some examples of the songs' content application for the different studying levels.

Резюме: Статья рассматривает возможности изучения песен группы "Битлз" как один из способов повышения эффективности преподавания английского языка как иностранного. Преодоление страха публичных выступлений, который испытывают учащиеся в реальных жизненных ситуациях, возможно ослабить с помощью организации свободных дискуссий в учебном процессе на основе анализа песен "Битлз". В статье приведены примеры использования песен для различных уровней изучения языка.

[Полюдова Е.Н. "Come Together": повышение эффективности изучения английского языка как иностранного с помощью песен группы "Битлз"**]**

In the world of globalization English language plays pivotal role in communication. Essential skills to explain yourself, to deal with everyday issues and in business need proper acquisition in English language for different social groups. Meanwhile, the enormous amount of courses, textbooks, practical exercises, audio materials overwhelmed not only students, but teachers too. Demands of the modern life require quick response in studying. People expect immediate results from the language courses they taken because of the practical reasons. As usual their hopes are failed if a teacher does

not have a temper to encourage students be patient and do not be in hurry.

In an article we consider some issues of practical studying English as a Second Language (ESL) and ways to resolve those using texts of the Beatles' songs. Looking through the prism of applied language skills, a method we proposed helps students acquire English in a positive educational environment with emotional involvement and growing motivation.

Following reasons explain the need to improve studying English as a second language (ESL) quickly, proficiently, and painlessly in the modern world environment

•Process of globalization

•Lack of the proper English language education in many social groups: adults, immigrants, deprived children

•Diversity of social and cultural patterns in teaching English in different countries

•Weak speaking experience of people from foreign countries

The situation we described requires the special practical applications in ESL program that help students feel comfortable in a studying situation, simultaneously invisibly and painfully leaving their comfort zone of do-not-speak condition. We call it "positive educational environment" where students gain language skills as a part of the real life and also get familiar to the theoretical content.

The method is based on the emotional involvement in the process of studying language by concentrating on a particular problem. To use this technique sufficiently a person needs a piece of the text with certain emotional content, linguistic models and patterns he or she will find in the text, psychological and informational background of the materials, possibility to get commented reading from a prepared professional.

The texts of the Beatles' songs are completed literary versions of different genres and one of the ways studying English as a second language. Some general questions aroused during the process of developing the approach.

1. Why do we need songs in the studying situation?
2. Why Beatles?
3. What are the ways of application?

Contemporary issues in ESL are, first of all, the psychological

ones. They are related to the mental and emotional aspects to take a foreign language on the regular basis of everyday life. The most complicated problem students encountered is a fear to perform in different situations using a foreign language.

Linguists and psychologists are rendering the issue from different points of view. Russian philologist Mikhail Bakhtin describes language situation as “utterance” that takes place only in real life during dialogue: "Any understanding of live speech, a live utterance, is inherently responsive... Any utterance is a link in the chain of communication." (Bakhtin, 1986). Each dialogical situation is unique and enhances skills, thoughts, considerations of everyone who is involved in a process. Lack of real dialogical situations in a training process deprives learners from forming skill to give quick response in unpredictable situations.

American psychologist and philosopherB. F. Skinner, 1957, encompassing the differences between a language, linguistics, and speech, points out specific “verbal behavior” as Psychological behavioral approach where reinforcement plays the key role in the development of language. Active, almost physical reinforcement such as saying, nodding, supportive words is “the only thing that countsin the conditions which set the contingencies for reinforcement” (Skinner, 1991). “Reinforcement strategy” in studying language expands the concept of the dialogue as an utterance. That is exactly what active response to a song's content benefits.

American linguist and philosopher A. N. Chomsky, 1965, considers studying language for acquisition of productive rules for the free expression of a person: Language is a process of free creation: its laws and principles are fixed, but the manner in which the principles of generation are used is free and infinitely varied. Even the interpretation and use of words involves a process of free creation”. Thus, “free creation” of a speaker to produce the infinite variety of sentences is as important as dialogical space and reinforcement strategies. Free creation requires implementing of all language skills simultaneously. Unfortunately, training exercises and memorization improve only predictable part of language acquisition. The need of real dialogue and free creation are essential in language studying.

Other issues ESL learners encountered are the performance anxiety with the symptoms of choking, and feelings of screwing up. Unstable psychological situation could be compared with "a work on a minefield with unknown conditions in any directions" (Beilock, 2012). Performance anxiety symptoms may include:

- Racing pulse and rapid breathing
- Dry mouth and tight throat
- Trembling hands, knees, lips, and voice
- Sweaty and cold hands
- Nausea and an uneasy feeling in your stomach
- Vision changes

Although this problem usually is described as sportsmen's issue, it is relevant to ESL students' concern. Our teaching experience demonstrates that ESLstudents have the same problems in real life situationswhen they leave their comfort zone after a class. They describe the symptoms of severe stress outside a class similar to performance anxieties. Neurologists explain it as response of a brain to a stress situation. When outside stresses shift attention, "the prefrontal cortex stops working the way it should. We focus on aspects of what we are doing that should be out of consciousness", and, as a result not able to perform our best" (O'Brien, 2011*)*. ESL students suffer as much as athletes because of the inability to perform their best in a foreign language under the pressure of a situation of constant evaluation (often unconscious) of native speakers.

The ways to resolve the issue is "practicing under types of pressure you will face on the big tasting day is one of the best ways to combat choking", - advises Sian Beilock (Beilock, 2012). It is the exact situation people involve acquiring a foreign language, but not in a classroom, in the reality. Classroom environment with great authority of grammar and vocabulary usually is far from real situations. Getting closer to the reality of dialogues, quick responses, and momentary reactions is the general goal of modern foreign language education.Aforementioned issues increase during attempts to perform in a foreign language especially in adult age and create so-called "language barrier" for the adults.

Labeling the criteria for choosing a good source in ESL program for forming "free creation" in a classroom, we need

something adjustable for different studying levels, emotionally interesting and captivating, having usable patterns of idioms, phrases, and well-structured grammar. The Beatles' songs are the perfect source matching these conditions. Moreover, the band itself is a source for discussions because Beatles themselves could be absolutely different and even opposite, from philosophical to funny. Analysis of their pictures and albums' covers allows see different ways of expressions and relationships for all band members who are highly artistic. For example, a cover of "Help!" album is creative and even abstract: it depicts a cry for support using simple silhouettes of the band members. It takes imagination to expose the riddle of the cover putting together the visual images, the music, and the content of the songs the album included.

Speaking about Beatles, we have to remember their role in popular culture as a cross-cultural phenomenon. References and traces of their songs and images are penetrating modern life and culture as well.Just one simple example from our last visit of UC Santa Cruz campus colorfully demonstrates the case of using Beatles' images. There is a picture of an advertising poster with the transformed copy of "Come Together" that invites students to vote for a candidate. Exploiting the Beatles' image this way takes into account the audience is familiar with both the original image and related meanings. Students are well aware of Beatles works and even albums' covers; so they can easily relate the familiar image with program the candidate proposes (according to the assumptions of the candidate's team).

Characteristics of Beatles' works as a source for ESL program.

•Emotional. Their songs are highly expressive and represent the diversity of the genres – philosophical, lyrical, naïve, funny, humorous, frank, ingenuous, sad and even tragic. The whole spectrum of human emotions.

•Linguistic. Good English – phonetic, grammar, vocabulary, subjects, language environment. Good music – easy to remember and repeat.

•Moral values. Humankind values – for many situations and traits in the life: love, relationships, honesty, friendship, loneliness. The songs go to the level of the world literature when we compare

expression of the eternal human being's problems in a life. From the other hand, situations songs described are seemingly routinely and simple. This is one of the Beatles' great illusions. Being deep and serious in the simplest way.

Any song is a real text from real life. It is up to a listener how to take it, how to see deeply, how to consider all different levels of a language. The complex expression creates the unique situational environment causes dialogical educational process in a short time with high quality of the language.

This approach does not exclude serious grammar study or vocabulary improvement. This method is the way of enhancing the interest and ability to get as much as possible from a piece of music and poetry. It is a reason to expand language knowledge based on the emotional involvement and impressions.

In a positive educational environment for the concentration on the particular problem and emotional involvement in the process of studying language we need a piece of the text with certain content, linguistic models and patterns, psychological background. Listening to the music based on a certain concept, repeating i.e. singing or pronouncing a text, studying the patterns inside of a text, and discussing issues of people's life in a real situation create positive and emotional educational environment. The whole process allows overcoming the language barrier in all aspects. Emotional connotations to the language theoretical and practical materials give students sense of real language with essential contingencies of unpredictable conversation.

For example, in a song She Is Leaving Home, 1967, there are three different points of view: performers, a girl, and parents. All of them implemented into two opposite sides of the narration that depicts a real conflict of two generations. Obviously, it is not a new subject for each epoch of human history sees such contradiction in different ways. In Turgenev's novel "Fathers and Sons", 1862, the relationships were destroyed completely because of the lack of understanding between older and younger people who had different life standards. The similar problems we could find in A. Ostrovsky's play "The Storm", 1859, or in L. Tolstoy "War and Peace", 1869. Since ancient times the quote from Socrates is well-known about young generation: "Our youth now love luxury. They have bad

manners, contempt for authority; they show disrespect for their elders and love chatter in place of exercise; they no longer rise when elders enter the room; they contradict their parents, chatter before company; gobble up their food and tyrannize their teachers."

To expand the horizon of the issue, let us put a text from a blog that is referred to Socrates' quote: "I first discovered this quote on a large poster in 1968 when I was a college student. At the time my generation was being criticized for being hippies and many said we would never amount to anything. I learned a valuable lesson that day - every new generation is criticized by their elders and told they would never amount to anything. And while some may die young, most grow-up and become the elders of the next generation.The other lesson to take from this quote is to be careful about listening to critics - they often get it wrong. Don't let the critics dominate your life and your art. Avoid them where possible and ignore what they say if you can't. Artists and writers have been destroyed by the critics in their lives. Some never pick up a pen or paint brush again. Listen to your inner voice, not the voices of your external critics(http://harleyinspiration.blogspot.com/2012/07/socrates.html).

Summarizing this small escapade to Liberal Arts and modern life, we have to say there are outstanding possibilities to generate a discussion in a classroom about this modern and eternal issue.

In Beatles' song two opposite sides represent a conflict between the material (parents) and the romantic (a girl) worlds. Nevertheless, a listener deals with these worlds only through the view of the performers (singers) who depict a situation as chroniclers. They paint any detail with objective scrupulous attention to everything on the picture. There are no comments at all in the song; just some points of view and lifestyles where each has its reasons and rightness. The narrator avoids any comment or judgment leaving it to a listener: "Wednesday morning at five o'clock as the day begins, Silently closing her bedroom door, Leaving the note that she hoped would say more". There is a sign of the future epic style of the Beatles' songs such as "Still My Guitar Gently Weeps", 1968, "Across the Universe", 1969, or "Imagine", 1971, where all words are metaphorical and meaning goes between the lines dedicated to the humankind values.

No opinions or evaluation, just a picture, almost a still life of

XX century: “Father snores as his wife gets into her dressing gown Picks up the letter that's lying there”. In the song Beatles describe the tragic golden cage of loneliness for the youths who have to survive in the parents’ world of money and material accomplishments: “We gave her everything money could buy”. As Steve Turner wrote in his book “The Beatles: A Hard Day Write”, 1994, “ The subject of teenager runaways was topical in 1967. As part of the creation of an alternative society, counter-culture guru Timothy Leary had urged his followers to “drop out”, to abandon education and “straight” employment. As a result, streams of young people headed for San Francisco, center of Flower Power: the FBI announced 90.000 runaways that year – a record” (Turner, 199).

Interestingly, the girl stays silent in the song. We could not hear her voice, words, comments, or remarks. There are only gestures of desperation: clutching her handkerchief, silently closed door. She prefers acting instead of talking or wasting the breath. It is a sign of desperation, indeed. Silent act. Silent movement. To this point in the situation the silence combined with the action becomes a real protest when a person refuses any explanation for they are useless. She is so tired to try and simply gives up. What could possibly say a girl in contrary to the words: “We gave her most of our lives” or “Sacrificed most of our lives” that sound like accusation from the parents. A listener has no doubts the girl has been listening to these phrases many years. She has no arguments to say something in contrary for the parents’ words have no answer by definition. It displays the helpless ambitions of the older generation to support the sense of the life, but has no ground for the further dialogue with the young generation.

Also, we cannot find in the text any hint of a mother or a father’s worries about their daughter. They think only about themselves, staying in the zone of accusation: “Why would she treat us so thoughtlessly” or “How could she do this to me”.

All their life was about getting satisfaction for themselves even in their dedications. Rebellious action of the daughter does not show them anything: “What did we do that was wrong”, but parents refuse to accept something was wrong: “We didn't know it was wrong”. They are just ready to blame the daughter for hurting their feelings and destroying their quiet life. For the girl there is no place

to live in a house filled with clothes and goods. And more, there is no place for her in her parents' world of material self-satisfaction where the goal is getting"everything money could buy".

It is a real conflict of generations. Total misunderstanding in a life's goals, accomplishments, and purposes. The girl: Fun is the one thing that money can't buy. Parents: We struggled hard all our lives to get by, We never thought of ourselves. Parents are so blind in their closed box of stamps and patterns of a "good life", so they cannot even assume a real issue in their girl's protest.

It is them, their lifestyle, attitude, system of values.

"Fun is the one thing that money can't buy" the very remark from the daughter or author about judging the situation. Maybe, the more proper word instead of fun is love? We find the same opinion in other Beatles' texts: Can't buy me love. For Beatles this is the essential question young generation must ask itself. Dichotomy between material world and inner values is eternal. Beatles reminds about it again, and it appears in their song again and again like the main question to resolve in a life. It moves Beatles' works to the level of classic art that renders this opposition through ages and centuries.

Something inside that was always denied. You should never deny yourself. It seems like a good advice to everybody from the audience. Beatles speak with the audience like a guru with disciples, sharing insight and wisdom. The words of support to the audience which people find in Beatles; songs like Hey Jude,

There are key phrases of the entire song which explain all contradictions: money can't buy, something inside, always denied.

Mother's remarks and words in the song demonstrate the real picture for a daughter's loneliness in the perfect material world.

Different angles of the commented reading and listening: pronunciation, grammar structure, description of the content, discussion of the problems. Possible activity is singing together.

"This song is like listening to a sad movie. It's not that the parents and daughter didn't love each other. They just never really knew what was going on, like a superficial relationship, never expressing their real feelings".

This song has specific angle picturing parents-children relationships. Discussing it with adults allow to talk about personal

experience and may have therapeutic effect going through feelings of intolerance.

Real facts could be a creative way to continue a discussion. For example, the statement is “McCartney wrote and sang the verse and Lennon the chorus; and the song was performed entirely by a small string orchestra arranged by Mike Leander, and was one of a handful of Beatles songs in which the members did not play any instruments on the recording”. It moves us to the consideration of the simple beautiful melody with gentle violin and harp in the beginning (classic, cello, symphony, lyrical mood) and hard contrast with the content. In addition, the listening to the song in a class generates special atmosphere of emotional fulfillment.

The special meaning creates the fact the song was based on a real story of Melanie Coe. Later, in her interview about this song, Melanie characterized this episode in her life as a mistake. She regretted she has done it, saying she should try to find a way to converse with parents. It is the significant example of different or even opposite understanding the circumstances and their results in long-lasting relationships.

Possible subjects for discussions (we offer some examples from the number of activities and assignments we are using in our teaching experience):

- Time, space, relationships, attitude, issues: controversy and contrasts in the song’s music and the content; comments as a background; unpredictable reaction of a mother; conflict of generations and ways to resolve (at least to decrease) it
- Vocabulary:

To clutch, to step outside, everything money could buy,

- Verbal phrases and synonyms:

Break down - a failure of a relationship, a collapse of a system of authority, to succumb to mental or emotional stress

- Speaking activities for Intermediate and Advanced level: Describe the situation from 3 different points of view: a girl, parents, a listener. What does everyone feel about it?

Another example of the wide range of using Beatles’ songs is based on a song “Hey Jude”, 1968. Skipping the facts and other

significant details which are interesting to retell or discuss in a class, let us put our attention to the texts itself as a source of grammar structure. The text consists from plethora of idioms and phrasal structures. When students read the text first time, they are overwhelmed by extremely idiomatic phrases although native speakers never pay attention to them because of the natural look of the text. Usual reaction to the text is I have no idea what are these phrases tell me. There is a list of the phrases students have to get commented, understand and put together to fancy the whole meaning of the song.

1. don't make it bad,
2. to take a (adjective) song,
3. to make it better,
4. to let her into your heart,
5. don't be afraid,
6. you were made to go out and get her,
7. to let (somebody) under your skin,
8. anytime you feel the pain,
9. don't carry the world upon your shoulders,
10. (somebody) plays it cool,
11. to make (somebody's) world a little colder,
12. don't let me down,
13. let it out and let it in,
14. you're waiting for someone to perform with.

A listener and a reader of Hey Jude needs so-called commented reading which supports both strict and metaphorical understanding. Based on the explanations of the proper grammar constructions, a teacher moves students further to the appreciative level of a text perception.

To summarize the using The Beatles' songs as a source for ESL program, we can point out some ways of implementation:

- Concentration on the particular problem of the emotional involvement
- The same activities create language patterns
- Different emotional effects to elaborate language skills in describing, expressing, explaining from different perspectives
- Harmless way to get through performance anxiety. Music,

spoken words, performance itself helps to perceive essential level of understanding, performing, speaking, using the right pronunciation as an example.

•Easy going text with music accompaniment creates supportive strategy with indirect development of different abilities and skills

•Indirect training creates muscles of language students gain during harmonic repetitions and discussions

This approach reveals a mixture in emotional connotation and textual perception. Active and emotional observation of Beatles songs becomes a resourceful way to create a positive educational environment and to overcome the issues and challenges ESL students facing. This method is efficient for using other songs, for example, by Elvis, ABBA, Sting, etc. The main criterion is the quality of the language, emotional complexity, musical background, and humankind values. (we believe, it is a teacher's responsibility to choose the proper material for studying). This method gives a sense of studying without actual studying, practical approach that includes both practical and theoretical levels on the dialogical basis.

REFERENCES

Bakhtin M. 1986. Speech Genres and Other Late Essays. Texas University Press.

Beilock S. 2011. *Choke: What the Secrets of the Brain Reveal About Getting It Right When You Have To*. Free Press.

O'Brien D., Botkin B. 2012. *Clearing Hurdles: The Quest to Be the World's Greatest Athlete*. Blue River Press, Indianapolis.

Skinner B.F. 1991. Verbal Behavior.Copley Publishing Group.

Turner S. 2012. Hard Day's Write. Carlton Publishing.

Получена / Received: 12.11.2012
Принята / Accepted: 15.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 841-846

Клоунада в норме и патологии

Е.А. Семенова

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1
Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
e-mail: semenova05@list.ru

Ключевые слова: клоунада, патология, норма, комическое, педагогика, карнавал.
Key words: clownery, pathology, norm, comic, pedagogics, carnival.
Резюме: В статье рассматривается такое мало изученное понятие как «клоунада». Автор задается необычным вопросом, что такое клоунада в норме и патологии. Клоунада, по мнению автора – явление на стыке комического и трагического. Оно недооценивается многими учеными вследствие того, что имеет комическое происхождение. А категория комического многими авторами считается явлением негативным. Автор статьи пытается привести аргументы в пользу искусства клоунады.
Abstract: In article such a little studied concept as "clownery" is considered. The author asks an unusual question that such a clownery in norm and pathology. A clownery, according to the author – the phenomenon on a joint comedian and tragic. It is underestimated многми by scientists owing to that has a comic origin. And the category comic many authors is considered the phenomenon negative. The author of article tries to give arguments in favor of clownery art.
[Semenova E.A. Clownery in norm and pathology**]**

Само по себе явление клоунады до сих пор остается неразгаданным. В нем множество тайн. Оно, можно сказать, шлет нам приветы из не осмысленного. Например, остаются открытыми такие вопросы как: Что такое комическое? На этот вопрос ученые уже сотни лет ищут ответ, и не найдут единогласного ответа. В клоунаде категория комического не до конца осмыслена. В связи с тем, что категория комического многими исследователями рассматривается как явление, отклоняющееся от нормы (причем в большинстве случаев в негативную сторону), явление клоунады получило в науке и в искусстве двойственную трактовку. Одни ученые рассматривали клоунаду как норму гения, норму развития выдающейся

творческой личности (Ф. Фелини, В.И. Полунин, Дали, Д. Эдвардс, Шустерман, Тоби Саундерс). Эти художники, как правило, сами были таковыми клоунами – фриками в искусстве, обществе, мире в целом, которые, по сути, являлись клоунами каждый в своей области: Дали в области искусства изобразительного, перформативного, Ф. Феллини в кино, Д. Эдвардс – клоун в области клоунады (в определенном ее направлении). То есть, по их мнению – там, где начинается клоунада - там начинается новое открытие, изобретение, но определенного характера - таковое открытие существует в рамках категории комического и карнавального. Оно по своей сути не может быть чем-то мрачным, в нем играет смеховое, комическое, карнавальное, как пузырьки в игристом вине.

Возможности искусства клоунады сегодня недостаточно понимаются в педагогическом процессе, что, по моему мнению, обусловлено несколькими причинами. Одна из причин заключается в том, что клоунада часто рассматривается только в контексте категории комического или, наоборот, вне этой категории. В свою очередь само комическое в основном трактуется негативистски. В таких теориях комическое представлено как чувство, которое «требует осмысления известного недостатка в явлениях, осознания несовершенства воспринимаемого предмета» (А. Бергсон, О. Аристотель, Н.М. Федь, А.В. Луначарский, Ф. Гегель, Т. Гоббс, Т. Липпс, Е.Я. Эльсберг, Д. Николаев, А. Зись, Ю. Бейн, К. Юберхорст, А. Шопенгауэр, А. Тимофеев).

В работах эстетика А. Зися фарс, цирковая клоунада, а также комизм, свойственный многим водевилям и опереттам, вообще выводятся за пределы комического так как, по его мнению, в них нет идейно-художественной оценки происходящего.

Третья причина недооценки клоунады в развитии творческого потенциала связана с малой известностью в России образцов высших проявлений клоунского мирового искусства, (Ж. Дешамп, Д. Эдвардс, В. Поливка, Б. Ирвин, Лео Басси, В. И. Полунин, Б. Китон, Ч. Чаплин, К. Грок). Противоречащие друг другу подходы к клоунаде, (одни включающие ее в разновидность комического творчества, другие, напротив,

исключающие из нее природу комического), также затормозили ее осмысление.

Долгое время искусство клоунады трактовалось со стороны физиологии смеха и со стороны комического - как негативное явление.

Н.Г. Козинцев отмечает, что «неверная трактовка соотношения между юмором и смехом вызвана, во-первых, тем, что, будучи явлением искусства, юмор кажется гораздо более благородным и достойным внимания, чем стоящая на неизмеримо более низком уровне и, на первый взгляд, довольно тривиальная физиологическая реакция (смех). Вторая причина неудач — в том, что оба феномена трактуются либо в чистой синхронии, либо в индивидуальной диахронии (на уровне онтогенеза). При учете же видовой диахронии (филогенеза) становится очевидным, что смех вовсе не отблеск юмора. Скорее, дело обстоит как раз наоборот» (Козинцев, 2002). «Люди сначала смеялись, — писал Жан Поль, — а потом появились комики». Смех связан с весьма широким кругом психических явлений, среди которых юмор оказывается лишь одним из многих».

Н.Г. Козинцев, объединив негативистские взгляды на комическое, назвал их «игрой в подражание худшим людям». Еще одна причина недооценки роли искусства клоунады в развитии творческой индивидуальности том, что оно одностороннее рассматривается как актерское амплуа комического, комедийного актера (Г.Э. Лессинг, О. Аристотель, Н.М. Федь).

Четвертая причина недооценки искусства клоунады в формировании творческой личности в том, что оно рассматривается рядом теоретиков и практиков цирка, исключительно как амплуа цирка (Ю.М. Дмитриев, Е.П. Чернов, Н. Румянцева, А.В. Луначарский, И.С. Радунский). Искусству клоунады приписывается положение «артистического амплуа» со специфическими цирковыми средствами выразительности (эксцентрика, комический трюк, пародия на цирковые жанры, и др.). Кроме того «до революции, писал известный клоун И.С. Радунский «теории циркового искусства не было в помине». (Записки старого клоуна. М., 1954, с.123). Долгое время в

дореволюционной России отношение к цирку, к клоунаде было как к низкосортному балаганному искусству.

Эстетики комического, деля виды комизма на «высший» (сатирический, ценный и нужный) и «низший» (юмористический, не имеющий социальной направленности), причисляли смех клоунады ко второму виду.

В частности к такому виду смеха относил клоунаду французский философ и эстетик Анри Бергсон. Для А. Бергсона неприемлема наиболее глубокая форма комического, которую и содержат примеры высоких проявлений клоунады.

К сожалению, до сегодняшнего дня еще можно встретить подобный неверный взгляд на искусство клоунады. Так, например, Н.М. Федь в книге «Искусство комедии», признавая, что «определенное значение для развития комедии имели праздничные процессии и маскарады, а также бродячие потешники народа – жонглеры, скоморохи, замечает: «Ведь нередко смех зиждется на внешних проявлениях комического и приводит к пустой развлекательности. Н.М. Федь относил клоунаду, к слабой тени комедии, а театр абсурда, например, считал чем-то социально опасным.

Только в середине 20 века категория смеха стала рассматриваться в контексте мировоззрения, философии, этики поведения, творческого процесс.

В середине 20 века художники стали активно «использовать» парадоксальное, комическое, как метод создания нового, творческого. Приоритеты художественного сознания повернулись в сторону «вскрытия в художественном мышлении детского потенциала (инфантилизма, наивности, примитива). Художественное сознание стало включать в сферу творчества механизмы интуитивного, «бокового мышления», опосредования, компоненты бессознательного, нелогического (парадоксы, абсурды, алогизмы, нонсенс, игру, перевертыши, небылицы), клоунаду (маску, эксцентричность).

В середине 20 века наука «осторожно» привлекает в качестве компонента творческого потенциала личности понятие «парадоксальность» «для описания в сфере творчества того, что составляет его глубинные основы и не поддается описанию на формально-логическом уровне

Под влиянием карнавальной концепции мира М. М. Бахтина, а также эпохи постмодернизма в конце 80-годов отечественные и зарубежные ученые все больше исповедуют тезис «закономерность формирования личности далеко не всегда можно предугадать, руководствуясь только здравым смыслом». (Б.И. Дадонов, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Лук, Г. Курлов, А. Менегетти).

Искусство клоунады уже постепенно перерастает свои пределы циркового амплуа и начинает трактоваться учеными как тип восприятия и переживания мира, как способ его осмысления и как реакция на него». Эти процессы особенно наблюдаются в современной культурологии, искусствоведении, эстетике, психологии.

В 80-90-е годы 20 века в исследованиях Г. Курлова, Н. Козинцева, О. М. Дьяченко, Н.Е. Вераксы, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Понырко возможности карнавала рассматриваются, преимущественно, в русле культурологического, психологического подходов к творческому потенциалу личности, в котором через комическую образность и смеховую, карнавальную игру с действительностью активизируются интуитивный опыт, создаются условия для нелинейного творческого отношения человека к миру.

Прорывом в самом понимании природы клоунады можно считать следующее явление. В свете теории постмодернизма клоунада некоторыми исследователями начинает рассматриваться как образ, архетип художника 20-21 века, суть и логика художественного мышления творческой индивидуальности, апофеоз гениальности. Об этом эпизодически пишет Кэвеки, об этом косвенно пишет православный философ Татьяна Горичева, когда упоминает о юродивых в эпоху постмодернизма и о спасительной силе смеха юродствующих. В эпоху постмодернизма парадоксы, нонсенс, остроумие, комическое как признаки клоунады становятся характеристиками, чертами художественного, творческого мышления. Поэтому критерии искусства клоунада становятся частично критериями творческого мышления художников 20-21 века

Подводя итог всему выше сказанному можно заключить следующее: само по себе явление клоунады до сих пор остается неразгаданным. В нем множество тайн. Оно можно сказать шлет нам приветы из неосмысленного. Например, остаются открытыми такие вопросы как: Что такое комическое? На этот вопрос ученые уже сотни лет ищут ответ, и не найдут единогласного ответа. В связи с этим и в клоунаде данная категория не до конца осмысленна.

ЛИТЕРАТУРА

Козинцев Н.Г. 2002. Смех: истоки и функции. Спб.: Наука. 223 с.

Огибенин Л. 1973. Маска в свете функционального подхода. Сборник статей по вторичным моделирующим системам, Тарту: 56-65.

Фрейд З. 2005. Я и Оно. М.: Эксмо; Харьков: Фолио. 862 с.

Шеллинг Ф.В.Й. 1966. Философия искусства. М.: Мысль. 496 с.

Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1957.

Получена / Received: 24.06.2012
Принята / Accepted: 15.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 847-853

Психологическая диагностика личности с помощью астронумерологических знаний

Т.И. Комиссаренко

Московский Государственный Университет Дизайна и Технологии
117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33
Moscow State University of Design and Technology
Sadovnicheskaya str. 33, Moscow, 117997 Russian

Ключевые слова: психологическая диагностика, психическая компенсация, энергетический потенциал, нумерология, числовая матрица, астрология, биоэнергетика.
Key words: psychological diagnosis, psychic compensation, energy potential, numerology, numerical matrix, astrology, bioenergy.
Резюме: The article is about the using of numerological knowledge (astronumerological knowledge), about psychodiagnostics of individual, about spiritual characteristic of numbers. Nine kinds of energy which influence personal vital functions are analysed in this article.The information of the article can be used in the practise of psychologists as it permits to learn depth of person cognition.
Abstract: The article is about the using of numerological knowledge (astronumerological knowledge), about psychodiagnostics of individual, about spiritual characteristic of numbers. Nine kinds of energy which influence personal vital functions are analysed in this article.The information of the article can be used in the practise of psychologists as it permits to learn depth of person cognition.
[Komissarenko T.I. Psychological diagnosis of personality based on astronumerological information**]**

Слово «психодиагностика», буквально означает «постановка психологического диагноза», или принятие квалифицированного решения о наличном психическом состоянии человека или о каком-либо отдельно взятом психологическом свойстве. Психологическая диагностика является наиболее важной отраслью практической психологии. От постановки психологического диагноза во многом зависит психологическое консультирование, которое с нее и начинается, а значит, и оказание психологической помощи человеку, который в ней нуждается.

В настоящее время все большее количество практических психологов начинает понимать, что познание человека только на уровне рационального сознания не позволяет выйти на

глубинные механизмы человеческой психики и объяснить, многие причины, лежащие в основе личностных деформаций. Отсюда интерес к астронумерологической информации, как к источнику дополнительных знаний в плане изучения личности.

Из истории древнего мира нам известно, как серьезно относились к астрологии целые государства, существовавшие более трех тысяч лет тому назад на территории Индии, Китая, Египта, Греции. Гениям античности, таким как Пифагор, Сократ, Платон и многим другим было известно, что макрокосмос и микрокосмос по своей сути едины и, что существует неразрывная связь между расположением небесных светил, историческими событиями, судьбами отдельных людей и даже целых народов. Поскольку многовековая опора человечества на рационально-рассудочное отношение к Миру привела его в конце 20 века к множеству сложных и практически неразрешимых вопросов, в первую очередь, касающихся наук о человеке, возникла необходимость создания новой научной парадигмы. Новая научная парадигма, в первую очередь, касающаяся практической психологии, должна исходить из целостного (холистического) взгляда на мир, из констатации всеобщей и неразрывной связи человека и окружающей его среды и наличия энергоинформационного обмена между ними. В этой связи, использование практическими психологами астронумерологических знаний, позволяет углубиться в скрытые механизмы человеческой психики и ответить на многие вопросы, которые не всегда лежат на поверхности.

Античные мыслители, в первую очередь, представители школы Пифагора, придавали числам свойства, которые, по мнению ее сторонников, могли влиять не только на явления природы, но и на процессы, происходящие внутри человеческого организма. В вышеуказанной философской школе число считалось первоэлементом материи, и Пифагор утверждал, что числа управляют миром. Числа у Пифагора, по мнению исследователя его наследия А.В. Волошинова, считались не просто абстрактными заменителями реальных вещей, но живыми сущностями, отражающими свойства пространства, энергии или звуковой вибрации. Отсюда

становится очевидным, что числа необходимо рассматривать не только с количественной, само собой разумеющейся точки зрения, но и с внутренней качественной позиции. В этом случае, с одной стороны, число становится количественной мерой вещей, а с другой – с точки зрения качества, выступает как символ психологической информации, позволяющей глубже раскрыть механизмы поведения человека. К сожалению, из-за своей скрытности, загадочности пифагорейская философия долго воспринималась с трудом и была почти забыта. Тем не менее, уже в Новое время в 1709 году в России по предложению Петра I был издан знаменитый астрологический Брюсов календарь, который до настоящего времени является библиографической редкостью. Известный военачальник, ученый, астролог граф Я.В. Брюс разработал уникальные астронумерологические таблицы, с помощью которых любой человек мог составить прогноз событий не только на каждый день, но и на многие годы вперед. Разумеется, использование только астрологических знаний не позволяет выйти на глубинные психологические причины, влияющие на различные деформации личности. Однако в тесном соединении с научной психологией, и в первую очередь, опираясь на знания, касающиеся психологии личности, ее структуры, возрастных особенностей человека, психологию утробного развития можно оказывать как диагностическую, так и коррекционную помощь в решении психологических проблем.

Нельзя не согласиться с точкой зрения С. Грофа о том, что астрологию необходимо рассматривать не как некую непримиримую соперницу научного мировоззрения, а как важное дополнение к миру науки. Если открыть свой ум такой возможности, то можно использовать огромный потенциал, которым владеет астрология в качестве диагностического и коррекционного средства, как в психологии, так и в других науках о человеке. Необходимо помнить о том, что человек не приходит на Землю как голая доска. С рождения мы наделены определенными видами энергий, которые у каждого отдельного человека присутствуют в разных пропорциях. Это определенного рода кредит, подаренный нам природой, который при благоприятных условиях взаимодействия макро- и

микросреды позволит человеку реализовать свои способности.

В результате длительных наблюдений античными учеными и их последователями было установлено, что каждая из девяти планет Солнечной системы имеет самое непосредственное отношение к жизни на земле. Опираясь на данные, полученные Ю.Н. Грабарем, а также подтвержденные собственным практическим опытом, (более двадцати лет работы с астронумерологической информацией) можно говорить о проверенной на практике системе распределения девяти видов энергий в зависимости от даты рождения человека.

В их числе:

1-я - собственная энергия человека;

2-я - биоэнергетика;

3-я - энергия Космоса;

4-я - энергия здоровья;

5-я – энергия интуиции;

6-я – энергия трудоспособности;

7-я – энергия таланта;

8-я – энергия ответственности;

9-я – энергия ума.

В результате несложных арифметических действий можно получить четыре «рабочих числа», которые совместно с датой рождения человека позволяют вычислить вышеуказанные энергии. Необходимо отметить, что девятью цифрами производятся и все математические расчеты. Так, в десятеричной системе исчисления, использующей 9 значащие цифры – от 1 до 9, число 10 всего лишь «1 + 0». И каким бы большим ни было число, его всегда можно представить «естественным сложением» составляющих его цифр. Из этого следует, что все даты рождения подчиняются шкале 1-9 и соотносятся с номером какой-либо одной из девяти планет Солнечной системы. Отсюда, люди, например, родившиеся 1, 10, 19, и 28 какого-либо месяца, всегда являются «лицами числа 1», поскольку все названные даты, приводятся вышеуказанным способом к числу «1».

Данная точка зрения была также углублена и проверена многолетним практическим опытом известного английского астролога графа Луиса Хамона, который много лет являлся

личным консультантом У. Черчилля. Хочется сказать, что, занимаясь, в течение многих лет психологическим консультированием мы, неоднократно убеждались в достоверности полученных с помощью нумерологии данных. Как уже указывалось выше, в девятизначном массиве цифр номер позиции, на которой расположена цифра, соответствует виду энергии, а номинал цифры – количественной характеристике этого вида.

В данной работе мы остановимся более подробно лишь на двух видах энергий - это собственная энергия человека (позиция 1) и биополе человека - (позиция 2), которые имеют непосредственное отношение к психодиагностике и коррекции личности. Безусловно, важно подчеркнуть, что энергетический потенциал у каждого человека индивидуален и во многом закладывается еще во внутриутробном развитии. Если говорить о цифровой символике, то ребенок, находящийся в утробе матери также проводит там девять месяцев, и от того, как проходит это время во многом зависит его будущая жизнь. В холистическом образовании появление ребенка на свет не считается единичным актом, а проходит в три этапа.

1. Появление Духовного зародыша, когда у будущих родителей появляется желание передать свой духовный потенциал будущему. От величины накопленного духовного потенциала зависит содержание Духовного зародыша, будущая сила Духовного наследника.

2. Появление Душевного зародыша. Возможности Душевного зародыша определяются отношением к будущему ребенку то со стороны родителей и других членов семьи. То есть тем, как будущие родители любят друг друга любят, как ожидают того, кто еще не зачат.

3. Рождение Телесного Зародыша. Это момент соития родителей, слияния мужского и женского начал. От того как велика сила любви, в какой обстановке это происходит, зависит телесное здоровье и благополучие ребенка.

Нельзя не согласиться с мнением А. Джерсилда, который, описывая эмоциональное состояние детей, отмечал, что способность человека любить окружающих мир связана с тем, сколько любви он получил сам, и в какой форме она

выражалась. Если между мужчиной и женщиной существует сильное чувство любви, то оплодотворенная зигота сразу же получает значительный биоэнергетический потенциал, который в течение всей жизни помогает человеку легче решать возникающие проблемы, и делает его психологически устойчивым. Поэтому сильный энергетический потенциал, который определяется большим количеством «двоек» в индивидуальной матрице человека (три и более), свидетельствует о сильной ауре человека, полученной в момент его зачатия. Однако слабо представленные виды энергий, в том числе и слабое биополе, не является для человека чем-то фатальным. Недостаточно развитие биополе (энергия 2) может быть компенсировано за счет других, хорошо выраженных энергий, и здесь работает один из наиболее важных механизмов психологической науки - механизм компенсации.

Само понятие психическая компенсация произошло (от лат. compensation) – уравновешивание, уравнивание. В психологическом словаре психическая компенсация понимается как – возмещение недоразвитых или нарушенных психических функций, путем использования сохранных или перестройки частично нарушенных. В частности, рассматривая психическую компенсацию в контексте нашей проблемы, можно говорить о том, что если какой- либо вид психической энергии выражен недостаточно, (с медицинской точки зрения это может быть низкий показатель жизнедеятельности по шкале Апгар), происходит компенсация за счет другой, более выраженной энергии. Например, при слабо выраженной биоэнергетике (позиция 2) компенсация может происходить за счет собственной энергии человека (позиция 1), символизирующей волевые качества человека. В этом случае человек в своей индивидуальной матрице может иметь четыре и более «единиц», что с одной стороны, свидетельствуют о сложной социальной адаптации, а с другой – характеризует его как личность менее фрустрированную, способную легче преодолевать внутренние и внешние препятствия на пути к поставленной цели. Не случайно, один из афоризмов Пифагора, подтвержденный его удивительной жизнью звучит так: «Власть воли так сильна, что может взять верх над неизбежностью».

Таким образом, даже при слабом энергетическом потенциале, который как уже указывалось выше, во многом зависит от нежеланности рождения ребенка, человек способен преодолеть многие трудности, возникающие на его жизненном пути. Используя астронумерологическую матрицу Пифагора совместно с прожективными тестами, («Несуществующее животное», «Психогеометрический тест С. Деллингера», «Конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» др.) мы получили результаты, подтверждающие интерпретацию данных цифровой матрицы.

Таким образом, привлекая для более глубокого изучения личности не только современные знания, но и другие, накопленные многовековым человеческим опытом, можно глубже проникать в причинно-следственные отношения и оказывать действенную помощь в плане диагностики и коррекции личности.

ЛИТЕРАТУРА

Гоч В.П., Белов С.В. 1999. Теория причинности. Киев: Ника-Центр. 302 с.

Грабарь Ю.Н. 1994. Предсказатель судьбы или календарь жизни. М.: ВНИЦТНМ «ЭНИОМ». 496 с.

Гроф С. 2001. Психология будущего. М.: АСТ. 198 с.

Ключников С.Ю. 1996. Священная наука чисел. М.: Беловодье. 192 с.

Комиссаренко Т.И. 2011. Девиантное поведение подростков и нежеланность рождения. М.: МГУДТ. 197 с.

Получена / Received: 12.11.2012
Принята / Accepted: 16.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 854-865

Женщина глазами художников Art Nouveau и Молодой Польши

А. Борч

Университет природопользования во Вроцлаве
Департамент экологической инженерии и геодезии
Институт Ландшафтной Архитектуры
пл. Грюнвальдская 24а, 50-363 Вроцлав
Uniwersytet Przyrodniczy we Wrocławiu
Wydział Inżynierii Kształtowania Środowiska i Geodezji
Instytut Architektury Krajobrazu
pl. Grunwaldzki 24a, 50-363 Wrocław, tel./fax: 71 320 18 63
www.aqua.up.wroc.pl/iak; e-mail: iak@up.wroc.pl; e-mail: malarka111@gmail.com

Ключевые слова: женский персонаж, живопись, эталон, идеал, «Молодая Польша», образ, Art Nouveau.
Key words: female character, painting, model, ideal, "Young Poland", image, Art Nouveau.
Резюме: Статья посвящена анализу изображения женщины в живописи. Автор показывает, что появление в прикладном искусстве в конце XIX и начале XX веках женских символов не было случайностью. Это было также время научных исследований истерических патологий женщин, которые проводил Жан-Мартен Шарко, а после – З.Фрейд. Под конец XIX века женская фигура становится также вдохновением для новой области искусства – фотографии, которая уже начинает развиваться.
Abstract: This article analyzes the image of the woman in the painting. Actor shows that the appearance of the applied arts in the late XIX and early XX centuries the female characters was not an accident. It was also a time of hysterical pathology research women that has Jean-Martin Charcot, and after –Z. Freud. By the end of XIX century, the female figure is also the inspiration for a new field of art - photography, which is beginning to develop.
[Borch A. Woman Through Eyes of Art Nouveau and Young Poland Artists**]**

I *Как часть современных литературных иллюстраций и прикладного искусства*

Наверное, ни в одном периоде истории так часто не появляется женский персонаж как в искусстве конца XIX - начала XX веков. Её фигура «стала самым живым элементом той системы иллюстрирования, ключом для оживления многократно до этого обыгранных и повторяющихся идей и тем фигурального художественного искусства и скульптуры.

Женский персонаж давал возможности развития темы как в плоскости жанра ню и выражения биологической сущности, так и в совершенно противоположных областях – переменчивых, эфемерных, эмоциональных и лирических ощущений, а также духовной дематериализации. В искусстве конца века полностью использованы все эти варианты. Обнажённая натура купающейся женщины Тулуз-Лотрека настолько же художественна, как и рисунок Прайслера, изображающий поэтически мечтательное лицо девушки» (1). В литературе, как и в живописи, музыке, скульптуре, лепке, архитектуре, декоративных искусствах и ювелирстве – появляется её гибкая фигура. Становится она воплощением: Музы, Смерти и Жизни, Химеры и Гарпии, Вампира, высасывающего кровь и душу из художника; прекрасной искусительницы – Сирены, сказочной принцессы Ангела, символом Земли – Гаи-Природы, зачастую также Народа, Мадонны, Искусства, и даже двойственности души мужчины.

(1) Wittlich P. 1987. Secesja, sztuka i życie. Wyd. Artus. I Filmowe, Warszawa:144.

(2) Brzozowski S. 1910. Legenda Młodej Polski: studya o strukturze duszy kulturalnej, Lwów: 594 p.

II *Фантастическое создание. Женщина – маска художника, Химера, Гарпия, Сирена, Нимфа*

Довольно часто женщина в творчестве художника перелома веков также перевоплощается в фантастическое создание из нереального мира, мифологии, снов или даже кошмаров: в химеру, полутигрицу, гарпию и сирену.

У польского художника-символиста, Яцека Мальчевского, становится она эталоном живописи, маской, представляющей подсознание и идеалы создателя. И хотя Мальчевский сам решительно отсекал себя от литературы «Молодой Польши» и её «сатаны» - Пшибышевского, тем не менее с этими писателями у него было много общих черт. Его картины представляют много типов женщин, созвучных с фигурами, появляющимися на страницах поэзии того времени.

Химера, «это престранное создание фантазии

Мальчевского – женщина с торсом нагим, крылами огромными, что могут поднять её ввысь; с телом тяжёлым тигрицы, что полётам претит, ползти по земле заставляя; разною маской одета. Лицом искушает, соблазняет иль грозит зловеще, с издёвкой иль местью, хитра или ехидна, а может порою триумфа полна иль снисхожденья – всегда таинственна, непроникновенна. Она – символ внутренней борьбы, что человек ведёт сам с собой, противоречивых его чувств и стремлений, возвышенной тоски и мечтаний, но также и приятных инстинктов.

С ногтей младых ядом неисполенных мечтаний душу пропитывала, пред отроком открывала незнакомый ему ещё, однако предвкушаемый мир восторга и упоения чувств. Опасней она всего для мужчины-художника: разжигает в нём пламя творения, показывает миражи славы, но также и радуется, когда сломается он под тяжестью задач, превосходящих силы его. Маска добродушия, одетая эти демоном, есть лишь иллюзией, ибо сила его так велика, что ни противиться ей, ни избавиться от неё невозможно» (1).

Химера не благоволит также и самому художнику. Её фигура появляется рядом с ним в триптихе «Искусство». В «Хиромантке», композиции 1898 года(илл.5), она старается разглядеть линии на ладонях мужчины, чтобы прочитать в них его судьбу. «Химера – гарпия не покидает художника; она […] в нём самом; творить он может только тогда, когда её бдительность слабнет, когда овладевает ею сон» (2) – как в картине с символичным названием «Гарпия спит – минута творения» 1917 года(илл.6).

(1) Puciata-Pawłowska J., Malczewski J. 1968. Ossolineum. Warszawa: 128.

(2) Puciata-Pawłowska J., Malczewski J. 1968. Ossolineum. Warszawa: 129.

III *Samarytanka i pełna pokus uwodzicielka*

На пограничье сна и яви, чар и реальности, появляется тема женщины у колодца в творчестве поэтов и художников начала XX века. «Тема колодца, как зеркала, показывающего отражение судьбы, предназначений и скрытых мыслей человека, который смотрит в него, склонившись.» (1) часто появляется в

работах Яцека Мальчевского. Возможно он перенял её в изначальной форме у Эдварда Бурне-Джонса – известного не только в Англии, представителя прерафаэлитов, а также Арнольда Бёклина. Однако польский художник создал богатый, оригинальный и многозначительный цикл работ, в которых рядом с женщиной у колодца появляется, неизменно, странник. «Поэтическая метафора преобразовывает тут символы в метафору тела» (2). Стоит вслушаться в историю, расказанную Леопольдом Стаффом в стихе под названием «Колодец». Оказывается, что колодец может быть вместилищем таинственных персонажей, зеркалом, показывающим судьбу или прошлое человека. Так происходит в творчестве Мальчевского. Порой он использует лишь небольшой намёк: тот же сосуд для воды, укреплённый деревянными клёпками, представленный реально и детально, как символ колодца. Рядом с ним сидят разнообразные, непременно молодые женщины(илл. 14-17). Старение, боль и несчастья касаются только сопутсвующего им иногда странника.

На одном из полотен деревенская девушка, с высоко подколотой косой, наливает воду в кружку скитальца, вернувшегося с каторги. Смотрит с сочувствием, как тот омывает свои раны. Однако женщина не всегда к нему благосклонна. Бывает, что и вовсе не замечает его, как на картине «У колодца» 1902 года; или присматривается с лёгкой улыбкой вместе со стоящим рядом фауном, как странник зачерпывает воду из отравленного колодца («Маленький оотравленый колодец», 1902 г.). Вода кажется заколдованной.

В годах 1905-1906 Мальчевский создал новый цикл «Оравленного колодца». На его край опирается девушка - то грустная и задумчивая, то бесчувственная и равнодушная к вглядывающемуся в неё, слишком рано постаревшему, человеку. Или даже сама является виновницей «отравления» некогда животворной влаги. (Характеристичным для этих работ является то, что часто женщины на них чертами лица похожи на пани Марию Балову, которая и на сохранившейся фотографии позирует с кувшином в руке).

Уже во время первой выставки упомянутого цикла работ Мальчевского возникали разнообразные пробы их

интерпетации. (Сам художник этого обычно избегал). Например, Люциан Рыдель, в 1906 году, написал на эту тему поэму, которая пользовалась большой популярностью. По мнению «молодопольского» поэта раннее чистый источник «отравила злая упырица» своим колдовством. Пить эту воду приходят те «у конца живота своего», которых судьба приговорила к изгнанию «ибо чужие источники их не замучат (добьют, убьют)», они ищут там «душу Народа». Критик того времени Цезарь Елента(настоящее имя Наполеон Гиршбанд) добавляет, что колодец отравлен «упырицей, полуженщиной, полусиреной». Здесь стоит вспомнить картину Мальчевского «Голод», где гарпия подаёт еду усталому солдату, опирающемуся на трость, с перевешенной на шею поношенной дорожной сумкой (илл.18). Странник же отворачивается от неё.

(1) Puciata-Pawłowska J., Malczewski J. 1968. Ossolineum. Warszawa: 146

(2) „Autoportret” a „maska” J.Malczeswkiego, (w:) Portret – funkcja, forma, symbol., Materiały sesji i Stowarzyszenia Historyków Sztuki, PWN. Warszawa, 1990: 310.

IV *Формы и линии растений как мифологизированный символ, женское одеяние или декоративный мотив.*

Моделям на полотнах часто сопутствовали странные создания, фауны, нимфы и т.д. Или же обычные, усталые люди, работающие в поле. То же самое происходит, например, и на портрете жены Яцека Мальчевского. Художник вкладывает в руки жунщин разнообразные растения или предметы ежедневного обихода, которые тогда становятся мифологизированным знаком.

Наконец, давайте посмотрим на девушку из «Ночи» Витольда Прушковского: «За оградой стоит женщина, стройная и молодая, засмотревшаяся в окно. На белое платье накинута шаль чёрная, на непокрытой голове свет месяца позволяет узреть густые переплёты светлых волос. Отвернувшись в глубь полотна, не открывает она нам свой облик. Черты её, а прежде всего – выражение лица, остаётся для нас загадкой... Художник велел нам самим её разгадать. Есть в этом персонаже дивно грациозное очарование недосказанностей. Мы можем

подкладывать под него фон наших собственных мечтаний, чувств, тоски и менять их на свой вкус...».

Одной из самых важных черт, характеризирующих портреты женщин того периода, становится гибкая растительная линия, перенятая из ботаники. Сама линия женской одежды конца века становится своеобразным произведением искусства. Посмотрим на портрет жены польского художника и витражиста, Юзефа Мехоффера, с 1904 года. Тонкая, как стебель цветка, талия, расклешённая к низу юбка, рукава-пуффы блузки, значительно сужающиеся ближе к запястью; воротничок-стойка, утоньшающий шею, доходит до грациозной головки с высоко подколотыми волосами, завершённой шляпкой, украшенной перьями – будто чашечка цветка, густо окаймлённая цветными лепестками. Всё это создаёт извилистую, гибкую, капризную, возвышенную биологическую линию, которую так охотно ведут художники Art Nouveau также в архитектуре и декорировании. Похоже, что линии предметов, одежд, картин и скульптур того времени проникали друг в друга и взаимно друг на друга влияли.

(1) Самлицкий М., Мехоффер Ю. 1912. «Тексты о художниках...». Краков: 381.
(2) Рышкевич Я. 1898. Из живописи «Иллюстрированный Еженедельник». «Тексты о художниках...». No 2: 370.
(3) Аноним, «Обзор изящных искусств», «Иллюстрированный Еженедельник», 1882 г., No 30 (w:) «Тексты о художниках…»: 236-237.

Va *Декоративное(прикладное) искусство*

Появление в прикладном искусстве в конце XIX и начале XX веках женских символов не было случайностью. Это было также время научных исследований истерических патологий женщин, которые проводил Жан-Мартен Шарко, а после – З.Фрейд. Учёные, исследуя пациенток, искали одновременно с тем примеры поведений, зачерпнутые из литературы. В итоге они пришли к выводу, что вся эмоциональная сфера женщин сформирована литературой. Они заметили, что повести и драммы, написанные от половины XVIII и до конца XIX веков предназначены были, в основном, для «прекрасного пола». Больных женщин фотографировали, а их фотографиями

восхищались врачи и художники. Тогда верили, что такое поведение возникает из-за страдания, а не из-за «иконографической культуры пола».

Богатую театральность жестов использовали в искусстве: скульптуре, мозаике, живописи. Обнажённое женское тело стало мотивом орнаментов, украшающих мебель, ткани и небольших предметов домашнего обихода, таких как вазы, пепельницы, лампы, подсвечники, бумажники, часы. Фигура женщины показана в характерных для того времени танцевальных позах, завёрнутая в серпантины волос, загадочных дымок или кружащихся одеяний.

В последние годы XIX века, во времена Art Nouveau и «Молодой Польши», в дискуссиях на тему искусства появляются с одной стороны – восхищающиеся развивающейся промышленностью, а с другой критические мнения, пророчащие падение искусства и художественного ремесла(декоративно-прикладного искусства). Теоретик искусства Джон Рускин на оксфордских лекциях, в 1870 году, сравнивал промышленную продукцию с процессом перемолки, а выращивание для неё зерна – с искусствами (2). Остро критиковал он мнения современников о том, что механизм заменит умение, фотография – картину, а чугунная отливка (чурбан) – скульптуру.

Смотря с перспективы более ста лет на успехи мастеров искусств того времени, мы видим, что все эти течения нашли свою художественную форму. До наших дней сохранилась живопись, и в то же время развились новые формы искусства, такие как фотография и разнообразные графические техники, включая компьютерную графику. Скульптуре также не помешало развитие прикладного искусства и промышленного дизайна, хотя эти процессы и были долгими, полными энергичных дискуссий и постоянных поисков.

Интересным моментом в прикладном искусстве был перелом XIX и XX веков. В этот период чётко обозначился новый подход к созданию художественных предметов обихода и бижутерии. Во Франции Art Nouveau, также как и английский Arts and Crafts Mouvement старается придать большую значимость увядающему художественному ремеслу.

Аналогично в Вене – Wiener Werkstätte(Венские Мастерские) стремятся к созданию новой формы искусства, называемой сецессией. В Польше же создаётся течение «Молодая Польша».

В декоративно-прикладном искусстве мастера того периода часто используют мотивы, заимствованные из ботаники, мира насекомых и водяных созданий, при одновременном увлечении фигурой женщины. Предлагаемые формы находят воплощение в подходящих и популярных тогда материалах, таких как железо, медь, серебро, полудрагоценные камни, эмаль и т.п.

Мотив женщины появляется очень часто на рамках, обложках журналов и книг, украшенных обильно и оригинально, порой на крашеной коже. Именно такой является обложка авторства Рене Вайнера для книги Гюстава Флобера «Саламбо» с 1893 года. До распостранённого во всей тогдашней Европе движения «Прекрасной книги» включился Станислав Выспяньский, который старался заадаптировать его и в Польше.

Старания эти сконцентрировались прежде всего на издаваемом в Кракове от 1897 года журнале «Жизнь». Выспяньский вводил новые элементы, например, ассиметрическое расположение элементов, смело работал с незапечатанными, пустыми фрагментами страниц, щедро использовал виньетки, каймы и заставки декоративного, в основном, флорального характера. Это были перемены, на которые его современники живо зареагировали.

Одновременно с мотивами женской фигуры в декоративном орнаменте появляется искусство, предназначенное именно для женщин. Становятся они потребительницами разнообразных областей изобразительных искусств. Именно они теперь берут в руки книгу или журнал, украшенные виньеткой с женственными мотивами. Это они прикалывают к платьям сецессийную брошь с витыми линиями и изображением детской головки. Для них также создаётся красивая ширма, урашенная работами Альфонса Мухи. Женщины того периода закалывают свои волосы гребнями с причудливыми фигурками нагих нимф и русалок, поглядывая при этом в зеркало, рама которого – это также женская фигурка с изогнутыми руками.

Женщина появляется даже как фигурка, укращающая трости, столовые приборы, посуду, письменные принадлежности, такие как подставки для пера и т.п. Женские персонажи представляют, наряду с флоральными и животными мотивами, модное, оригинальное украшение ковриков, тканей, в конце концов - женских платьев.

При этом характерным для конца XIX и начала XX веков – когда наступают огромные перемены в обществе – становится факт появления женщин там, где ещё в XVII и XVIII веках их не замечали. Одновременно с тем они становятся восхитительной темой для художников.

Vb *Современная студентка и новая форма рекламы*

Женщины проявляются первыми студентками в вузах, посещают школы живописи – здесь можно вспомнить картину Людвика Кубы «Школа рисования». Принимают всё более активное участие в общественной жизни из-за того, что устраиваются на физическую работу в магазины, на фабрики или в учреждения и школы. Не занимаются уже только воспитанием детей и домом, ходят в кафетерии и кабарэ, на театральные спектакли. Можна их встретить на трамвайной остановке, читающими книгу для публики в парке или слушающими концерт. Женщины становятся так называемыми «моделями» в домах моды, актрисами, певицами в кабарэ, писательницами. Давайте посмотрим на плакаты Альфонса Мухи, представляющие Сару Бернард, играющую главную роль в «Даме с камелиями» и «Гамлете» или плакат, рекламирующий выступления Мэй Милтон, запроектированный Анри Тулуз-Лотреком, а также портрет «Мадемуазель Ча-И-Кац» с 1896 года.

Образы женщин начинают использоваться, наконец, для рекламы разнообразных товаров. Например, бумаги для папирос на известном плакате А.Мухи или же чая «Rajah Tea» Првата Ливмана (1900). Порой женские образы наводят на мысли о теории современных историков искусства относительно переноса картин истерической патологии женщин на декоративные мотивы современного искусства. Появляются они

также в рекламах товаров, основными покупательницами которых были женщины – духи, перчатки, бижутерия, одежда, товары для детей.

Под конец XIX века женская фигура становится также вдохновением для новой области искусства – фотографии, которая уже начинает развиваться. На переломе веков считалось, что она будет лишь помощью художникам в компоновке картин. Однако чем дальше, тем смелее фотография становится отдельным видом искусства – начинают появляться всё более динамические репортажные фотографии, представляющие работу в фабрике или забастовки рабочих. Главным героем таких фотографий часто становились женщины, как например на одной из работ Альфрэда Стиглица под названием «Паула» с 1900 года.

Также и в наши дни, когда появляются всё новые материалы для творческого выражения – то тут, то там, в разных формах, цветах и движениях показывается строптивый, интригующий женский образ. Разве не удивительным вдохновлением является та, о которой Онорэ де Бальзак писал (ещё) в XIX веке: «всё, что вы скажете о женщине будет правдой»?

VI *Зеркало в чужих и своих глазах (автопортреты)*

Тут стоит обратить внимание на женские портреты, нарисованные в 1890-1918 годах. Заметна в них характерная двойственность. С одной стороны это таинственные или практически идиллические персонажи, часто в народных костюмах (многочисленные портреты Выспянского и др.). С другой – сотворение из модели «роковой женщины». Пишет об этом Тадеуш Матушчак в своём отчёте о выставке «От женщины сентиментальной до женщины роковой».

На границе сказки стоит женская фигура из жанровой и «идиллической» живописи, рустикальной живописи «Молодой Польши» навязывающая к аркадийскому(идиллическому) течению в поэзии.

«Вместе с модернизмом появляется новый тип женщины (...) – пламя, которое притягивает и жжёт. Такой является

женщина на картине К.Стабровского «Портрет молодой женщины», 1910 г. Цветовая палитра, которая должна отражать безжалостную красоту, резка и провоцирующа, притягивает и одновременно отталкивает.» (1) Такова также и дама на полотне Франчишка Жмурки (1859-1910) под названием «Женщина с веером и сигаретой» 1891 года, а также на «Портрете женщины у стола» 1903 года авторства Альфрэда Бира. Но прежде всего – прекрасная «Рыжеволосая» (1900 г.) «роковая женщина» Теодора Аксентовича (2), «Радующаяся» (1897 г.) Владислава Щлевиньского, женщина с портретов Стабровского и многих других художников. А как воспринимали портрет «Певицы» Юзефа Мехоффера?

«Выставленный первый раз в 1898 году в венской Сецессии, произвёл он настолько огромное впечатление, что Вильям Риттер не без сомнений зачислил Мехоффера в круг таких великих мастеров как Пюви де Шеванн, Сегантини, Брэнгвин, Бёклин, Роден, которые также принимали участие в этой выставке. О картине он рассказывает: «Это не только портрет красивого человека в прекрасно подобранных оригинальных одеждах, но также портрет характера и даже – среды.

Молодая женщина преображается, её поза становится почти провоцирующей из-за блестящего успеха и надежды снова его добиться» (1).

Также представляли и актрис известных спектаклей. Например, многократно написанная Ирэна Сольска (в том числе С.Выспяньским) не была классической красавицей, однако зелёные, немного раскосые глаза и золотые волосы являлись замечательным атрибутом для «роковой женщины» того периода. Она также стала демоническим персонажем повести Виткация (Станислава Виткевича) «622 падения Бунго».

Портреты, написанные Юзефом Мехоффером, притягивали своеобразной, оригинальной стилизацией. Например, о «Портрете дамы» критик тех времён писал так: «Тут любовь к орнаментике взяла верх над концепцией, присущей портретам, подчиняя позирующую даму череде японских узоров, и в этом стиле всё превосходно выдержано».

Станислав Выспяньский окружал образы женщин,

которых рисовал, разнообразными растениями, цветами, травами с родных лугов и полей, придавая им характерные «сецессийные» очертания.

Автопртреты

Возникает также новое явление – автопортреты художниц периода модернизма, например, Ольги Бознаньской или Анны Билиньской, которая представила себя в рабочем фартуке, будто бы во время короткого перерыва, держащей горсть кистей. Эти женщины не создавали из себя образа «роковой женщины», их портретам присущи чувствительность, нежность и прекрасная наблюдательность. Бознаньской, в автопортрете, а также в портретах других женщин, среди розмытых контуров получается удачно очертить прежде всего психологизм модели (илл. 24, 25, 26, 27).

Неужели они сами – женщины, одетые в платья и шляпы гибких, капризных, возвышенных линий – совсем иначе, чем мужчины видели себя, а их внешний вид был только актёрской игрой(забавой) на публику?

(1) Матушчак Т. 1980. «От женщины сентиментальной до роковой». Отдел Образования Музея Земли Любуской, Зелёна Гура.

ЛИТЕРАТУРА

Brzozowski S. 1910. Legenda Młodej Polski: studya o strukturze duszy kulturalnej, Lwów. 594 p.

Puciata-Pawłowska J., Malczewski J. 1968. Ossolineum. Warszawa: 146

„Autoportret” a „maska” J.Malczeswkiego, (w:) Portret – funkcja, forma, symbol., Materiały sesji i Stowarzyszenia Historyków Sztuki, PWN. Warszawa, 1990: 310.

Wittlich P. 1987. Secesja, sztuka i życie. Wyd. Artus. I Filmowe, Warszawa:144.

Самлицкий М., Мехоффер Ю. 1912. «Тексты о художниках...». Краков: 381.

Рышкевич Я. 1898. Из живописи «Иллюстрированный Еженедельник». «Тексты о художниках...». No 2: 370.

Матушчак Т. 1980. «От женщины сентиментальной до роковой». Отдел Образования Музея Земли Любуской, Зелёна Гура.

Получена / Received: 09.11.2012
Принята / Accepted: 12.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 866-872

К проблеме осмысления звучащего пространства бытия

А.И. Щербакова

Российский Государственный Социальный Университет
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4
Russian State Social University
Vilgelma Pika str., 4, Moscow 129226 Russian; e-mail: anna.68@list.ru

Ключевые слова: музыка, личность, самоидентификация, культура, художественное пространство, диалог, творчество.
Key words: music, identity, identity, culture, art space, dialogue, creativity.
Резюме: В статье дается анализ музыки как вида искусства, концентрирующего в себе духовный опыт каждого народа, его национальную самобытность, ментальные особенности, генетический код. Подчеркивается, что музыка может выступать стержнем личностной идентификации человека, постигающего в диалоге культур многообразие единого культурного пространства человечества.
Abstract: This paper provides an analysis of music as an art form, concentrating in himself the spiritual experience of every nation, its national identity and mental characteristics, the genetic code. It is emphasized that the music can be a core of personal identity of man, comprehending the dialogue of cultures in a variety of cultural space of a single humanity.
[Shcherbakova A.I. The problem of interpretation of the sounding of the space being**]**

На современном этапе развития общества потребность в самоидентификации личности, в ценностном осмыслении окружающего мира, своей роли в этом мире, взаимодействия между «Я», «Мы», «Они», между «своим» и «чужим» ощущается особенно остро, поскольку проблема самоидентификации, как правило, выходит на первый план в периоды социальных кризисов, смены идеологических и ценностных парадигм, когда человек теряет привычные ориентиры и испытывает определенное стрессовое состояние, которое принято называть кризисом социальной идентичности. В социальной психологии под этим понятием подразумевается осознание человеком своей принадлежности к определенной национальной, социальной и культурной общности.

Одной из важнейших задач культурного строительства на современном этапе является формирование личности, обладающей, по выражению Ф.М. Достоевского, «всемирной

отзывчивостью», открытостью к множественности и разнообразию душевных проявлений, способной и готовой к общению с «Другим» (Ю. Лотман), к восприятию «чужого слова». Но при этом необходимо создать условия для становления личности самобытной, яркой, обладающей собственной системой ценностей, собственным взглядом на мир, остро ощущающей «частность» (И. Бродский) своего существования и одновременно тесно связанной с культурой, с ее художественным пространством, живым, пульсирующим, дышащим, в котором рождаются, утверждаются, функционируют, перевоплощаются духовные ценности, создаваемые человечеством на протяжении многовекового исторического пути, с музыкой, открывающей путь в это пространство, возвышающей душу, обостряющей способность чувствовать, понимать, ощущать всю красоту мира.

Музыка как вид искусства, концентрируя в себе духовный опыт каждого народа, его национальную самобытность, ментальные особенности, генетический код, может выступать стержнем личностной идентификации человека, постигающего в диалоге культур многообразие единого культурного пространства человечества. Постижение средствами музыкального искусства самобытности, неповторимого национального своеобразия и одновременно выявление нерасторжимой связи отечественной культуры с духовной культурой всего человечества, осуществление принципа диалога культур в музыкально-познавательном процессе становится условием духовно-нравственного созревания личности, залогом обретения ею тех механизмов, которые оказывают решающее влияние на формирование самосознания, самооценку, самоотношение и самоуважение, личностную, социальную и национальную идентичность.

Осуществление принципа диалога культур в процессе постижения музыки создает предпосылки для обретения сопереживания, эмпатии, способствует эстетически-ценностному осмыслению и оценке художественного пространства отечественной и мировой культуры, выявлению общности в определении эстетических и нравственных идеалов, представлений о Добре, Благе, Любви.

Эти обусловлена необходимость обращения к музыке и музыкальному образованию как объекту, находящемуся в проблемном поле культурологического исследования, в центре которого находится постигающая музыку личность - «творец и творение культуры» (М. Каган). Несомненно, начало третьего тысячелетия – это время, стремительно и неуклонно осуществляющее прорывы в новое пространство, как в области науки и техники, так и искусства, поскольку подлинный прогресс – это неустанный поиск ответов на постоянно возникающие и множащиеся вопросы. Сегодня мы наблюдаем стремительно возрастающую потребность в философском осмыслении как различных областей научного знания, так и культуры, и искусства.

Это является свидетельством усиления интегративных процессов, характерных для пространства культуры нашего времени, устремленности к синтезу. Свидетельством утверждения в культуре боровского принципа дополнительности, призывающего исследователя менять ракурс познания, искать «новые срезы мира» (П. Флоренский). Сегодня педагогика, культурология и социология, антропология и философия непрерывно устремляются навстречу друг другу, потому что центром притяжения каждой из этих наук является человек, для которого процесс познания и самопознания является выражением его саморазвивающейся сущности в пространстве культуры.

Формирование целостной личности, способной осознать, осмыслить и воплотить эту целостность в активную творческую деятельность на протяжении всего своего жизненного пути – это важнейшая для каждого человека проблема самовыражения, самоопределения, самореализации и самоактуализации в пространстве культуры. Обращаясь к проблеме личностной идентичности, тесно связанной с человеческими потребностями, личностно-ценностными устремлениями, системой взглядов на мир, американский философ Э. Фромм выделяет следующие аспекты: потребность в общении, в межиндивидуальных узах, без чего человек теряет социальные навыки и культурные стандарты; потребность в творчестве как глубинной интенции человека, продиктованная наличием творческих сил в каждом

индивидууме; потребность в ощущении глубоких корней, в необходимости ощущать себя звеном в определенной стабильной цепи человеческого рода; стремление к познанию и освоению окружающего мира; стремление к уподоблению, поиск образца, идеала, на который хочет походить человек, то есть стремление к культурной идентичности.

Проанализируем каждый из этих аспектов, чтобы определить их значимость для культурологического исследования, объектом которого является музыка как носитель смыслов и ценностей культуры и музыкальное образование как инструмент их постижения в музыкально-образовательном процессе. В музыке, важнейшей функцией которой является социально-коммуникативная, потребность в общении, в межиндивидуальных узах выражена очень ярко. В ней сокрыты и определенные социальные навыки (социальный шифр, по терминологии Т. Адорно), она несет в себе и культурные стандарты, выработанные на протяжении веков.

Следовательно, первый аспект, выделенный Э. Фроммом, изначально заложен в музыкальном искусстве и соответственно он должен присутствовать в музыкально-образовательном процессе. Второй аспект – потребность в творчестве как глубинной интенции человека, продиктованная наличием творческих сил в каждом индивидууме, с огромной силой проявляется и в процессе созидания музыки, и в процессе постижения ее. Третий аспект – потребность в ощущении глубоких корней, в необходимости ощущать себя звеном в определенной стабильной цепи человеческого рода является одним из основных направлений культурологического исследования музыки и музыкального образования. И все остальные аспекты, включающие стремление к познанию и освоению окружающего мира, стремление к уподоблению, поиск образца, идеала, на который хочет походить человек, то есть стремление к культурной идентичности, входят в проблемное поле культурологического исследования музыкального искусства и образования как целостного художественного пространства, выражающего сущность человека как творения и творца культуры.

Обращение к проблеме рождения, самоутверждения,

функционирования и трансформации музыкальных смыслов и ценностей, анализ перспектив их дальнейшего ее развития уже в пространстве культуры третьего тысячелетия неизбежно обращает исследовательскую мысль к ценностному осмыслению и оценке (художественно-аксиологический подход) психологии художественного творчества, поскольку анализу подвергается процесс формирования особой картины мира, создаваемой с древнейших времен творческим духом человека.

Феномен художественного творчества – один из важнейших аспектов культурологического исследования, поскольку в центре процесса создания художественного пространства культуры всегда стоит Homo Faber – Человек Творящий, созидатель и материального, и духовного мира. В первую очередь, необходимо осознать, что обращение к музыкального искусства как носителю смыслов и ценностей культуры (которые являются смыслами и ценностями человека как ее творения и ее творца), выявляет его изначальную гуманистическую сущность. Это одна из величайших ценностей музыкального искусства, которую осмысливает постигающая музыку личность.

Термин «гуманизм» как научное, философское понятия не требует перевода, практически каждый знает, что латинское слово *humanus* означает «человеческий, человечный», именно это чувство и несет в себе знание-переживание, которое, благодаря постижению музыки, начинает осознаваться как личная и общественная ценность. Очень близко по звучанию слову *humanus* латинское слово *humanitas*, которое в переводе означает «духовная культура», что очень символично, поскольку ставит в один ряд понятия «человечность» и «духовная культура».

И это вполне закономерно. Невозможно постигать необъятные миры музыкальной Вселенной, где живут великие лики их творцов, игнорируя их духовные искания, их радости и страдания, их эстетические и этические идеалы. Но также невозможно обретать знание-переживание, если игнорируется личность познающего ее человека. В круг интересов познающей личности вплетаются особенности его индивидуальности: личностные черты, ментальность, уровень развитости

эмоциональной и интеллектуальной сферы и т.д. Музыка способна обеспечить постигающей ее личности движение по лестнице восхождения к духовным смыслам и ценностям культуры, создать условия для трансляции этих смыслов и ценностей через пространство и время. И хотя мы не можем с точностью назвать дату рождения музыки, слишком велика толща веков, скрывающая эту тайну, но мы знаем, что ни один народ мира не может существовать без нее.

Интерпретация музыки как вида искусства, открывающего человеку путь к познанию и самопознанию, более того, несущего в себе способ восстановления духовной целостности человека, позволяет многократно возвращаться к огромной значимости его в жизни человека и человечества, о способности нести в себе вечные смыслы и ценности бытия. Музыка как некий «социальный шифр» несет в своей интонации, в авторской конструктивно-художественной модели определенную информацию, которую следует рассматривать в социокультурном контексте, постигая, таким образом, как диалектику творчества композиторов эпохи, так и особенности восприятия слушателя на данном историческом этапе.

Исследуя музыкально-информационное поле в эволюционных процессах искусства, музыковед Е. Минаев отмечает, что «в наше время – время кардинальных сдвигов в осмыслении Бытия и роли мира искусства в нем – возникает насущная необходимость рассмотрения музыкального искусства с высоты глобальных процессов в современном сознании, рефлексирующем в представление о мире как единой информационной целостности» (Минаев, 2000: 6).

Сложность и многогранность музыки и музыкального образования как объекта культурологического исследования, ее взаимосвязь с другими видами искусства, с гуманитарной культурой в целом предполагает применение системно-синергетического подхода**,** представляющего собой философский принцип, обладающий высоким исследовательским потенциалом и базирующийся на синергетике как новой парадигме современной науки.

Системное мышление позволяет исследователю-культурологу осмысливать диалектику порядка и хаоса,

эволюцию структур, их рождение и гибель, возникновение порядка из хаоса, способность музыкального искусства и образования как сложноорганизованных систем, находящихся в состоянии неустойчивого равновесия, создавать новые естественные для себя структуры. В синергетике сформулирован волновой ритм развития структур: от хаоса – к самоорганизации, процесс развития, приводящий к новой фазе хаоса, а затем – возникновение новой структуры. Синергетика позволяет рассматривать эволюционно-циклический ход развития как бесконечное развертывание спирали, что позволяет отойти от традиционной схемы линейного прогресса.

Современному культурологу-исследователю необходимо осознавать, что художественное пространство музыки и музыкального образования — это область, где создаются и функционируют особые каналы коммуникации, в основе которых лежит высшая форма духовной деятельности человека — творчество. Это область, где огромную роль играет эмоциональное начало, где каждый человек не только обладает своими неповторимыми личностными особенностями (что характерно для человека в любой области деятельности), но и порой культивирует эти особенности, возводит их на определенный «пьедестал», понимая, что художник должен быть «необыкновенным, удивительным, неповторимым».

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т. 1999. Избранное: социология музыки. М.; СПб.: Университет. кн. 445 с.
Асафьев, Б.В. 1954. Избранные труды: т.3. М.: Изд-во Академия наук. 335 с.
Басин Е.Я. 2003. Художник и творчество. М.: Гуманитарий. 294 с.
Бердяев Н.А. 1993. Человек. Микрокосм и Макрокосм // Феномен человека: антология. М.: Высш. Школа: 28–58.
Лосев А.Ф. 1995. Музыка как предмет логики // Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль: 405–602.
Минаев Е.А. 2000. Музыкально-информационное поле в эволюционных процессах искусства. М.: Музыка. 392 с., илл.
Schweitzer A. 1977. Johann Sebastian Bach. Leipzig: Veb Breitkopf. 450 s.
Gaugh J.L. 1996. Time-dependent processes in memory storage / Science – Irvine-Wisconsin – California: Center for Neuro-biology of Learning and Meamory and Department of Physics. No 153: 12-18.

Получена / Received: 01.11.2012
Принята / Accepted: 02.11.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 873-886

Chosen cultural events during Polish presidency 2011 in the European Union Council (to exist in the world of the chameleons)

M. Januszewska-Warych

Pawel Wlodkowic University College in Plock
Pedagogical Department, 09-402 Plock (Poland), Al. Kilinskiego 12
Высшее учебное заведение им. Павла Влодковица в Плоцке
Педагогический Факультет, 09-402 Плоцк (Польша)
Ал. Килиньского 12; e-mail: januszewska_warych@poczta.fm

Key words: Polish Presidency in European Council; cultural program during Polish Presidency; Z.Bauman "Culture in a liquit modern world".
Ключевые слова: Польское председательство в Совете Европейского союза; Культурная программа во время польского председательства; З. Бауманн, "Культура в текучей действительности".
Abstract: The article refers to the chosen national and foreign events that took place during Polish presidency in the European Union Council in 2011.
The paper is divided into two parts: the first one has a descriptive and documentary character, the second one - placed in the annex - is the write up of the Professor Zygmunt Bauman's book *Kultura w płynnej nowoczesności* (*Culture in a liquid modern world*), where the author presented the diagnosis of the difficult social problems of the Euroland.
This publication was prepared and published especially for the European Culture Congress, that took place on the 8-11 September 2011 in Wrocław. The Congress was a part of the action aiming at the presentation of the cultural output of Poland during the presidency in the European Union Council.
Резюме: Статья ссылается на избранные культурные события в Польше и за рубежом, которые проходили во время польского председательства в Совете Европейского Союза в 2011 году.
Статья состоит из двух частей: первой, обладающей описательно-документальным характером, и второй, в приложении, в которой обсуждается книга профессора Зигмунда Баумана под заглавием Kultura w płynnej nowoczesności (Культура в текучей современности). Автор представляет в ней диагноз современных сложных социальных проблем Евроланда.
Настоящая публикация была подготовлена и издана в связи с Европейским Конгрессом Культуры, который проходил 8-11 сентября 2011 года во Вроцлаве. Конгресс являлся частью мероприятия направленного на презентацию культурного наследия Польши в период председательства в Совете Европейского Союза.
[Янушевска-Варых М. Избранные культурные события в период польского председательства 2011 в Совете Европейского Союза (или как существовать в мире хамелеонов)**]**

Od 1 lipca do 31 grudnia 2011 roku Polska stała na czele Rady Unii Europejskiej. Kolejność sprawowania prezydencji w Radzie Unii Europejskiej ustalona została decyzją Rady z dnia 1 stycznia 2007 roku.

Wynika to z podstaw prawnych prezydencji, którą stanowiły m.in.:

- Traktat Paryski ustanawiający Europejską Wspólnotę Węgla i Stali (podpisany 18 kwietnia 1951 r., który wszedł w życie 23 lipca 1952 r., art. 27);

- Traktaty rzymskie (podpisane 25 marca 1957 r., które weszły w życie 1 stycznia 1958 r.).

Okres sześciu miesięcy prezydencji – przewidziany w traktatach – okazał się zbyt krótki, aby państwo ją sprawujące mogło skutecznie zrealizować założone cele swojego przewodnictwa, dlatego też przyjęto koncepcję prezydencji grupowej, w której trzy kraje sprawujące po sobie prezydencję koordynowały główne założone cele.

Ważnym etapem prac koordynacyjnych w ramach tria (Rzeczpospolitej Polskiej, Królestwa Danii, Republiki Cypryjskiej), rozpoczętych już w 2008 roku, była współpraca na poziomie ministrów spraw zagranicznych oraz koordynatorów ds. przygotowań do opracowania przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej.

Na mocy Rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 15 lipca 2008 roku został powołany Pełnomocnik Rządu do spraw Przygotowania Organów Administracji Rządowej i Sprawowania przez Rzeczpospolitą Polską Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej.

Wymienione rozporządzenie nałożyło na Pełnomocnika obowiązek opracowania projektu rządowego – Programu Przygotowań Rzeczpospolitej Polskiej do Objęcia i Sprawowania Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej.

Dokument ten jako tekst ostateczny przyjęty został przez Radę Ministrów w dniu 13 stycznia 2009 roku. Powstał on z uwzględnieniem wkładu wielu ministerstw i urzędów centralnych, m.in.: Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji, Ministerstwa

Spraw Zagranicznych, Kancelarii Sejmu, Senatu Rzeczpospolitej, międzyresortowych zespołów opiniująco-doradczych.

Integralną częścią przygotowań do objęcia prezydencji i istotnym elementem jej sprawowania jest program kulturalny polskiego przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej. Założenia strategiczne programu kulturalnego polskiej prezydencji w drugiej połowie 2011 roku[6] ukazały się w sierpniu 2009 roku. Opracowane zostały w trybie konsultacji przez Departament Współpracy z Zagranicą, Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Instytut Adama Mickiewicza, Narodowy Instytut Audiowizualny w ramach prac międzyresortowego zespołu opiniodawczo-doradczego ds. promocji i kultury.

Cele programu mają służyć promocji:

- Polski w Unii Europejskiej,
- Polski i Unii Europejskiej (Polska w roli ambasadora Unii Europejskiej),
- Unii Europejskiej w Polsce.

Według wytycznych zawartych w Programie Przygotowań Rzeczpospolitej Polskiej do Objęcia i Sprawowania Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej, Minister Kultury i Dziedzictwa Narodowego powołał Radę Programową ds. Oprawy Kulturalnej Polskiego Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej w 2011 roku[7].

Zadaniem Rady jest opiniowanie oraz rekomendowanie Ministrowi Kultury i Dziedzictwa Narodowego projektów i inicjatyw związanych z oprawą kulturalną polskiego przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej.

W proces tworzenia projektu kulturalnego zaangażowanych było wiele podmiotów, takich jak: narodowe instytucje kultury, najważniejsze organizacje i instytucje kultury, Polska Organizacja Turystyczna, międzyresortowy zespół opiniodawczo-doradczy ds. promocji kultury, przedstawiciele miast i regionów.

Projekty wchodzące w skład programu kulturalnego polskiej prezydencji ze względu na zasięg geograficzny można podzielić na:

- projekty w wybranych stolicach europejskich i pozaeuropejskich,
- projekty realizowane w Polsce[8].

Zagraniczny Program Kulturalny Polskiej Prezydencji 2011 roku[9], pod hasłem I, CULTURE, to największy z dotychczas

realizowanych przez Instytut Adama Mickiewicza (we współpracy z Instytutami Polskimi i Ambasadami Rzeczpospolitej Polskiej oraz partnerami lokalnymi) program promocji polskiej kultury za granicą.

Program ten miał na celu ukazanie Polski jako kraju nowoczesnego, unikatowego, o bogatej i kreatywnej kulturze współczesnej.

Polskie projekty (blisko 400 wydarzeń w 10 miastach: w pięciu stolicach państw Unii Europejskiej oraz w pięciu stolicach państw spoza Unii) były prezentowane w najlepszych galeriach, klubach, ukazane zostały na festiwalach czy scenach w Berlinie, Brukseli, Londynie, Madrycie, Paryżu, Kijowie, Mińsku, Moskwie, Pekinie i Tokio.

Zagraniczny Program Kulturalny Polskiej Prezydencji tworzyło 6 filarów, obejmujących m.in. takie projekty, jak:

- Karol Szymanowski (m.in. wystawienie opery „Król Roger");
- Stanisław Lem (plenerowy spektakl Planeta Lem);
- Czesław Miłosz – Rok Miłosza – setna rocznica urodzin autora „Rodzinnej Europy";
- Przewodnik do Polaków – cykl filmów dokumentalnych opowiadających w niebanalny sposób o współczesnym polskim społeczeństwie. Reżyserii jednego z nich podjął się nominowany do Oskara Bartek Konopka;
- Interaktywny multimedialny projekt w przestrzeni publicznej I, CULTURE

(tworzenie puzzli z materiału, budowanie i śledzenie układanki przez internautów);

- I, CULTURE Orchestra – nowatorskie przedsięwzięcie tworzone przez młodych muzyków z Polski, Ukrainy, Białorusi, Mołdawii, Armenii, Azerbejdżanu, Gruzji.

Koncepcja i realizacja Krajowego Programu Kulturalnego Polskiej Prezydencji 2011 roku[10] powierzona została Narodowemu Instytutowi Audiowizualnemu.

Głównym przesłaniem programu jest kultura jako narzędzie zmiany społecznej – Art for Social Change (sztuka dla zmiany społecznej).

Założenia Krajowego Programu Kulturalnego podkreślały rolę organizacji pozarządowych, oddolnych inicjatyw kulturowych,

podejmowały temat tzw. Partnerstwa Wschodniego i inwestycji w kapitał społeczny.

Ważnym założeniem była interdyscyplinarność (łączenie, wzajemne przenikanie się dziedzin, tworzenie nowych powiązań między kulturą wysoką i popularną) oraz ciągłość i trwałość projektów (nawiązanie kontaktów, które zaowocowały lub mają szansę zaowocować współpracą przy kolejnych przedsięwzięciach).

Na Krajowy Program Kulturalny złożyły się m.in. projekty specjalne w wymienionych niżej miastach:

▪ **Krasnogruda:** (30 czerwca) Europejska Agora (spotkania filozofów, poetów i artystów, wśród których byli m.in. Zygmunt Bauman, Cezary Wodziński, Michał Paweł Markowski, Adam Zagajewski, Marcelijus Martinaitis, Alicja Rybałko). W ramach Agory Artystów oratorium „Powrót" Wlada Marhultsa, inspirowane wierszem Miłosza, wykonała w bazylice w Sejnach orkiestra Sinfonietta Cracovia pod dyrekcją Radosława Lubakhua Kiszewskiego.

▪ **Warszawa:** (1 lipca) Inauguracja Przewodnictwa Polski w Radzie UE (całodniowe widowisko muzyczne na czterech scenach: głównej, eksperymentalnej, etnicznej i dziecięcej dedykowane różnym gatunkom muzyki: poważnej, alternatywnej, jazzowej, mniejszości narodowych, etnicznych, muzyce i projektom interdyscyplinarnym dla dzieci).

▪ **Sopot:** (3-31 lipca) Otwarty Kurort Kultury. W jego ramach zrealizowano 16 oddolnych interdyscyplinarnych projektów, w których wzięło udział 150 artystów reprezentujących niemal wszystkie dziedziny współczesnej sztuki. Przykładem może być Konferencja „Więcej Kultury" – We Are More, w trakcie obrad której głos zabrali m.in. Chris Torch, Chrissie Faniadis, Sylvian Pasqua. Interaktywne warsztaty prowadzili doświadczeni animatorzy i menadżerowie kultury z Unii Europejskiej.

Efektem konferencji było wypracowanie sposobów dotyczących podniesienia poziomu finansowania kultury z funduszy społecznych, edukacyjnych i infrastrukturalnych.

▪ **Katowice:** (lipiec-wrzesień) TAKK! Tymczasowa Akcja Kulturalna Katowice. OFF Festiwal Katowice. Tymczasowa Akcja Kulturalna łączyła projekty z pogranicza architektury, designu i współczesnej muzyki. Obejmowała działania w obrębie pięciu

dziedzin: sztuki, designu, warsztatów, koncertów, wykładów (np. DESIGN PROJEKT: PODWÓRKO – rewitalizacja zaniedbanych katowickich podwórek).

OFF Festiwal – największy festiwal muzyki alternatywnej w Europie Środkowo-Wschodniej odbywał się na czterech scenach, na których wystąpiło 21 cenionych artystów z Polski i zagranicy (np. amerykańska wokalistka Glasser, polski zespół Baaba Kulka).

- **Białystok:** (5 sierpnia-30 września) Podróż na Wschód. Wystawa „Podróż na Wschód" prezentowała najnowszą sztukę artystów z krajów Partnerstwa Wschodniego: Armenii, Azerbejdżanu, Białorusi, Gruzji, Mołdawii, Ukrainy i Polski.

Wystawie towarzyszyły przedsięwzięcia artystyczne i edukacyjne: koncerty, panele dyskusyjne poświecone kondycji sztuki w krajach Partnerstwa Wschodniego, pokazy filmów dokumentalnych, wykłady, warsztaty dla dzieci „Refleksje zapisane na ziemi".

- **Warszawa:** (wrzesień-listopad) Pawilon Olafura Eliassona. Odsłonięcie instalacji duńskiego artysty – Pawilonu Artystycznego, w którym odbywały się prezentacje polskich instytucji kultury.
- **Lublin:** (wrzesień-październik) Mindware. Technologie dialogu. Najstarsze pieśni Europy. Tradycja i awangarda. Międzynarodowy Festiwal. Konfrontacje Teatralne.

Mindware to program składający się z trzech części: rezydencyjnej, publicznej prezentacji prac artystycznych oraz części teoretycznej. Artystom towarzyszyli teoretycy zajmujący się komunikacją społeczną, mediami i sztuką. Ich wspólnym celem było ukazanie pojęcia Mindware przez pryzmat sztuki mediów, sztuki społecznej, animacji komunikacji społecznej i humanistyki.

W trakcie festiwalu „Najstarsze pieśni Europy" odbyły się 22 koncerty, w czasie których zaprezentowano bogate tradycje śpiewacze m.in. Albańczyków, Gruzinów, Białorusinów, Finów.

Konfrontacje Teatralne wiązały się z prezentacją i analizą przemian zachodzących w teatrze rosyjskim i teatrach dawnych republik radzieckich.

Wystąpiły podczas nich teatry z Rosji, Polski, Białorusi, Ukrainy i Gruzji, gromadząc około 20 tysięcy osób.

- **Kraków:** (październik) IETM Meeting. Krakowskie

Reminiscencje Teatralne. Unsound Festival.

Program w Krakowie skoncentrowano wokół zjazdu międzynarodowej organizacji zrzeszającej menadżerów sztuk performatywnych – International Network for Contemporary Performing Arts (IETM). 400 delegatów z 40 krajów dyskutowało na temat wartości kultury w czasach socjopolitycznej niepewności i braku stabilności finansowej.

Uczestnikom zjazdu towarzyszyła 36 edycja Krakowskich Reminiscencji Teatralnych, wzbogaconych o polską scenę teatru tańca współczesnego oraz m.in. o pokaz twórców rosyjskich.

Motywem przewodnim festiwalu muzyki postępowej i pokrewnych sztuk wizualnych – Unsound Festival – był „Future Shock” („Szok przyszłości”) zainspirowany przez książkę Alvina Tofflera pod tym właśnie tytułem.

Artyści podjęli próbę wyrażenia wizji przyszłości widzianej z perspektywy nieodległej przeszłości.

- **Poznań:** (listopad) Poznań Baroque. Festiwal Muzyki Dawnej. Old Music – New Dance.

W Poznaniu – stolicy kultury barokowej zagrali m.in. Arte dei Suonatori (polski zespół barokowy), Orchestra Libera Classica pod dyrekcją Hidemiego Suzuki, Al Ayre Español, Les Ambassadeurs, Wrocławska Orkiestra Barokowa. Koncerty odbywały się w trzech salach, a uczestniczyło w nich 10 tysięcy słuchaczy.

Analiza teoretycznych założeń muzyki dawnej oraz przełożenia ich na język współczesnego tańca była podstawą projektu Old Music – New Dance. Na ów projekt złożyły się sesje taneczne i sesja naukowa „Barok – formy i kontekst”.

- **Warszawa:** (17 grudnia) W studio koncertowym im. Witolda Lutosławskiego w Warszawie odbyła się premiera III Symfonii Pawła Mykietyna, skomponowanej na specjalne zamówienie Narodowego Instytutu Audiowizualnego.

- **Wrocław:** Europejski Kongres Kultury (8-11 września 2011 roku) – najważniejsze wydarzenie polskiej prezydencji 2011.

Intelektualne ramy kongresu określił w przygotowanej specjalnie na tę okazję książce pt. *Kultura w płynnej nowoczesności*, gość specjalny, profesor Zygmunt Bauman. Wygłosił on odczyt

inauguracyjny dotyczący m.in. nowych strategii dla kultury europejskiej.

Program kongresu obejmował spotkanie ministrów kultury krajów UE, spotkania i dyskusje czołowych europejskich intelektualistów, debaty w ramach inicjatywy A Soul for Europe i wydarzenia artystyczne.

Uczestnikami kongresu byli naukowcy, filozofowie, artyści, aktywiści, m.in.: Zygmunt Bauman, Mirosław Bałka, Andrzej Wajda, Zbigniew Libera, Gianni Vattimo, Jan Fabre, Brian Eno, Krzysztof Penderecki, Oliviero Toscani, Ryszard W. Kluszczyński, Fatos Lubonja, Jonny Greenwood, Pekka Himanen, Krzysztof Wodiczko, Dubravka Ugrešić, Sara Arrhenius, Wiktor Jerofijew, Ewa Rewers.

Program obejmował także spektakle teatralne i performance, koncerty, projekcje filmowe i dźwiękowe, wystawy z obszaru sztuk wizualnych, architektury i designu a także interdyscyplinarne projekty artystyczne.

W ramach projektu muzycznego, w którym brali udział Krzysztof Penderecki, Jonny Greenwood i Aphex Twin, zabrzmiały światowe prawykonania następujących kompozycji: Aphex Twin „Threnody for the Victims of Hiroshima remix" i „Polymorphia Reloaded" oraz Jonny Greenwood „48 Responses to Polymorphia".

„Kongres był platformą spotkań, wymiany perspektyw i katalogów dobrych praktyk przez aktywnych uczestników życia społecznego, w tym organizacji pozarządowych"[11].

***

W trakcie prezydencji Polski w Radzie Unii Europejskiej zrealizowano 1000 projektów w Polsce i 400 za granicą. Była to największa w historii powszechna akcja kulturalna, prezentująca dorobek kulturalny kraju, aktywizująca obywateli do podjęcia roli świadomych uczestników kultury[12].

PRZYPISY I ODSYŁACZE

1. Dziennik Urzędowy Unii Europejskiej, Decyzja Rady z dnia 01 stycznia 2007 roku w sprawie porządku sprawowania Prezydencji w Radzie (2007/S/WE, Euratom); Dziennik Urzędowy Rady Europejskiej z dnia 01 grudnia 2009 roku w sprawie sprawowania prezydencji Rady (2009/881/UE) http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:001:0011:0012:E

N:PDF
2. Traktat Paryski, art. 27 […] Urząd Przewodniczącego piastują kolejno wszystkie Państwa Członkowskie Rady […] kolejność sprawowania urzędu jest ustalona przez Radę działającą jednomyślnie
http://polskawue.gov.pl/files/polska_w_ue/prawo/traktaty/Traktat_EWWiS.pdf s.16
3. Traktaty Rzymskie http://polskawue.gov.pl/files/polska_w_ue/prawo/traktaty/Traktaty_rzymskie.pdf
4. Dziennik Ustaw Nr 133 poz. 843, Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 15 lipca 2008 roku, w sprawie ustanowienia Pełnomocnika do spraw Przygotowania Organów Administracji Rządowej i Sprawowania przez Rzeczpospolitą Polską Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU20081330843
5. Program Przygotowań Rzeczpospolitej Polskiej do Objęcia i Sprawowania Przewodnictwa w Radzie Unii Europejskiej
http://pl2011.eu/sites/default/files/users/shared/o_prezydencja/program_polskiej_prezydencji_w_radzie_ue.pdf
6. Strategiczne założenia programu kulturalnego polskiej prezydencji w II połowie 2011 roku, sierpień 2009; Komunikaty z posiedzeń Komitetu Europejskiego Rady Ministrów (Komunikat z posiedzenia w dniu 28 sierpnia 2009 roku)
http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/files.nsf/0/F668A5C126AAB8B1C125762A004E2179/$file/KERM2009_08_28.pdf
7. Zarządzenie nr 17 Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego z dnia 11 sierpnia 2009 roku w sprawie powołania Rady Programowej ds. Oprawy Kulturalnej Polskiego Przewodnictwa w Radzie UE w 2011 roku.
http://bip.mkidn.gov.pl/media/download_gallery/index9efd.pdf
8. Strategiczne Założenia Programu Kulturalnego Polskiej Prezydencji w II połowie 2011 roku, sierpień 2009
9. www.iam.pl i www.culture.pl
10. http://www.mkidn.gov.pl/media/download_gallery/Krajowy_Program_Kulturalny_Polskiej_Prezydencji_2011_info
rmacja_prasowa.pdf
11. http://www.nina.gov.pl/docs/default-document-library/kpkpp_broszura.pdf s.9-10
12. http://www.mkidn.gov.pl/pages/posts/program-kulturalny-polskiej-prezydencji---podsumowanie-2632.php

Aneks

Istnieć w świecie kameleonów

[Omówienie książki Zygmunta Baumana, *Kultura w płynnej nowoczesności*, wyd. Narodowy Instytut Audiowizualny, Agora SA, Warszawa 2011, ss. 144]

Najnowsza publikacja Zygmunta Baumana, wydana przez Narodowy Instytut Audiowizualny i Agorę SA, to objętościowo niewielki zbiór kilku szkiców, których intencją – jak sądzę – jest wprowadzenie czytelnika w te niepokoje, które najwyraźniej dręczą ich Autora. Niepokoje o jutro świata, zwłaszcza świata ludzi, o jutro, które wyłania się z dramatycznych, obecnie dokonujących się przeobrażeń w niemal wszystkich obszarach ludzkiego życia.

To, że otrzymaliśmy publikację nie w postaci opasłej księgi, lecz jako wybór tekstów, które możemy uznać za nasycone tak refleksją, jak i emocją eseje, dalej, że wybór ten został przekazany piórem błyskotliwym, czyni lekturę i przyjemną, i poznawczo nader wartościową.

Zanim spróbuję uzasadnić tytuł recenzji, pragnę scharakteryzować książkę od strony formalnej. Złożyło się na nią oprócz wstępu i zakończenia sześć odrębnych, aczkolwiek koherentnie zestawionych szkiców o tytułach niekoniecznie wystarczająco oddających ich przewodnie myśli. W pierwszym Bauman ocenia zmiany w kulturze i w zachowaniach twórców oraz odbiorców/konsumentów kultury, w następnym prezentuje modę jako społeczny fenomen, w kolejnym ewolucję oświeceniowej myśli i oświeceniowej polityki, dalej zmiany w charakterze więzi społecznej – od narodu-państwa budowanego na określonym terytorium do współistnienia wspólnot w różnorodności, wreszcie przemiany mecenatu kulturalnego. Wszystko to sprowadza się do zarysowania obrazu świata ludzi, którzy wprawdzie nadal żyją według reguły łączącej ciągłość ze zmianą, lecz w układzie, w którym zmiana przytłacza przeszły dorobek, coraz bardziej spychając go na margines naszej bieżącej egzystencji.

Czy jest to zestaw problemów wystarczająco przekonywający i w pełni oddający aktualny status społeczeństw jeśli nie całego

globu (aczkolwiek taki zamiar z książki wynika), to przynajmniej tak zwanego świata zachodniego? Nie sądzę. Jest to wybór, jednakże trafny, gdyż dotyka spraw najżywotniejszych.

Indeks kwestii możliwych do podjęcia w takiej publikacji mógłby być jednak zdecydowanie szerszy, ot choćby zbliżony do tego, który zaprezentowali w zbiorze prac wielu autorów, zatytułowanym *Socjologia codzienności,* Piotr Sztompka i Małgorzata Bogunia-Borowska (*Socjologia codzienności*, red. P. Sztompka, M. Bogunia-Borowska, Kraków 2008.). Tam poza tematami podobnymi do ujętych w książce Baumana mamy odniesienia np. do takich zjawisk, jak problem singli, rodziny, czasu wolnego, pracy i kariery, zdrowia, sportu, religii i podobnych, z których najbardziej zbieżny w metodzie z analizą Baumana wydaje się szkic Sheldona Ungara *Panika moralna versus społeczeństwo ryzyka: konsekwencje zmian w sferze niepokojów społecznych* (S. Ungar., Panika moralna versus społeczeństwo ryzyka. Konsekwencje zmian w sferze niepokojów społecznych (przekł. E. Kopczyńska), [w:] Socjologia codzienności, red. P. Sztompka, M. Bogunia-Borowska, Kraków 2008)

Zdaję sobie sprawę z tego, że takie maksymalizowanie wymagań co do zakresu analizy nie jest w odniesieniu do książki Baumana zasadne, ale być może Czytelnik uzna je za uzasadnione w odniesieniu do problemu, jakim jest owo dramatycznie rozlewające się tsunami zmiany, ze wszystkimi jej destrukcyjnymi następstwami.

Byłoby błędem relacjonować w szczegółach treść tej książki. Jest bardzo *gęsta* w projekcji charakteryzowanych zjawisk. To nie banalna fotografia, ale pogłębiony obraz, z rozwiniętą kolorystyką wszystkich tematów. Niemal każde zdanie zmusza do refleksji, a to tym bardziej, że Z. Bauman, mimo własnej pozycji intelektualnej, mimo iż w tym zakresie może być zaliczany do kręgu *celebrytów* świata intelektu, wspiera się ustaleniami dziesiątków znawców podejmowanych przez niego problemów. Chociaż wieści upadek autorytetów i ich znaczenia, ze swej strony przywołuje nazwiska osób, które bezsprzecznie przynależą do klubu dawnych i współczesnych głównych postaci światowego życia umysłowego i zaznajamia nas z ich ustaleniami, co z jednej strony uchyla zarzut anonimowego przejęcia cudzej myśli, z drugiej wzmacnia wymowę własnej opinii. Wśród nich są takie postaci, jak: T. W. Adorno, H.

Arendt, M. Arnold, P. Bourdieu, J. Derrida, Z. Freud, H. G. Gadamer, J. Habermas, R. Jacoby, B. Latour, R. Rorty, O. Wilde.

Kluczowy problem w tej pracy sprowadza się do zobrazowania gwałtownej, stale przyśpieszającej zmiany społecznej, gospodarczej, a bardziej jeszcze kulturalnej, cywilizacyjnej i politycznej, która przeobraża świat, społeczeństwa i ludzi, żywiołowo, poza kontrolą instytucjonalną, co powoduje, że kształt przyszłości rysuje się mgliście.

Motorem, właściwie winowajcą zmiany jest rynek i konsumpcja. Rynek, który korzystając ze środków produkcji nieporównywalnych z przeszłością, wytwarza masę coraz to nowych dóbr, a szybko oferując bardziej doskonałe, te poprzednie kieruje na śmietnik. Ludzie, aby utrzymać się na poziomie najnowszej konsumpcji muszą zmieniać i siebie, i swój dom, i jego wyposażenie, i swoje środowisko. Najsilniej, w sposób najbardziej widoczny, zaznacza się to w modzie, gdyż sprostanie jej wymogom wyzwala zachowania właściwe kameleonom – stałego zmieniania zewnętrznego oblicza, co także nie pozostaje bez wpływu na zmianę oblicza duchowego. *Płynnie nowoczesna, na konsumenta zorientowana gospodarka* – pisze Bauman – *liczy na nadmiar swych propozycji, ich przyspieszone starzenie się i szybki uwiąd ich uwodzicielskiej mocy* […] *Kultura przeobraża się dzisiaj w jeden z departamentów gigantycznego domu towarowego, jakim stał się świat przeżywany przez ludzi przeobrażonych, po pierwsze, i po ostatnie, w konsumentów* […] *kultura płynnej nowoczesności nie posiada „ludu" do oświecania i uszlachetniania; posiada natomiast klientów do uwodzenia.* […] *Funkcją kultury nie jest zaspokajanie istniejących potrzeb, ale stwarzanie nowych – przy równoczesnym utrzymywaniu potrzeb już wprzódy zakorzenionych czy posianych w stanie permanentnego niezaspokojenia* (s. 30).

Oczywiście, możemy zaznaczyć, że tę funkcję kultura może realizować w społeczeństwach dobrobytu czy przynajmniej względnego dostatku, ale nie w tych, w których większość wciąż musi troszczyć się o zaspokojenie elementarnych potrzeb i zapewnienie podstaw egzystencji, niekoniecznie poprzez zmianę półek sklepowych na coraz to wyższe. Ale Bauman na co dzień przed oczyma ma właśnie społeczności uwodzone przez, często wyrafinowaną, konsumpcję. W tych społecznościach tworzą się

wzorce *wyścigu szczurów,* zachowania nacechowane permanentnym stresem w imię utrzymania się *...na fali.* Czy przynosi to korzystne dla człowieka zmiany prowadzące ku lepszemu życiu, ku wyższej jego jakości? Postęp, pisze dalej Bauman *...przeniósł się z dyskursu wspólnej poprawy życia do dyskursu osobistego przetrwania. O postępie nie myśli się już w kontekście chęci do pędu, ale w związku z rozpaczliwym wysiłkiem, by za wszelką cenę nie wypaść z bieżni i uniknąć dyskwalifikacji oraz wykluczenia z wyścigu.* […] *aby być sobą i za takiego być uznanym musisz udokumentować swą moc bycia kimś innym. Wzorem osobowym starań o tożsamość jest kameleon.* […] *Jest nakazem panującej dziś wszechwładnie kultury, byś nabrał umiejętności zmieniania swej tożsamości (a przynajmniej jej publicznego obrazu) równie często, szybko i sprawnie, jak zmieniasz koszulę czy skarpetki. A już rynek konsumpcyjny ci za drobną, albo nie tak znów drobną opłatą w nabyciu tej umiejętności i dostosowaniu się do kulturowej rekomendacji dopomoże* (s. 40 i n.). Wyczuwamy w tej ironii dystans wobec charakteryzowanych fenomenów, a jednocześnie pewną bezradność w stosunku do wszechogarniających ludzkość zjawisk przeobrażających całkowicie ogromne ludzkie masy.

Bauman do niektórych zjawisk odnosi się nie tylko jako ich diagnostyk, lecz również jako potencjalny terapeuta, który oferuje kurację, bez przekonania wszakże, iż zostanie ona zastosowana. Takie stanowisko zaznacza się w jego projekcjach obrazu współżycia ludzi w ogromnej liczbie grup etnicznych, szczególnie w Europie. Oceniając krytycznie tak nacjonalistyczny, jak i liberalny model budowania narodu/państwa, gdyż odbywało się to za cenę asymilacji drobnych społeczności i unicestwienia ich kultury, opowiada się za troskliwą ochroną multikulturalnego obrazu Europy. Trafnie wydobywa z faktycznej niepamięci wielkich tego kontynentu wiedzę o tym, że w dziesiątkach drobnych kultur, operujących własnym językiem, zawarte są wartości, które nie powinny zginąć, lecz wzbogacać całą europejską społeczność. *„Zadanie Europy", twierdzi Gadamer, polega na przekazaniu wszystkim sztuki uczenia się wszystkich od wszystkich. Dodałbym: to misja Europy, a dokładniej mówiąc los Europy, który czeka, byśmy wspólnymi siłami przekuli go w nasze przeznaczenie* (s. 103).

Nie wiem, jaki jest nakład książki Zygmunta Baumana.

Powinien być duży i szeroko rozpowszechniany, ciesząc się specjalną promocją. W zgiełku przemian, w przytłaczającym nas cywilizacyjnym chaosie pędu ku czemuś, co dla ogółu jest niewyobrażalne, to Baumana trzeźwe, całościowe ujawnianie charakteru i ducha zmiany wychodzi naprzeciw naszym utajonym oczekiwaniom poznania. Poznania realnego, którego sens odbiega od zalewających kulturę horoskopów, wróżb, proroctw wieszczących koniec świata. Koniec zapewne już nastąpił. Koniec tego, czego żałować nie trzeba, ale często i tego, z czym trudno się rozstawać. Warto zadbać o to, aby nadchodzące zmiany zasłużyły na przynajmniej względną trwałość, której obecnie najczęściej im brakuje. Jak to robić, możemy między innymi dowiedzieć się z rekomendowanej tu książki.

Получена / Received: 18.07.2012
Принята / Accepted: 20.09.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 887-890

«Решительно комический талант» (Предисловие к неизданной книге)

Ю.В. Манн

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Federal Staty Budget Institution "Russian State Humanitatian University"
125993, Moscow, Miusskaya square, 6; e-mail: ymann@si.ru

Ключевые слова: Карп Соленик, Николай Гоголь, русский театр, поэтика комического.
Key words: Carp Solenik, Nikolai Gogol, Russian theater, poetics of comic.
Резюме: Статья представляет собой предисловие к книге о замечательном актере Карпе Соленике. Его талант был отмечен Николаем Гоголем. Между тем об этом актере довольно мало известно и нет фундаментальных трудов. Известный российский филолог – профессор Юрий Манн рассказывает о написанной им книге, в которой он восполняет этот пробел.
Abstract: The article is a preface to the book devoted to the destiny of the wonderful actor Carpe Solenik. His talent was marked by Nikolai Gogol. Meanwhile, there is less information about this actor and there is no fundamental works. The famous Russian scholar - professor Yuri Mann talks about the book in which he he fills this gap.
[**Mann Yu.V.** Decidedly comic talent (preface to the unpublished book)]

Каждый, кто знаком с историей первой постановки «Ревизора», состоявшейся 19 апреля 1836 года в Петербургском Александринском театре, знает, сколько заботы и требовательности проявил Гоголь к подбору состава исполнителей. И, вероятно, многие вспомнят следующие строки из письма Гоголя одному его черниговскому знакомому: «…есть в одной кочующей труппе актер, по имени Соленик. Не имеете ли вы каких-нибудь о нем известий? Данилевский видел его в Лубнах и был в восхищении. Решительно комический талант!»

Перечитывая эти строки, невольно задаешь себе вопрос: почему мы так мало знаем о Соленике? Быть может, отзыв Гоголя вызван какими-либо случайными обстоятельствами (скажем, преувеличенной оценкой Соленика Данилевским) и не подтверждается другими свидетельствами? Но нет: было время, когда о Соленике писали много. И писали, например, так:

«Выполняя роли из произведений Грибоедова, Гоголя и Мольера, - Соленик, касательно заслуг своих в этом случае, стоял, быть может, наравне с этими писателями».

Наравне с Грибоедовым, Гоголем, Мольером! Даже если такая похвала преувеличена, художник, вызвавший ее, достоин внимания. Но, как мы увидим в дальнейшем, подобные отзывы были вполне оправданны, и в этом случае значимость Соленика возрастает во много раз. Он представляет живой интерес для самого широкого читателя. Он заслуживает большего, чем это было до сих пор, внимания исследователей.

Насколько много писали о Соленике в современной ему театральной критике, - настолько мало в последующей научной литературе. Первую попытку собрать материалы об актере сделал дореволюционный театровед, энтузиаст изучения прошлого Харьковского театра Н.Черняев; он опубликовал в газете «Южный край» за 1881 г. (№2749) статью, посвященную Соленику. В последующие годы появились два биографических очерка: Ол. Кисиля «Український актор Карпо Соленик» (Киев, 1928) и М.Дибровенко «Карпо Соленик» (Киев, 1951). Обе работы, особенно последняя, содействовали более полному представлению о деятельности Соленика, но все же не содержали критического анализа всех имеющихся о нем материалов, не давали творческой биографии актера.

На русском языке за советское время вообще не было издано ни одной работы о Соленике. В общих же работах, посвященных истории театра, Соленику дается очень беглая, скупая оценка, - а чаще всего даже не упоминается его имя. Не сказалась ли в этом некоторая инерция исследовательской мысли, привычка держать на примете определенный круг известных, уже апробированных фигур, которые входят в так называемую «обойму»? И не беднее ли оттого наше общее представление о судьбах и развитии театра?

Предпринятое нами изучение жизни и творческой деятельности Соленика опирается на малоизвестный материал, в том числе архивный. С этой целью автор длительное время работал в архивах Москвы и Харькова, изучал столичную и провинциальную периодику, особенно «Харьковские губернские ведомости», которые уделяли довольно много

внимания игре Соленика.

Изучение творчества Соленика позволяет поставить ряд важных историко-литературных и театральных проблем – прежде всего проблему взаимодействия и взаимовлияния русской и украинской культур. Репертуар Соленика широк и разнообразен: он играл в украинских пьесах (Шельменко-деньщих), русских (Фамусов, Хлестаков, Синичкин), в пьесах Шекспира (например, в «Короле Лире»), Мольера («Скупой») и т.д.

Богатый материал предоставляет Соленик для изучения театральной поэтики комического; здесь, в частности, очевидны точки сближения игры актера с гоголевской концепцией комического.

В «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору» Гоголь отмечал: «Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь так близким к истине, так естественно, как можно говорит одну истину; - и здесь-то заключается все комическое лжи».

Соленик не мог прочитать эти строки («Отрывок из письма…» был опубликован значительно позднее), но он, если не бояться гоголевского парадоксального выражения, «умел лгать». Иначе говоря – умел передать естественность комических персонажей, тонкость и глубину психологического рисунка.

Жизнь и творчество Соленика позволяет поставить и осветить проблему провинциального актера в России – его статуса, положения, взаимодействия со столичными театрами (помимо Харькова, Соленик выступал в Курске, Кишиневе, Одессе и других городах). Сложные, подчас трагикомические переживания провинциального актера были зафиксированы еще в знаменитом водевиле Д.Т.Ленского «Лев Гурыч Синички»:

Здесь карьер ваш театральный
Разве можно сделать вам?
Наш театр провинциальный,
Смех и горе, стыд и срам!

И героя нашего повествования, конечно, не миновали эти

трудности.

Мы постараемся также проанализировать личные и творческие связи Соленика с другими актерами, прежде всего с Щепкиным (оба одно время состояли в одной театральной труппе – Штейна).

Девятнадцатый век отечественного искусства необыкновенно богат, и творчество Соленика тому ярчайшее подтверждение. Мы убеждены, что если не наша книга, то последующие за ней другие работы покажут это наглядно и неоспоримо.

PS. Публикуемое предисловие написано к книге, над которой я работал более полувека тому назад, будучи учителем средней школы рабочей молодежи, а позднее редактором одного из московских журналов. Увлеченный темой, я, как принято говорить, перекопал огромный материал, впервые испытав наслаждения от работы с первоисточниками, особенно архивными. Разумеется, никто не посылал меня в научные командировки в Харьков или Киев (я и выражения такого тогда не знал) – возможности приходилось выкраивать из своего бюджета времени.

Рукопись приняло издательство «Искусство», но по причинам, не зависящим от автора, она так и не дождалась публикации. Лишь одну главу из моей книги «Соленик и Щепкин» поместил в киевском журнале «Вітчизна» Иван Дзюба (ныне широко известный ученый и литератор был тогда редактором одного из отделов этого журнала).

Публикуя предисловие к моей невышедшей книге, я уверен, что великий артист Карп Трофимович Соленик сохраняет интерес и для специалистов и, как это принято говорить, для широкого читателя.

Получена / Received: 01.08.2012
Принята / Accepted: 03.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 891-899

Style features of Oscar Wilde's tales

O.V. Stukalova

Federal State Research Institution of the Russian Academy of Education
«Institute of Art Education»
Pogodinskaya str. 8, building 1, Moscow 119121 Russia
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт художественного образования» Российской Академии Образования
119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп.1; e-mail: chif599@mail.ru

Key words: Oscar Wilde, tales, style, aestheticism, irony, ornamental prose, image.
Ключевые слова: Оскар Уайльд, сказки, стиль, эстетизм, ирония, орнаментальная проза, образ.
Abstract: The author analyzes the artistic features of the Oscar Wilde's style by the example of his famous tales. The irony, ornamental prose, rich detail and epithets are the stylistic features that make Wilde's fairy tales so popular among readers and critics.
Резюме: Автор статьи анализирует художественные особенности стиля Оскара Уайльда на примере его знаменитых сказок. Ирония, орнаментальность прозы, богатство деталей и эпитетов – все это стилевые черты, которые делают сказки Уайльда столь популярными у читателей и критиков.
[Стукалова О.В. Стилевые особенности сказок Оскара Уайльда**]**

There are very clear words of A. Ransome devoted to Oscar Wilde: "Wilde was discontented with life as it was commonly lived and had learnt to hope that it might be beautiful be being set among beautiful things" (Ransome, 1913: 62). This can be used as an epigraph to all nine fairy stories of the famous English writer of the end of the nineteenth century.

Also, excessiveness, is often called as the main trait of Wilde. This [excessiveness] concernes both his life and his works.

Being under deep impression of Reskine, Dikkens, Flaubert, Andersen "The closest influence is Andersen" (The fairy stories of Oscar Wilde / With an introduction by Naomi Lewi's. London, 1976: 11), and some other predecessors Wilde, meantime, had his own strong style manners.

Many of the specialists in Wilde's works note the decadent motifs (rapprochement Love and Death, aetheticism of Evil and Vice and, also, the lack of understanding or sympathy between the sensitive artistic soul and the unfeeling Philistine majority). The last

theme is a common theme in Wilde's works.

Picture of life in his texts is expressly conditional. Problems of style were more important for Wilde than plot and psycological portray of the characters.

The object of analysis in this manuscript is Wilde's fairy tales. We want to speak about it one else, at greater length.

At first, "Oscar Wilde loved to tell stories. <...> he had a genuis for storytelling <...> That Wilde was pleased with his tales, especially the fairy tales, is clear from his letters <...>" (Ericksen Donald, 1977: 53).

At second, many of the tales possess the ornate stylistic embellishments found the larger artistic works of Wilde (such as *Salome* or *The Picture of Dorian Grey*).

At third, the themes and subject matter of Wilde's stories are essentially the same as those of his other works.

The fourth argument is the fact of presence of the improbable principle in the whole of Wilde's works. In addition, two volumes of fairy tales constitute two of Wilde's significant achievements as a prose writer if enduring popularity is any creation. What style features were used in two collections of tales? After our analysis of nine tales we draw such conclusion:

* The tales were written in the rhythmical, highly ornamental prose. Wilde uses to sharply illuminate his scenes. The effect in some cases is a rich, sensuous prose-poetry.
* The tales are filled with the highly ornate passages. For example (from *"The Nightingale and the Rose"):*

"*The she gave one last burst of music. The wight moon heard it, and she forgot the dawn, and lingered in the sky. The red rose heard it, and it trembled all over with ecstasy, and opened its petals to the cold morning air. Echo bore it to her purple cavern in the hills, and woke the sleeping shepherds from their dreams. It floated through the reeds of the river, and the carried its messages to the sea".*

From our point of view, the very artificiality of Wilde's style and the distancing effect it creates is the source of a portion of Wilde's success with the fairy tales.

* Irony is one of the main elements of Wilde's artistic credo. For example, he no doubt admired the complexity created by

the ironic contrast between the student's undervaluation of the Nightingale's song and the Nightingale's overvaluation of the student's sincerity (from *"The Nightingale and the Rose").*

Next examples were taken from *"The Remarkable Rocket*"*:*

"I am made for public life," said the Rocket.<...>

"Ah! the higher things of life, how fine they are", said the Duck and that reminds me how hungry I feel" <...>

"She has a decidely middle-class mind"<...> and he [the Rocket] sank a little deeper still mud, and began to think about the lonelines of genuis <...> "

There is the ironic contrast in this piece of the tale. We mind the contrast between *"the higher things of life"* and "*a little deeper still mud",* where the Rocket *"began to think about"* its. In this context the name of this tale is full of irony.

Wilde often used the ironic contrast in the finales of the tales:

"*I am rather afraid that I have annoyed him", ansewered the Linnet. "The fact is that I told him a story with a moral".*

- Ah! that is always a very dangerous thing to do - said the Duck.

And I quite agree with her. ("Devoted Friend")

* The other main element of the Wilde's style is parody. This style feature is connected with stylisation.

Speech of *the Woodpecker* ("The Star Childe") is obvious parody. Wilde parodyized the *philosophical* treatises:

"- Well, for my own part - said the Woodpecker, who was a born philosopher.-I don't care an atomic theory for explanations. If a thing is so, it is so, and at present it is terribly cold".

We can see the different kinds of parody in the tales: Wilde parodyized the genre of literary fairy tale itself (of course, in the first place, the Andersen's tales, especially his manner - pretty poetic and imaginative flights; also the plots of its - for example, the plot of "The Fisherman and his Soul" is the smooth reflection of the plot of Andersen's "The Mermaid"); Wilde parodyized the different styles (example above); in conclusion, he parodyized the different social types:

- the Wolf from "The Star-Childe" is the collective character of the typical Philistine):

"Ugh - snarled the Wolf, as he limped through the

brushwood with his tail between his legs, - "this is perfectly monstrous weather. Why doesn't the Government look to do it!" <...>

"Nonsense", growled the Wolf, "I tell you that it is all the fault of the Government, and if you don't believe me I shall eat you". The Wolf had a thoroughly practical mind, and was never at a loss for a good argument".

- the student, "*who only knew the things that are written down in books" ("The Nightingale and the Rose")*is opposite to the Nightingale as a true Philistine to a true artist.

* Wilde creates an effect in the tales, partly by use of two levels of reality.

Let us analyse the tale "*The Birthday of the Infanta*":

one level consists of the Infanta's surface world of elegance, beauty, and laughter and the second consists of an underlying world of sorrow, cruelty and death.

With great skill, Wilde employs image after image to reinforce the reader's conscience of the often ironic contrast between these two levels.

* Wilde used not only the ironic contrast, we meet such type of contrast as antithesis. This style feature is especially important for the tale's plot.

For example, there is a contrast between Beauty and Ugliness in the plot of "*The Star-Child*":

the first picture of the Star-Child:

"<...> he was white and delicate as sown ivory, and his curls were like the rings of the daffodil".

(after he said to his mother, "<...> *rather would I kiss the adder or the toad than thee*", he looked into the well of water *"and lo!*

his face was the face of a toad, and his body was scalled like an adder".

* Such type of usage of the antithesis is connected with Wilde's criticism.

Wilde's deep concern with social issues is strikingly evident in such stories as *"The Happy Prince",* "*The Star-Child*" and *"The Birthday of the Infanta*".

In addition, Wilde is also attaking what he saw as the

tendency of the wealthy and privileges classes to justify their own indifference and selfishness by specious economic and moral rationalizations. The social conscience that Wilde was to reveal in such later works as *"The Soul of man under Socialism", "The Ballad of Reading Gaol"* is much in evidence in his fairy tales.

We show this feature by the tale *"The Happy Prince"*: the final of the story about the virtuous Prince, who wanted to help the poor people, is full of sorrow and bitter irony:

"*So they pulled down the statue of the Happy Prince.*

"As he is no longer beautiful he is no longer useful", said the Art Professor at the University.

Then they melted the statue in a furnace <...> "

The only thing could remind about the Happy prince: it was "*the broken lead heart."* But it was unusual Heart: it "*will not melt in the furnace"*. But the heart was thrown on "*a dust-heap where the dead Swallow was also lying"*.

May be, there is the only "silver lining" in this cruel story:

"*You have rightly chosen," said God, "for in my garden of Paradise this little bird shall sing for evermore, and in my city of gold the Happy Prince shall praise me"*.

May be... but, it seems to us, there is the Wilde's irony in these words. Is it merited recompence for the Prince?

* In many of Wilde's fairy tales the motifs of suffering and redemption through love appear as consistent threads "a varity of writers have remarked upon the fascination Wilde seemed to have had throughout his life for Christianity and especially the figure of Christ" (Ericksen Donald, 1977: 77).

This Christ motif permites the texture of "*The Selfish Giant"* most visibly. The little boy whom the Giant had helped into the tree long ago finally returns with the marks of crucifixion on his hands and feet and a message of love. The Christian motifs are obvious also in "*The Young King"*: such rich metals are often correlative to transcendence in Biblical literature, in this tale the King becomes illuminated by

"a marvellous and mystical light".

* Wilde had always striven to create an atmosphere of strange and exotic beauty.

- he integrates his rich detailes (especially in "*The Young*

King" - the Young King send his servants for):

"all rare and costly materials had certainly a great fascination for him <...> curious green turquoise which is found only in the tombs of kings, and is said to possess magical properties <...> silken carpets <...> stained ivory <...> sandal - wood and blue enamel <...>"

- he often uses the epithets connected with treasures (jewels, gold and silver and so on):

"my city of gold (The Happy Prince)";

"most brilliant descent in a shower of golden rain" ("The Remarkable Rocket");

"*an aureole of faded gold stood out stiffly round her pale little face" ("The Birthday of the Infanta")*;

"The dead staff blossomed and bare lilies that were whiter than pearls. The dry thorn blossomed, and bare roses that were redder than rubies.

Whiter than fine pearls were the lilies and their stems were of bright silver. Redder than male rubies were the roses and their leaves were of beaten gold" ("*The Young King");*

"<...> he was white and delicate as sown ivory, and his curls were like the rings of the daffodil" ("The Star-Child");

"gold dust on their wings" (*"The Birthday of the Infanta*");

"Fisherman and His Soul" possess the same lengthy catalogues of exotic jewels, precious metals."

The "precious" epithets are not only metaphor. For example, the Happy Prince was made off gold and jewels:

"*He was gilded all over with thin leaves of fine gold, for eyes he had two bright sapphires, and a large ruby glowed on his sword-hilt".*

"Gold", "sapphires" have a literal meaning in this description. But these words can possess a figurative sense too. So the description of the Prince is enriched by two meanings. The main idea of this tale is enriched too, of course. We can compare the first description of the Prince to the end of this tale: the Prince had the "*lead heart".* Lead is not a precious metal, but in that case it means true treasure:

" *This broken lead heart will not melt in the furnace".*

- Wilde is the wonderful painter, but his instruments are the Word and the Imagination.

This is the initial description of the Infanta’s garden, thou strikingly sensuous and ornate, foreshadows the sad end of this tale (*“The Birthday of Infanta*”):

“*The purple butterflies fluttered about with gold dust on their wings, visiting each flower in turn; the little lizards crept out of the crevices of the wall, and lay backing in the white glare; and the pomegranates split and cracked with the heat, and showed their bleeding red hearts”.*

The colouring the Wllde’s fairy tales is rich and polychromatic (especially in tales from the collection “The House of Pomegranates”: for example, the description of the meeting with the priests (*“Fisherman and His Soul”).*

Sometimes other colour has the important meaning for the characteristic of the tale’s personages:

”She was like a white rose before” said a young page to his neighbour.

“But she is like a red rose now” and the whole court was delighted.

For the next three days everybody went about saying, “White rose, Red rose, Red rose, White rose <...>“ (“The Remarkable Rocket”)

In that case “Red” and “White” are the context antonym. This episode maintains the psycological notes (the girl became “*Red Rose”* after the words of love), but Wilde did not describe inner feelings, he showed only outer display of her emotion.

* The Wilde’s style is close to the antique authors. He admired the subjects of the material culture as them (the description of the furniture in *the Young King’s* room).

* There is interesting usage of stylisation in the tale “The Fisherman and His Soul”:

“And in the first chamber I saw an idol seated on a throne of jasper bordered with great orient pearles;

And I said to the priest; is this the god? And he answered me, “This is the God”. <...> And I touched his hand, and it became withered <...>

And the priest besought me <...>“

The reiteration *“And”* creates an illusion of the scriptural style.

* One of the main style feature of the Wilde's tales is the constant usage of comparisons . He used:

- simple comparisons (to one subject):

"*His hair is dark as the hyacnth-blossom, and his lips are red as the rose of his desire; but passion has made his face like pale ivory, and sorrow has set her seal upon his brow". ("The Nightingale and the Rose);*

"<...> and the fish dart about like silver birds"

("The Fisherman and His Soul");

- comparisons to the whole complex of different feelings:

"<...> and a delicate flush of pink came into the leaves of the rose, like the flush in the face of the bridegroom when he kisses the lips of the bride". ("The Nightingale and the Rose)

The colour of the Rose is not only a tint of red, the Rose was coloured by the first love, the first tenderness, mixed with the first sexual feeling.

* Wilde created his images using the bright detailes:

"Two tiny slippers with big pink rossetes peeped out beneath her dress as she walked". ("The Birthday of the Infanta");

"*<...> she did so she throw into the air seven pink stars". ("The Remarkable Rocket").*

This style feature creates the particular elegance and the atmosphere of vivacity.

* The usage of prosopopoeia has some particulations.

Wilde made full use of certain names of places and persons and, perhaps, trusting to the capital letters to carry them through, frequently decorated his tales:

"He did not hate the Winter now, for he knew that it was merely the Spring asleep, and the flowers were resting". ("The Selfish Giant")

* Finally, the tales are full of the examples of maxims. As usual for the Wilde's style they are paradoxes:

"You will never be in the best society unless you can stand on your heads" <...> ("Devoted Friend");

"The love is vile", cried the Priest, knitting his brows,"and the vile and evil are the pagan things God suffers to wander through His world". ("The Fisherman and His Soul")

There is no doubt the last maxim is a parody. It is a bright

example of the Wilde’s irony.

REFERENCES

Arnold I.V. 1990. Contemporary English style. Moscow. Prosveshchenie. 300 p.
Arnold I.V., Yakovleva N.Ya. 1967. Analytical reading (English prose of 18-20 centuries). Leningrad. Prosveshchenie: 199-210 (Oscar Wilde).
Encyclopaedia Britannica. Vol. 12: 683; Vol. 15: 328; l. 21: 488-489.
Ericksen Donald H. Oscar Wilde. Boston: Twayne Publishers, 1977. 175 p.
Galperin I.R. 1958. English language style. Moscow. [Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh]. 459 p.
Literary encyclopaedic dictionary. Moscow. [Sovetskaya Entsiklopediya]: 132, 259, 418, 419.
Problems of lingustic style. [Sbornik]. Moscow, 1969. 175 p.
Ransome A. 1913. Oscar Wilde. A critical study. London, 1913. 236 p.
The fairy stories of Oscar Wilde / With an introduction by Naomi Lewi’s. London, 1976: 11.
The Oxford English dictionary. Vol. II; 710; Vol. VI: 254, 398; Vol. VIII: 1493.

Получена / Received: 09.10.2012
Принята / Accepted: 16.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 900-943

Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. VI.

M.L. Danilevsky

A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prospect 33, Moscow 119071 Russia
e-mail: danilevskyml@rambler.ru, danilevsky@cerambycidae.net

Key words: Cerambycidae, taxonomy, Palaearctic Region, new taxa, new combinations, new records.

Abstract: Misprints, wrong combinations, wrong geographical records, wrong references, wrong status of certain names, wrong synonyms, wrong authorships and dates of certain names, wrong original combinations, wrong spellings of several names and so on are fixed. Sometimes unavailable names were published as available. Missing names, geographical data and references are added. *Distenia japonica* Bates, 1873 is accepted as an island species. *Lobarthron balassogloi brevispinum* (Jakovlev, 1885a) is accepted as a north subspecies distributed in Uzbekistan, Kirgizia and Kazakhstan. *Dinoptera concolor* Heyden & Faust, 1888 is accepted as a species from Black See Coast of Abkhazia and Turkey. *Anoplodera rufipes astrabadensis* Pic, 1900s is accepted for North Iran and Talysh area of Azerbaijan; *A. r. ventralis* Heyden, 1886a is accepted for Russia, Kazakhstan, Caucasus and Turkey. *A. r. krueperi* (Ganglbauer, 1882) is supposed to be valid for Greece. *Stictoleptura rufa excelsa* (A. Costa, 1863) is accepted for Italy. *S. r. nigropicta* (Fairmaire, 1866b) – for West Anatolia; *S. r. attaliensis* (K. Daniel & J. Daniel, 1891) – for South Turkey; *S. r. dimidiata* (K. Daniel & J. Daniel, 1891) – for most part of Anatolia and Iraq; *S. r. rubromarginata* (Plavilstshikov, 1932) – for Iran; *S. r. realis* **ssp. n.** is described from Caucasus with Transcaucasia and neighbor regions of Turkey. *Japanocorus* **gen. nov.** (type species *Toxotus caeruleipennis* Bates, 1873) is described. *Stenocorus validicornis mediocris* **ssp. n.** is described from Uzbekistan, Kirgizia and Kazakhstan and *S. v. karatauensis* **ssp. n.** is described from South Kazakhstan. *Cortodera differens magdae* **ssp. n.** is described from Bulgaria. *Alosterna tabacicolor tenebris* **ssp. n.** from Ussuri Land of Russia, Korea and NE China and *A. t. sachalinensis* **ssp. n.** from North Sakhalin are described. *S. scutellata miroshnikovi,* **ssp. n.** is described from Talysh area of Azerbaijan and North Iran. *Semiangusta ambrusi* **sp. n.** is described from Esfahan (Iran). *Tetrops gilvipes niger* Kraatz, 1859 is accepted for Italy and France, as well as *T. praeustus angorensis* Pic, 1918d and *T. p. anatolicus* Özdikmen & Turgut, 2008e for Turkey. *T. starkii aquilus* **ssp. n.** is described from Russian north-west Caucasus. *Drymochares cavazzutii* Sama & Rapuzzi, 1993 is accepted as a species from Georgia, Armenia and Turkey with a western subspecies *Drymochares cavazzutii ivani* Sama & Rapuzzi, 1993. New synyms are proposed: *Grammoptera ingrica* var. *diversipes* Pic, 1929b = *Alosterna perpera* Danilevsky, 1988c, **syn. nov.**, so the valid name of the species is: *Alosterna diversipes* (Pic, 1929b).

M.L. Danilevsky

Sixth part of additions and corrections to the Cerambycidae Catalogue (Löbl & A. Smetana, 2010) continues five parts published before (Danilevsky, 2010, 2011, 2012a, 2012b, 2012c). Next parts are being prepared now for publication. All parts include more than 1000 corrections, which are all shown in http://www.cerambycidae.net/catalog.html together with acceptable corrections published by A. I. Miroshnikov (2011a, 2011b, 2011c, 2011d), I. Löbl & A. Smetana (2011), D.G. Kasatkin & A. I. Miroshnikov (2011), H. Özdikmen (2011). The WEB information is updated each two months.

The references to the present article include only the publications absent in the references to the Catalogue (Löbl & A. Smetana, 2010). The references inside the text of the present article to the publications included in the references to the Catalogue have same letters after the number of the year as in the Catalogue.

Abbreviations of collections:
AM – collection of Alexander Miroshnikov (Krasnodar)
MD – author's collection (Moscow)
MK – collection of Mark Kalashian (Erevan)
ZIN – Zoological Institute (Sankt-Petersburg)
ZMM – Zoological Museum of Moscow University

1. page 85
MISSING TAXON (Disteniini):
genus *Clytomelegena* Pic, 1928: 11 type species *Clytomelegena postaurata* Pic, 1928

Noeconia Murzin, 1988: 161 type-species *Noeconia kabakovi* Murzin, 1988

kabakovi Murzin, 1988: 162 (*Noeconia*) **A**: GUA **ORR**
NOTE:
See: Lin & Murzin, 2012.

2. page 85
PRINTED:
gracilis gracilis Blessig, 1872: 168 (*Apheles*) **A**: ANH FE HEI HUB JA JIL JIX LIA NC SC ZHE

japonica Bates, 1873: 155

gracilis yakushimana Yokoyama, 1966: 54 **A**: JA (Yaku-shima)

MUST BE:
gracilis Blessig, 1872: 168 (*Apheles*) **A**: ANH FE HEI HUB JIL JIX LIA NC SC ZHE
japonica japonica Bates, 1873: 155 **A**: FE JA
japonica yakushimana Yokoyama, 1966: 54 **A**: JA (Yaku-shima)
NOTE:

Distenia gracilis Blessig, 1872 (mainland and Sakhalin) and *Distenia japonica* Bates, 1873 (islands) are different vicariant species, very easy distinguished by narrow scapus in *D. japonica. D. gracilis* develops underground on healthy roots of living *Chosenia* (personal observation in Kedrovaya Pad) and on *Alnus*, but *D. japonica* lives under old dead bark of many different trees (personal observation on South Sakhalin and Kunashir), often together with *Eutetrapha*.

3. page 92

PRINTED:
angustatus Jakovlev, 1887c: 327 (*Prionus*) **A**: AF IN KI KZ TD TR UZ
MUST BE:
angustatus Jakovlev, 1887c: 327 (*Prionus*) **A**: AF IN KI KZ TD TM UZ
NOTE:

Mesoprionus angustatus definitely absent in Turkey.

4. page 92

PRINTED:
genus *Lobarthron* Semenov, 1900b: 333 type species *Prionus balassogloi* Jakovlev, 1885
balassogloi Jakovlev, 1885a: 91 (*Prionus*) **A**: KI KZ UZ
breve Semenov, 1888: 157 (*Prionus*)
brevispinum Jakovlev, 1885a: 92 (*Prionus*)
nadari Fairmaire, 1892a: cxxiv (*Prionus*)
MUST BE:
genus *Lobarthron* Semenov, 1900b: 333 type species *Prionus balassogloi* Jakovlev, 1885
balassogloi balassogloi Jakovlev, 1885a: 91 (*Prionus*) **A**: UZ
breve Semenov, 1888: 157 (*Prionus*)
nadari Fairmaire, 1892a: cxxiv (*Prionus*)

balassogloi brevispinum Jakovlev, 1885a: 92 (*Prionus*) **A**: KI KZ UZ

NOTES:

Prionus balassogloi Jakovlev, 1885a was described from "Turkestan: station Ouralskaya" (Uzbekistan, about 55km southwards Tashkent, now Akhangaran environs). The nominative subspecies includes all population from Chimgan Mt. and Chatkal Ridge. It is characterized by very long and narrow antennal lamellae and relatively dense and rough pronotal punctation.

Prionus brevispinus Jakovlev, 1885a was described from "Tourkestan: Koumssane" (Uzbekistan, west of Ugam Ridge, Khumsan, 41°40'N, 69°57'E). *L. balassogloi brevispinum* is characterized by wide and short elytral lamellae, that makes antennae rather thick; pronotum with large smooth areas. I also know such specimens from the west part of Pskem Ridge near Sidzhak, where several males were collected by Oleg Legezin (8.8.1999). Similar forms must be distributed in Besh-Aral Natural Reserve in Kirgizia and in Karzhantau Ridge in Kazakhstan. See a male from S Kazakhstan, Karatash env., Kemir-bas-tau [41°55'N, 69°39'E] in: http://www.cerambycidae.cz/beetlespages/Lobarthr%20balassogloi%20brevispinus.htm

5. page 96

PRINTED:

genus *Alosterna* Mulsant, 1863: 576 type species *Leptura tabacicolor* DeGeer, 1775

Allosterna Plavilstshikov, 1936: 302 [unjustified emendation]

anatolica Adlbauer, 1992: 490 **A**: TR

chalybeella Bates, 1884: 216 (*Grammoptera*) **A**: FE JA SC

debilis Tamanuki, 1933: 73 (*Allosterna*)

japonica Pic, 1935d: 11 (*Grammoptera*)

ingrica Baeckmann, 1902: 280 (*Grammoptera*) **E**: BY CT EN LA LT NT PL ST UK WS

pauli Pesarini, Rapuzzi & Sabbadini, 2004: 158 **E**: GR

perpera Danilevsky, 1988c: 367 **A**: FE HEI JIL NC

scapularis Heyden, 1878: 325 (*Strangalia*) **E**: AB **A**: IN TM TR

talyschensis Reitter, 1885: 391

tabacicolor erythropus Gebler, 1841b: 612 (*Leptura*) **A**: ES FE JA KZ MG NT WS

bivittis Motschulsky, 1860b: 146 (*Grammoptera*)
diversipes Pic, 1929b: 9 (*Grammoptera*)
fusca Matsushita, 1930: 24
plavilstshikovi Podaný, 1963b: 49
testacea Motschulsky, 1860b: 146 (*Grammoptera*)

MUST BE:

genus *Alosterna* Mulsant, 1863: 576 type species *Leptura tabacicolor* DeGeer, 1775
Allosterna Stierlin, 1898: 479 [unjustified emendation]
anatolica Adlbauer, 1992: 490 **A**: TR
chalybeella Bates, 1884: 216 (*Grammoptera*) **A**: FE JA SC
japonica Pic, 1935d: 11 (*Grammoptera*)
diversipes Pic, 1929b: 9 (*Grammoptera*) ["Sibérie"] **A**: FE HEI JIL NC
perpera Danilevsky, 1988c: 367
ingrica Baeckmann, 1902: 280 (*Grammoptera*) **E**: BY CT EN LA LT NT PL ST UK WS
pauli Pesarini, Rapuzzi & Sabbadini, 2004: 158 **E**: GR
scapularis 1879: 325 [1879: 69] (*Strangalia*) **E**: AB **A**: IN TM TR
talyschensis Reitter, 1885: 391
tabacicolor erythropus Gebler, 1841b: 612 (*Leptura*) ["in montibus Kusnezk"] **A**: ES FE JA KZ MG NE WS
bivittis Motschulsky, 1860b: 146 (*Grammoptera*) ["Elle habite la Daourie et les bords du fl. Amour, et aussi les Alpes de l'Arménie."]
plavilstshikovi Podaný, 1963b: 49 ["Tuva"]
testacea Motschulsky, 1860b: 146 (*Grammoptera*) ["Daourie"]
tabacicolor sachalinensis **ssp. n.** **A**: FE
tabacicolor tenebris **ssp. n.** **A**: FE NC NE SC

NOTES:

The holotype (see "Gallery" in www.cerambycidae.net) of *Grammoptera ingrica* var. *diversipes* Pic, 1929b ["Sibérie"] with the label "Sibérie / Valdivostok" belongs to a species later described as *Alosterna perpera* Danilevsky, 1988c, so *G. i.* var. *diversipes* Pic, 1929b = *A. perpera* Danilevsky, 1988c, **syn. nov.**

Populations of *Alosterna tabacicolor* (DeGeer, 1775) from the Far East of continental Asia (Ussuriland, Korean Peninsula and North-East China) are described here as a new subspecies *A. t. tenebris* **ssp. n.** (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). It is characterized by always dark, black or dark-brown elytra, much

darker than the usual specimens of *A. tabacicolor erythropus* (Gebler) distributed from Altay to South Sakhalin, Kuriles and Japan); legs usually more or less light with distally dark hind femora and tibiae, often middle and hind legs are totally dark-brown; first antennal joint often a little lighter than others; last abdominal segment usually reddish, or dark-brown, or sometimes black as other segments; specimens from Manchuria (Kharbin environs) usually darker than from Russian Ussuriland; specimens from South Korea are the darkest, with always black elytra, antennae and abdomen; sometimes all legs are totally dark; length of available males: 6.1-7.2mm, width: 1.6-1.8mm; length of available females: 6.8-8.1, width: 1.9-2.1mm. **Materials:** holotype, male with the label: Primorsky Region, Kamenushka [43°37'N, 132°14'E], 2.6.1960, K.Stepanov – MD; 23 paratypes; 1 male, Russia, Tigrovaya Station of Ussury Railway – ZMM; 1 female, Nikolsk-Ussuriyskiy, 5.6.1899, G.Suvorov – ZMM; 1 female, Ussuri, Sviyagino, 12.6.1899, G.Suvorov – ZMM; 1 female, Ussuri, Ossinovka, 17.7.1917, P.Elsky – ZMM; 1 male and 1 female, Siberia or., Sichote Alin mer., Romanovka, 12.6.1930 and 10.6.1930 – ZMM; 1 male, East Siberia, middle of Bikin River, 7.1948, from A. Kurentzov – ZMM; 1 female, South of Primorsky Reg., Petrovka, Pidan Mt., 20.6.1962, A.Rasnitzyn & V.Sulimov leg. – ZMM; 1 female, Primorsky Reg., Kavalerovo Distr., Bazovyi pass, 19.6.1972, A.Ponomarenko leg. – ZMM; 1 female, Primorsky Reg., Tetyukhe Distr., Bazovyi pass, 19.6.1972, A.Ponomarenko leg. – ZMM; 1 female, Primorsky Reg., Kavalerovo env., 12.7.1972, A.Ponomarenko leg. – ZMM; 1 female, China, Mantshzhuria, circ. Charbin, Gaolinzsy, 8.7.1939, V.Alin – ZMM; 3 males and 2 females, China, Mantshzhuria, Charbin, 6.1940, V.Alin – ZMM; 1 male and 5 females, South Korea, Mt. Jiri, Samsinbong, 17.6.1994, T.Ueno leg. - MD.

A. t. tenebris **ssp. n.** is distributed in Primorsky Region of Russia (Ussuriland), Korean Peninsula and North-East China. The taxon does not penetrate to Khabarovsk Region of Russia, neither to Far East islands.

Population of *Alosterna tabacicolor* from the north of Sakhalin Island is described here as a new subspecies *A. t. sakhalinensis* **ssp. n.** (see "Gallery" in www.cerambycidae.net).

Females only are available. The new subspecies is characterized by always black elytra, much darker than in the continental *A. t. tenebris* **ssp. n.**; 1st antennal joined is usually totally black, but sometimes slightly lightened as well as last abdominal segment; legs from totally black, to partly red with red anterior legs and reddish bases of middle and hind femora (never with contrast red anterior legs and contrast black middle and posterior legs as in *A. perpera* Danilevsky, 1988); length of females: 7.0-7.5mm, width: 1.8-2.1mm. Materials: holotype, female with the label: Russia, Sakhalin Is., 45km SE Tymovsk, 50°39'N, 143°13'E, 19.7.2010, A.Zubov leg. - MD; 4 paratypes, females with same label - MD.

A. t. sakhalinensis **ssp. n.** must be distributed all over north part of Sakhalin, though now only one population is known. South Sakhalin (Yuzhno-Sakhalinsk env.) is occupied by *A. t. erythropus,* which is very close to populations from Khabarovsk Region of Russia, South Kuriles and Japan.

6. page 98

PRINTED:

rufipes rufipes Schaller, 1783: 296 (*Leptura*) **E**: AB AR AU BH BU BY CR CT CZ EN FR GE GB GG GR HU IT LA LT MD NT PL RO SK SL SP ST SV SZ YU UK **A**: ES IN KZ

astrabadensis Pic, 1900s: 82
atra Paykull, 1800: 125 (*Leptura*)
fuscipes Mulsant, 1839: 287
krueperi Ganglbauer, 1882: 707 (*Leptura*)
medea Pic, 1909b: 99 (*Leptura*)
rufiventris Tournier, 1872: 348 (*Leptura*)
ventralis Heyden, 1886a: 85
villosa Schoenherr, 1817a: 486 (*Leptura*)

MUST BE:

rufipes astrabadensis Pic, 1900s: 82 **E**: AB **A**: IN
rufipes krueperi Ganglbauer, 1882: 707 (*Leptura*) **E**: GR
rufipes izzilloi Sama, 1999a: 45 **E**: IT (Basilicata)
rufipes lucidipes Sama, 1999a: 46 **A**: TR
rufipes rufipes Schaller, 1783: 296 (*Leptura*) **[HN]** **E**: AU BH BU BY CR CZ EN FR GE GB GR HU IT LA LT MD ?NT PL RO SK SL SP SV SZ YU UK

atra Fabricius, 1775: 197 (*Leptura*) [NO]
fuscipes Mulsant, 1839: 287

villosa Schoenherr, 1817a: 486 (*Leptura*) [HN]

rufipes ventralis Heyden, 1886a: 85 [RN] **E**: AB AR BY CT GG ST UK **A**: ES KZ **TR**

medea Pic, 1909b: 99 (*Leptura*)

rufiventris Tournier, 1872: 348 (*Leptura*) [HN]

NOTES:

Anoplodera rufipes astrabadensis Pic, 1900s differs by very short and wide body; elytra in males about only 2.3 times longer than wide (see “Gallery” in www.cerambycidae.net). Both females available from Talysh (Azerbaijan) have about totally red abdomen.

Anoplodera rufipes ventralis Heyden, 1886a (a replacement name for *Leptura rufiventris* Tournier, 1872 described from Georgia) is characterized by body distinctly shorter than in the nominative subspecies, but longer than in *A. r. astrabadensis* Pic. Elytra in males usually about 2.4 times longer than wide (see “Gallery” in www.cerambycidae.net). Specimens from Caucasus and from Russia have about same shape of body.

Anoplodera rufipes krueperi (Ganglbauer, 1882) (described from Greece) is most probably valid as Greek subspecies. It was regarded by Oertzen (1886: 281) as anoter species: “*Leptura krueperi* Ganglb.”

Leptura atra, Paykull, 1800 was not a new name, but using of *Leptura atra,* Fabricius, 1793: 342, which was same as *Leptura atra* Fabricius, 1775. The name *Leptura atra* Fabricius, 1775 was accepted by Sama (page 55 in the present Catalogue) as the senior synonym of *Leptura ruficornis* Fabricius, 1781. The name was published by Fabricius (1793) once more with same diagnosis and with same reference to Geoffroy (1762: 228 - 10), where the species was not named. Same name *Leptura atra,* Fabricius, 1775 was used by Paykull (1800) for the taxon known now as *Anoplodera rufipes*. Paykull (1800) was not an author of that name, which was published in the present Catalogue (Sama & Löbl, 2010: 98) as junior homonym. He just used the name by Fabricius. *Leptura atra,* Paykull, 1800 was accepted by Gyllenhal (1827: 27) as a synonym of *Leptura rufipes*. *Leptura atra* was traditionally wrongly attributed to Paykul (1800) and was always accepted (Aurivillius, 1912; Winkler, 1929 and others) as a synonym of *Leptura rufipes* Schaller, 1783. Most probably the identification by Paykull (1800) was correct, and

Leptura atra Fabricius, 1775 is really a synonym of *Leptura rufipes* Schaller, 1783. Two colour forms were originally described in *Leptura atra* Fabricius, 1775 (and 1793), as well as by Geoffroy (1762): with red legs and with black legs, while *Grammoptera ruficornis* (Fabricius, 1781) with all legs black hardly occurs in West Europe.

7. page 99

PRINTED:

Dochturovia Jankowski, 1934: 109 [unjustified emendation]
Dokhturovia Plavilstshikov, 1936: 403 [unjustified emendation]

MUST BE:

Dochturovia Jakobson, 1924c: 238 [unjustified emendation]
Dokhturovia Semenov, 1926: 48 [unjustified emendation]

8. page 101

PRINTED:

ruficornis flavipes Pic, 1892**j**: 139 **E**: IT (Sicilia)
ruficornis obscuricornis Kraatz, 1886: 234 **E**: AB (Kavkaz) **A**: IN
ruficornis ruficornis Fabricius, 1781: 247 (*Leptura*) [NP] **E**: AL AU BE BH BU BY CR CZ DE EN FR GB GE GR HU IR IT LA LS LT MC MD NL NR PL PT RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: TR

atra Fabricius, 1775: 197 (*Leptura*) [NO]
clavipes Geoffroy, 1785: 87 (*Stenocorus*)
laevis Herbst, 1784: 103 (*Leptura*)
pallipes Stephens, 1831: 264 (*Leptura*)
parisina Thunberg, 1784: 16 (*Leptura*)
pumila Schaller, 1783: 299 (*Leptura*)
rufipes Goeze, 1777: 501 (*Leptura*) [NO]

MUST BE:

ruficornis flavipes Pic, 1892**i**: 139 **E**: IT (Sicilia)
ruficornis obscuricornis Kraatz, 1886: 234 **E**: AB (Talysh) **A**: IN
ruficornis ruficornis Fabricius, 1781: 247 (*Leptura*) [NP] **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GR HU IR IT LA LS LT MC MD NL NR PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: TR

clavipes Geoffroy, 1785: 87 (*Stenocorus*)
holomelina Donisthorpe, 1905: 182
laevis Herbst, 1784: 103 (*Leptura*)
pallipes Stephens, 1831: 264 (*Leptura*)
parisina Thunberg, 1784: 16 (*Leptura*)

pumila Schaller, 1783: 299 (*Leptura*)
rufipes Goeze, 1777: 501 (*Leptura*) [NO]

NOTES:

The record for European Turkey see Özdikmen (2007), for Kaliningrad Region of Russia - Alekseev (2007).

The name *Grammoptera ruficornis* ab. *holomelina* Pool, 1905 described from Great Britain is unavailable, though it was often used as valid. It was made available by H. Donisthorpe (1905) in same volume of same Journal, according to the Article 12.2 of ICZN, so such "indication" in the sense of that Article made Donisthorpe (1905) the author of the name.

Totally black forms of *G. ruficornis* (with all legs also black) are not known from any other parts of the species area (neither in *G.r.obscuricornis* Kraatz, 1886 from Talysh and Iran). So, the problem with the validity of *Grammoptera ruficornis holomelina* Donisthorpe, 1905 rests open.

See the note to the page 98 on *Anoplodera rufipes rufipes* Schaller, 1783 with the real position of *Leptura atra* Fabricius, 1775.

9. page 103

PRINTED:

piligera Holzschuh, 2003a: 162 **A**: SHA

MUST BE:

piligera Holzschuh, 2003a: 162 **A**: SCH SHA

NOTES:

According to the original description, both paratypes were collected in North Sichuan.

10. page 103

PRINTED:

genus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827

subgenus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827

extensa extensa Gebler, 1841b: 613 (*Leptura*) **E**: FI NT **A**: ES FE JA MG SC WS

extensa umbratilis Shimomura & Toyoshima, 1988: 130 **A**: FE JA

extensa yuzawai Shimomura & Toyoshima, 1988: 128 **A**: JA

sanguinosa Gyllenhal, 1827: 21 (*Leptura*) **E**: AU BY CT CZ EN FI GE NR NT PL RO SK SV UK **A**: ES FE GAN HEB HEI HEN JA

JIL KZ LIA MG NC NMO WS

kratteri Hampe, 1852a: 67 (*Leptura*)
rubripennis Matsumura, 1911a: 139 (*Leptura*)
sacheri Wolfner, 1852: 93 (*Grammoptera*)

subgenus *Nivelliamorpha* Boppe, 1921: 86 type species *Leptura inequalithorax* Pic, 1902

inequalithorax Pic, 1902i: 28 (*Leptura*) **A**: HEB SHA

rufobasalis Pic, 1939b: 2 (*Leptura*)

MUST BE:

genus *Nivellia* Mulsant, 1863: 564 type species *Leptura sanguinosa* Gyllenhal, 1827

extensa extensa Gebler, 1841b: 613 (*Leptura*) **E**: FI NT **A**: ES FE JA MG SC WS

extensa umbratilis Shimomura & Toyoshima, 1988: 130 **A**: FE JA

extensa yuzawai Shimomura & Toyoshima, 1988: 128 **A**: JA

sanguinosa Gyllenhal, 1827: 21 (*Leptura*) **E**: AU BY CT CZ EN FI GE NR NT PL RO SK SV UK **A**: ES FE GAN HEB HEI HEN JA JIL KZ LIA MG NC NMO WS

kratteri Hampe, 1852a: 67 (*Leptura*)
rubripennis Matsumura, 1911a: 139 (*Leptura*)
sacheri Wolfner, 1852: 93 (*Grammoptera*)

genus *Nivelliomorpha* Boppe, 1921: 86 type species *Leptura inequalithorax* Pic, 1902

inequalithorax Pic, 1902i: 28 (*Leptura*) **A**: HEB LIA NIN NMO SHA SHX

rufobasalis Pic, 1939b: 2 (*Leptura*)

NOTES:

It was just a mistake. Genus *Nivelliamorpha* Boppe, 1921 has no connection with *Nivellia* Mulsant, 1863 because of wide and short body, totally different pronotal structure. It was published as a separate genus long ago (Hayashi & Villiers, 1987).

The new geographical records were published by Ohbayashi & Lin (2012) and by Wang et al. (2012: 276-277 - Liaoning prov. as *Leptura thoracica*).

11. page 108

PRINTED:

cerambyciformis Schrank, 1781a: 154 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA

LS LT LU MC MD NL NT PL PT RO SK SL SP ST SZ UK YU
MUST BE:
cerambyciformis Schrank, 1781a: 154 (*Leptura*) **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD ME NL NT PL PT RO SB SK SL SP ST SZ UK YU
NOTE:

Pachytodes cerambycifarmis was recorded for Serbia and Montenegro (Bense, 1995), Serbia (Althoff & Danilevsky, 1997; Ćurčić et al., 2003).

12. page 107-108
PRINTED:
genus *Oedecnema* Dejean, 1835: 355 type species *Leptura dubia* Fabricius, 1781 (= *Oedecnema gebleri* Ganglbauer, 1889)
gebleri Ganglbauer, 1889c: 470 [RN] **E**: CT NT UK **A**: ES FE FUJ HEB HEI JA JIL KZ MG NC NMO SC WS XIN

decemmaculata Matsumura, 1911a: 136 (*Leptura*)
dubia Fabricius, 1781: 249 (*Leptura*) [HN]
shirarakensis Matsumura, 1911a: 137 (*Leptura*)

MUST BE:
genus *Oedecnema* Dejean, 1835: 355 type species *Leptura dubia* Fabricius, 1781 (= *Oedecnema gebleri* Ganglbauer, 1889)
gebleri Ganglbauer, 1889c: 470 [RN] **E**: CT NT UK **A**: ES FE FUJ HEB HEI JA JIL KZ MG NC NMO SC WS XIN

decemmaculata Matsumura, 1911a: 136 (*Leptura*)
dubia Fabricius, 1781: 249 (*Leptura*) [HN]

NOTE:

The name "*shirarakensis* Matsumura, 1911a: 137 (*Leptura*)" was already adequately shown in the Catalog (p. 102) among synonyms of *Judolia parallelopipeda* (Motschulsky, 1860b).

13. page 111
PRINTED:

erynnis K. Daniel, 1904b: 356 (*Leptura*)

MUST BE:

erinnys K. Daniel, 1904b: 356 (*Leptura*)

14. page 115
PRINTED:
samai Rapuzzi, 1995: 618 **E**: BU GR TR

MUST BE:
melanura samai Rapuzzi, 1995: 617 **E**: BU GR TR **A**: TR
15. page 115
PRINTED:
rufa dimidiata K. Daniel & J. Daniel, 1891: 11 (*Leptura*) **A**: IN IQ TR
attaliensis K. Daniel & J. Daniel, 1891: 11 (*Leptura*)
rufa rufa Brullé, 1832: 263 (*Leptura*) **E**: AB AL AR BH BU CR GG GR IT MC RO ST YU **A**: TR
excelsa A. Costa, 1863: 24 (*Leptura*)
gevneensis Özdikmen & Turgut, 2008b: 549
nigropicta Fairmaire, 1866b: 278 (*Leptura*)
MUST BE:
rufa attaliensis K. Daniel & J. Daniel, 1891: 11 (*Leptura*) [«Adalia» (Antalya)] **A**: TR
gevneensis Özdikmen & Turgut, 2008b: 549 ["S Turkey, Antalya province: Alanya, Gevne valley"]
rufa dimidiata K. Daniel & J. Daniel, 1891: 11 (*Leptura*) ["Armenien"] **A**: IQ TR
rufa excelsa A. Costa, 1863: 24 (*Leptura*) ["Calabria"] **E**: IT
rufa nigropicta Fairmaire, 1866b: 278 (*Leptura*) ["Autour du village de Bosz-Dagh"] **A**: TR
rufa realis **ssp. n. E**: AB AR GG ST **A**: TR
rufa rubromarginata Plavilstshikov, 1932: 174 [«Nordpersien»] **A**: IN
rufa rufa Brullé, 1832: 263 (*Leptura*) [«Morée»] **E**: AL BH BU CR GR MC RO YU
NOTES:

Leptura rufa f. *rubromarginata* Plavilstshikov, 1932: 174 – «Nordpersien» [«*rubromarginaia*» -wrong original spelling - "lapsus calami" – Article 32.5.1. - must be corrected to *rubromarginata*]

Most probably about all synonyms are valid: *Stictoleptura r. rufa* (Brullé, 1832) for Balkans and allied territories (elytral apices in males without or with very small black area, in females black area much smaller, than in specimens from Caucasus; see http://www.cerambyx.uochb.cz/sleptura_rufarufa.htm – several specimens are available), *S. r. excelsa* (Costa, 1863) for Italy, *S. r. nigropicta* (Fairmaire, 1866) for West Turkey (male often without

black elytral apices – see http://www.flickr.com/photos/coleoptera-us/3823855382/), *S. r. attaliensis* (K. Daniel & J. Daniel, 1891) for South Turkey (posterior black elytral area in females smaller, than in Transcaucasian specimens, elytral punctation considerably rougher – see http://www.biolib.cz/en/taxonimage/id132128/ and http://www.biolib.cz/en/image/id132127/, *S. r. dimidiata* (K. Daniel & J. Daniel, 1891) for dark populations (see "Gallery" in www.cerambycidae.net – male easily differs from sympatric similar *S. tripartita* by sparse pronotal punctation) of East Turkey and West Iran (according to the original descriptions black area occupies from elytral half to two elytral thirds, that is impossible in Transcaucasia – the type locality is the West or Turkish Armenia) and *S. r. rubromarginata* (Plavilstshikov, 1932) for Iran (often females totally black with mostly black abdomen).

The populations from Caucasus and Transcaucasia represent a new subspecies: *Stictoleptura rufa realis* **ssp. n.** (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). It is characterized by stable elytral design in males and females with moderate development of black areas of about one apical third and moderately large or small black elytral spots in females, which are indistinct in males or hardly visible; hind male tibiae curved; length in males: 11-15mm, width: 3.3-4.4; length in females: 13-17.5mm; width: 4.0-5.8mm. Materials: male, holotype, Armenia, Khosrov natural reserve, 25.7.1991, M.Kalashyan leg. – MD; 59 paratypes; 7 males and 7 females from about same locality, 24-27.06.1988, 20-24.7.1991, 5.7.1983, 4.7.3008, 30.6.2001, 13-15.07. 2003, 25.6.2004, 7-8.07.2004, 3.7.2010, M.Kalashyan & M.Danilevsky leg. – MD, AM, MK; 2 males from about same locality, 8.07.1961, S. Mirzoyan leg. - AM; 1 female, Megri environs, 1.7.1986, O.Gorbunov leg. - MD; 1 female from about same locality, 30.6.2003, M.Danilevsky leg. – MD; 1 female from about same locality, 5-6.06.1955, A. Zagulyaev - AM; 1 male, Armenia, Kafan Distr., Shikahoh env., 13.7.1982, M.Danilevsky leg. – MD; 1 female from about same locality, 20.7.2009, Kalashian leg. – MK; 1 male, Armenia, Megri-Aygedzor, 19.6.1987, S. Arakelyan leg. – MK; 1 male, Armenia, Azizbekov, 2.7.1988, L. Sogomonyan leg. – MK; 1 male, Armenia, Megri-Nyuvadi, 1.6.1989, M. Kalashian leg. – MK; 1 female, Armenia, about 6km N Shvanidzor, 38˚59.05'N, 046˚22.45'E, 1320m, 8.7.2006

– MK; 2 males and 1 female, Armenia, 5.7 km N of Shvanidzor (near Gyumorants, forest), 38˚59.048'N, 46˚22.446'E, 1314m, 29.6.2008, M. Kalashian leg. – MK; 1 female, Armenia, Noravank Valley, 2.8 km SE of Areni, 39˚42'36.9"N, 45˚12'25.7"E, 1155 m, 22.06.2008, M. Kalashian leg. – MK; 1 male, Armenia, Noravank Valley, 39˚41'24"N, 45˚13'12"E, 1326 m, 8.7.2011, M. Kalashian leg. – MK; 1 female, Armenia, 2.8 km NW of Meghri, 38˚55.045'N, 46˚13.261'E, 800m, 25-26.6.2008, M. Kalashian leg. – MK; 1 male, Armenia, about 6 km E Vayk, 39˚41.81'N, 45˚33.62'E, 1350 m, 25.6.2010, M. Kalashian leg. – MK; 1 female, Armenia, between Chakaten and Kafan, 850 m, 39˚10'34"N, 46˚26'30"E, 8.7.2010, M. Kalashian leg. – MK; 1 male, Armenia, N Vanand, 39.44090˚N 46.39380˚E, 880 m, 19.6.2012, M. Kalashian leg. – MK; 4 males and 4 females with the label: Armenia, prov. Megry, prope Liškvas, 20.VII.1929, A.Schelk – ZMM; 2 males, same locality, 10.7.1911, Satunin – ZMM; 1 male, Lyok above Megri, 2.7.1925, Atadzhyanyan – ZMM; 2 males and 2 females, Megri, 11.6 and 12, 14.5.1925, Ryabov – ZMM; 2 males, Armenia, Megri, 31.5.1957, L.Zimina – ZMM; 1 male with the label: Dag Mülk, distr. Zangezur, 13.7.1911 – ZMM; 1 male with the label: Erivansk g., [not readable], Maljushenco – ZMM; 1 male, Armenia, SW slope of Gegham Mt. Khosrov Reserve, 1500-1900 m, 14-15.07.2003, A.G. Koval leg. - AM; 1 male with the label: gub. Tiflis, vall. fl. Ancal-or [?] – ZMM; 1 female, Azerbaijan, Zakataly Nat. Res., 1000-1200m, 4.1953 – ZMM; 1 female, Azerbaijan, Evlakh (S Mingechaur) – ZMM; 1 female, Azerbaijan, Adzhikend (S Gyandzha) – ZMM; 1 male with the label: Kaukasus, Ordubad, E.Koenig – ZMM.

The new subspecies is very numerous all over Armenia; in Azerbaijan it is known from near Sheki, but must be distributed much wider; recently it was discovered in Dagestan (valley of Avarskoe Koysu) by A.Gusakov. It must be also distributed in Georgia and in regions of North Turkey close to Transcaucasia. No specimens of *S. rufa* are known from Talysh, but here *S. r. rubromarginata* could occur.

16. page 115

PRINTED:

scutellata inscutellata Pic, 1892v: 415 (*Leptura*) **A**: TR

scutellata melas P. H. Lucas, 1849: 510 (*Leptura*) **E**: IT (Sicilia) **N**:

AG TU
scutellata ochracea Faust, 1879: 22 (*Leptura*) **E**: AB **A**: IN
scutellata scutellata Fabricius, 1781: 247 (*Leptura*) **E**: AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE FR GB GE GG GR HU IR IT LA LU MC MD PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: TR
MUST BE:
scutellata inscutellata Pic, 1892v: 415 (*Leptura*) **A**: TR
scutellata melas P. H. Lucas, 1849: 510 (*Leptura*) **E**: IT (Sicilia) **N**: AG TU
scutellata miroshnikovi **ssp.n.** **E**: AB **A**: IN
scutellata scutellata Fabricius, 1781: 247 (*Leptura*) **E**: AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE FR GB GE GG GR HU IR IT LA LU MC MD PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: TR
ochracea Faust, **1878: 135** (*Leptura*)
NOTE:

The type locality of *Leptura scutellata* var. *ochracea* Faust, 1878 is "Baku" - according to the original description, so it is very far from Talysh – the northern most area, where the Iranian subspecies described in details (but not named!) by Miroshnikov (1998: 595-596) is also distributed. I do not know *S. scutellata scutellata* from Baku environs, but the nominative subspecies is very numerous in North Azerbaijan (specimens from Ismailly and Zeyva are available), and represented here by usual Caucasian form without erect setae on lateral sides of prothorax – the unique character of Iranian subspecies. In general the fauna of Baku region is much closer to North Azerbaijan, than to Talysh. So, *S. s. scutellata* (Fabricius, 1781) = *Leptura scutellata* var. *ochracea* Faust, 1878, and the subspecies from Talysh and North Iran is described here as new: *Stictoleptura scutellata miroshnikovi,* **ssp. n.** (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). It is characterized by numerous long erect lateral prothoracic setae, which are absent in the nominative subspecies; besides recumbent pronotal setae are rather longer in the new subspecies; several more characters are described by Miroshnikov (1998: 595-596); specimens with light-bown elytra are also known; one black male (Astara - ZMM) has red abdomen; length in males: 12.0-18mm, width: 4.0-5.5мм; length in females: 15-22mm, width: 5.5-6.2mm. **Materials:** holotype, male, Azerbaijan, Talysh, Avrora environs, 11.6.1979, M.Danilevsky leg. –

MD; 31 paratypes; 6 males and 5 females from same locality, 20.7.1972, 5-27.5.1979, 29.5. and 2.7.1980, M.Danilevsky leg. and N.Krivosheina leg. – MD and AM; 2 males and 2 females, Azerbaijan, Talysh, Alekseevka environs [about same locality], 17.5.-25.6.1976, M.Kravchenko leg. – MD; 1 male and 1 female from same locality, 10-11.06.1994, A.Shamaev leg. - AM; 1 female, from same locality, 10.06.1930 - AM; 1 male, Lerik Region, Peshtatyuk, 23.5.2012, A.Miroshnikov leg. - AM; 3 males, Talysh, Biljasar, Alazapin, 29.6.1929, 1.7.1929, 9.7.1929, K.Arnoldi – ZMM; 2 males and 1 female, Lenkoran Distr., Alekseevka, 10.6.1930, 17-18.6.1930 – ZMM; 2 males, same locality – ZIN; 2 males, Talysh, circ. Astara, 5.7.1940, S.Ingulov – ZIN; 1 female, Lerik, 25.V. – ZMM; 1 female, "Kaukasus, Lenkoran, E.Koenig" – ZMM.

S. s. miroshnikovi, **ssp. n.** is distributed in North Iran (Gilan, Mazandaran, Golestan) and in Talysh area of South-East Azerbaijan.

The reference to Faust (1878) absent in the Catalogue.

17. page 122-123

PRINTED:

discolor Fairmaire, 1866b: 277 **A**: TR
differens Pic, 1898g: 50
prescutellaris Pic, 1933d: 5
testaceipes Pic, 1898k: 112

and

steineri Sama, 1997b: 112 **E**: GR

MUST BE:

differens differens Pic, 1898g: 50 **E**: GR
prescutellaris Pic, 1933d: 5
steineri Sama, 1997b: 112
differens magdae **sp. n.** **E**: BG RO TR

and

discolor Fairmaire, 1866b: 277 **A**: TR
testaceipes Pic, 1898k: 112

NOTE:

Cortodera populations recorded by Dascălu (2010) as *Cortodera differens* Pic, 1898 from Roumania and Bulgaria are described here as a new subspecies: *C. differens magdae* **ssp. n**. I also know it from European Turkey. The subspecies identity of

corresponding populations was already supposed by Dascălu (2010: 64), and the differentials diagnosis was published: "In Greek specimens of *C. differens*, the pronotum is barely narrowed towards front margin, while in our specimens it is widened near middle so that pronotum is narrowed quite abruptly towards front margin (more similar with pronotum shape in *C. discolor*)". Besides prothorax in *C. d. magdae* **ssp. n**. is a little wider and pronotal pubescence along glabrous pronotal line is radially directed, that is not observed so clearly in *Cortodera d. differens* from Greece. The connection of *C. d. magdae* **ssp. n**. and *C. discolor* Fairmaire, 1866 (described from Boz-Dagh near Izmir) is not clear, because of too small number of specimens available from near Izmir. I accept here as true *C. discolor* one pair (male and female) with the label "Smirna" (see "Gallery" in www.cerambycidae.net) preserved in Muséum Nationale d'Histoire Naturelle (Paris). The dorsal pubescens in *C. discolor* is much lighter (as it was reliably noticed by M. Dascălu) and body looks less robust. Body length in males: 9.2-10.8 mm, in females – 9.8-10.5 mm; body width in males: 3.0-3.3 mm; in females: 3.1-3.4 mm. **Materials:** holotype, male with the label: "BG [Bulgaria], Schwarcer Meer [Black See], Sl. Briag [Slanchev Briag], Emineberge [Eminska Planina], 28.4.2001, leg. G.Siering" – MD; 11 paratypes: male and female with same label - MD; 6 males from same locality, 28.04.2001, leg. G.Siering – collection of G.Siering (Golzow, Germany); 1 male, BG; Schwarzes Meer; bei Slantshev Brjag, 08.05.2000, leg. G.Siering – collection of G.Siering; 1 female, BG; Schwarzes Meer; bei Slantshev Brjag, Hügelland (hilly landscape), 14.05.1999, leg. G.Siering – collection of G.Siering; 1 male with the label: "12.05.2001 eur. Turkey / Yenice env. (pass) / NE Pinarhisar / leg. P. Bialooki"- MD. Several series of *C. d. differens* were used for comparison: 1 female, paratype of *C. steineri* Sama, 1997b with the label: "Grecia-Morea / Trikaia / P.Schurmann V-VI.81" - MD; 1 male and 3 females, with the label: "Graecia, Morea / Chelmos Geb. 5.71 / leg. Steiner et / Dr. Schurmann" - MD; 3 males and 1 female, with the label: "Greece (Peloponnese), / Menalo Mt.r. –NW, / 3km SE Vytina, / h=1280m 26.V.2010, / Lg. A.Napolov & I.Roma" - MD. The new subspecies is distributed in Roumania, Bulgaria and European Turkey.

18. **page 124** (see also remark to the page 717)

PRINTED:

collaris Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT LU MC MD NE NL NR NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES GAN IN KZ NMO TR WS

carneola Schrank, 1798: 698 (*Leptura*)
concolor Ganglbauer, 1888a: 45
morio Fabricius, 1792b: 349 (*Leptura*)
nigricollis Mulsant, 1839: 247 (*Pachyta*)
ruficollis DeGeer, 1775: 143 (*Leptura*)
sylvestris Geoffroy, 1785: 88 (*Leptura*)

MUST BE:

collaris Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT LU MC MD NE NL NR NT PL PT RO SK SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES GAN IN KZ NMO TR WS

carneola Schrank, 1798: 696 (*Leptura*)
morio Fabricius, 1792b: 349 (*Leptura*)
nigricollis Mulsant, 1839: 247 (*Pachyta*)
ruficollis DeGeer, 1775: 143 (*Leptura*)
sylvestris Geoffroy, 1785: 88 (*Stenocorus*)

concolor Heyden & Faust, 1888: 45 (*Acmaeops*) **E**: GG **A**: TR

NOTES:

Turkish *Dinoptera* with black thorax, described as *Acmaeops collaris* var. *concolor* Heyden & Faust, 1888 from Amasia, is a good species, which differs from *D. collaris* by many small characters (see “Gallery” in www.cerambycidae.net): elytral punctation bigger and rougher, 2nd-4th antennal joints relatively shorter, apical joints of maxyllary palpi smaller and narrower; two specimens of *D. concolor* were studied, female: NE Turkey, Giresun prov., 5km N Sebinkarahisar, 1200m, 40°20'14.06"N, 38°26'41.89"E, 19.5-10.6.2012, J.Hron & S.Murzin leg. and male: Abkhazia, Sukhumi, 9.6.1982, V.Kuznetzov leg.

Acmaeops collaris var. *concolor* was addressed by Heyden & Faust (1888) to “Gang.”, but L.Ganglbauer was not an author of the name, if it was not published by him earlier. So, the reference:

Ganglbauer L. 1888a: [new taxon]. In: Heyden L. F. J. D. von. & Faust J.: Beiträge zur Kleinasiatischen Coleopteren-Fauna. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* 32: 45-47.

must be changed to:

Heyden L.F.J.D. von. & Faust J. 1888: Beiträge zur Kleinasiatischen Coleopteren-Fauna. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* 32: 45-47.

19. page 126

PRINTED:

virginea virginea Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AL AU BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GE GR HU IT LA LS LT MD NR NT PL RO SK SL SV SZ ST UK YU

MUST BE:

virginea virginea Linnaeus, 1758: 398 (*Leptura*) **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ EN FI FR GE GR HU IT LA LS LT MC MD ME NR NT PL RO SB SK SL SV SZ ST UK YU

NOTE:

Carilia virginea was recorded for Serbia, Montenegro and Macedonia (Bense, 1995), Serbia and Macedonia (Althoff & Danilevsky, 1997), Montenegro (Ćurčić et al., 2003).

20. page 132

PRINTED:

mordax DeGeer, 1775: 124 (*Leptura*) **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GR HU IR IT LA LT LU LS MC MD NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: ES KZ WS

MUST BE:

mordax DeGeer, 1775: 124 (*Leptura*) **E**: AL AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GR HU IR IT LA LT LU LS MC MD ME NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: ES KZ WS

NOTE:

Rhagium mordax was recorded for Montenegro (Ćurčić et al., 2003).

21. page 134

PRINTED:

subgenus *Eutoxotus* Casey, 1913: 206 type species *Toxotus schaumi* LeConte, 1850

caeruleipennis Bates, 1873: 193 **A**: CH FE JA

galloisi K. Ohbayashi, 1961a: 16 (*Toxotus*)

MUST BE:

genus *Japanocorus* gen. nov. type species *Toxotus caeruleipennis* Bates, 1873

caeruleipennis Bates, 1873: 193 (*Toxotus*) **A**: CH FE JA

galloisi K. Ohbayashi, 1961a: 16 (*Toxotus*)

NOTE:

The species described as *Toxotus caeruleipennis* Bates, 1873 is not related to American subgenus *Stenocorus* (*Eutoxotus* Casey, 1913) neither to any known *Stenocorus*. A new genus *Japanocorus* **gen. nov.** (type species *Toxotus caeruleipennis* Bates, 1873) must be established. It is characterized by metallic luster of elytra, strongly exposed eyes, pronotum with 4 high tubercles and deep furrow in between; 3rd antennal joint extremely long, reaching lateral thoracic tubercles; only one species known: *Japanocorus caeruleipennis* (Bates, 1873), **comb. nov.**

22. page 135

PRINTED:

subgenus *Toxotochorus* Reitter, 1907a: 208 type species *Toxotus tataricus* sensu Reitter, 1907 (= *Toxotus validicornis* Pic, 1900)

MUST BE:

subgenus *Toxotochorus* Reitter, 1907a: 208 type species *Toxotus tataricus* sensu Reitter, 1907 (= *Toxotus validicornis* Pic, 1906)

23. page 135

PRINTED:

validicornis univittatus Reitter, 1914b: 183 **A**: KI KZ UZ

MUST BE:

validicornis karatauensis **ssp. n.** **A**: KZ

validicornis mediocris **ssp. n.** **A**: KZ UZ KI

validicornis univittatus Reitter, 1914b: 183 **A**: KI KZ

NOTES:

Stenochorus univittatus Reitter, 1914: 183 [wrong spelling of the genus name – not available] was described from "Turkestan: Tashkent, Ala-Tau". Now Ala-Tau Ridge is situated in Aksu-Dzhbagly Natural reserve in South Kazakhstan (the westernmost extremity of Talassky Alatau) just in between Aksu River and Dzhabagly River [about 42°24'N, 70°34'E]. Type materials preserved in Hungarian Natural History Museum (Budapesht) well agree with numerous available series from Aksu-Dzhabagly. *S. validicornis univittatus* distributed in Aksu-Dzhbagly Natural reserve and in the neighbor west part of Talassky Alatau in Kirgizia is characterized by relatively small size (males usually not longer than 16mm, the type

series: 15-16mm; two available females are 15.4mm and 17.5mm long); elytra with distinct luster because of less developed microsculpture; legs are usually partly or totally red; prothorax in males relatively short; all available males (29 specimens) with yellow elytral lines with black or reddish abdomen; male with totally black elytra and another male with totally black legs are known to me only in the type series in Budapest Museum.

Stenocorus populations of Tashkent environs in Uzbekistan reptresent another subspecies which is described here as new: *Stenocorus validicornis mediocris* **ssp. n.,** which is characterized by relatively bigger size with especially big females; elytra without distinct luster because of better developed microsculpture, male prothorax relatively longer, antennal joints less angulated; proportins of color phorms is rather different: males are sometimes totally black; usually black with two wide yellow areas along elytra; or often all femora are partly red; or sometimes legs, antennae, elytra and abdomen are about totally reddish-brown - intermediate forms are also known; females with or without yellow elytral lines; with grey or brown elytra; often with red thorax; body length in males: 13.0-25.0mm, width: 3.8-6.4mm; body length in females: 19.5-30.0mm, width: 6.2-9.5mm. **Materials:** holotype, male, Uzbekistan, Chimgan Mt., 22.7.1982, O.Lebedeva leg. – MD; **28 paratypes in author's collection;** 6 males from same locality, July 1982 and July 1983, O.Lebedeva leg.; 2 males, from same locality, 1700m, 6.1994, A.Shadinkov leg.; 2 males from same locality, 27.6.1973 and 27.5.1974, V.Prasolov leg.; 2 males from same locality, 16-28.6.1985, V.Tuzov leg.; 3 males, Uzbekistan, Chatkal Ridge, Nevich env., 5.6.1974, A.Kompantzev leg.; 1 male, Uzbekistan, Ak-Tash (Karzhantau Ridge about 50km NE Tashkent), 3.7.1935; 1 male, same locality, 1300m, 2.7.1991, M.Danilevsky leg.; 5 males, 1 female, Kirgizia, Chatkal Ridge, Chapchama pass, 2500-2700м, 10.7.2000 A.Gusakov leg.; 5 males, Kirgizia, Kandalash Ridge, Chakmak-Suu riv., 2300-2500м, 13-15.7.2000 A.Gusakov leg.; **19 paratypes** in the collection of Zoological Museum of Moscow University**;** 2 males, Turkestan, (distr. Tashkent), Pskem, 10.6.1914; 2 males, Tashkent, Ak-Tash, 30.4.1925 and 3.7.1935; 1 male, Turkestan, Kay-Nazar, 14.6.1907, Zarudnyi leg.; 1 male and 1 female, Tashkent, D.Borodin leg.; 2 females, Tashkent; 1 male,

Britchmula [Burchmula] (Tashkent distr.), 23.6.1911; 3 males, Kirgizia, Pskem Ridge, Chandalash River, Yangi-Bazar, 2000m, 11.7.2000, A.Gusakov leg.; 5 males and 1 female, Kirgizia, Kandalash Ridge, Chakmak-Suu riv., 2300-2500м, 13-16.7.2000 A.Gusakov leg.; **30 paratypes** in O.Legezin collection (Russia, Tver) and MD; 30 males, Uzbekistan, Kamchik pass, 41°06′00″N, 70°31′05″E, 2300m 30.6.2001, O. Legezin leg.; **1 paratype** in D.Milko collection (Kirgizia, Bishkek); 1 female, Kirgizia, Besh-Aral Nat. Res., 06.7.1988, Ch. Sadykova leg.

S. v. mediocris **ssp. n.** is distributed in north-east Uzbekistan (Chimgan Mt. eastwards Tashkent; Nevich environs in about 30km SE Tashkent; Ak-Tash in Karzhantau Ridge in about 50km NE Tashkent, Britchmula at the east bank of Charvak water reserve; west slope o Pskem Ridge; Kamchik Pass) and in north-west Kirgizia (Pskem Ridge, Chandalaksh Ridge, north slopes of Chatkal Ridge).

Population from South Karatau in Kazakhstan is also described here as a new subspecies: *Stenocorus validicornis karatauensis* **ssp. n.,** which is characterized by big size of specimens and absence of striated elytral design; the biggest male (holotype) is relatively wider than any known specimen of the species with extremely wide and angulated 4th antennal joint, prothorax relatively short with strongly exposed lateral tubercles; holotype is black with elytra, antennae, legs and abdomen reddish-brown; three other males are totally black; body length: 17.5-22.0mm, body width: 5.4-6.9mm. **Materials:** holotype, male, Kazakhstan, South Karatau, Berkara Canyon [about 42°55'35"N, 70°38'32"E], 14.6.1978, A.S. Badenko leg. - MD; 3 paratypes; 2 males from same locality, 14.6.1978 and 29.5.1983, A.S. Badenko leg. - MD; 1 male, South Karatau, Burnoe, 17.6.1935 - ZMM.

24. page 137

PRINTED:

moesiacus Frivaldszky von Frivald, 1837: 177 (*Callidium*) **E**: BH BU CR GR ITi MC PT SP TR **N:** AG MO TU **A**: CY IN IQ IS JO LE SY TR

MUST BE:

moesiacus Frivaldszky von Frivald, 1837: 177 (*Callidium*) **E**: AL BH BU CR GR ITi MC PT SP TR **N:** AG MO TU **A**: CY IN IQ IS JO LE SY TR

NOTE:

See: Rapuzzi & Sama (2012b).

25. page 137

PRINTED:

rusticus Linnaeus, 1758: 395 (*Cerambyx*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK **N**: MO **A**: ES FE FUJ GAN GUI HAI HEB HEI HUB JA JIL JIX KZ LIA MG NMO NC SC SCH SHA SHN TR WS YUN ZHE

MUST BE:

rusticus rusticus Linnaeus, 1758: 395 (*Cerambyx*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL RO SK SL SP ST SV SZ TR UK **N**: MO **A**: ES FE FUJ GAN GUI HAI HEB HEI HUB IN JA JIL JIX KZ LIA MG NMO NC SC SCH SHA SHN TR WS YUN ZHE

NOTE:

Arhopalus rusticus was recorded for Iran from long ago (Plavilstshikov, 1940; Villiers, 1967), but according to Sama et al. (2008: 111): "Certainly absent in Iran". Recently the species was collected in "West Azarbayjan province: Piranshahr" (Sakenin et al., 2011).

26. page 138

PRINTED:

tenuicorne Kraatz, 1879d: 97 **E**: AU GG GR IT RO SP ST SV (Gotska Sandön) UK **A**: TR

semilividum Pic, 1893d: 417

MUST BE:

tenuicorne Kraatz, 1879d: 97 **E**: GG GR IT SP ST SV (Gotska Sandön) UK **A**: TR

NOTES:

Old records for Austria were regarded as wrong (Plavilstshikov, 1931a; Sama & Bocchini, 1992). *Asemum tenuicorne* was never collected in Austria (Adlbauer, personal message, 2011).

The record of the species for Rumania by Althoff & Danilevsky (1997) looks as a lapse. The records for Rumania by Vives (2000a) and Sama (2002) were published without any comments. In fact the species was never collected in Rumania.

The nature of the taxon recorded by Pic (1893d: 417) as "?*Megasemum 4-costulatum* Kr." on the base of two specimens from "mont Amanus, pays d'Akbes" [now Hatay in south-east Turkey] rests uncertain. Only one pale specimen was described as *Megasemum quadricostulatum* var. *semilividum* Pic, 1893d: 417, so Pic "expressly gave it infrasubspecific rank" (Article 45.6.4 of ICZN), and the name is unavailable. Most probably the local population belongs to a new species, and *Asemum tenuicorne* absent in Hatay.

Two light males of *Asemum* from Hatay are available in Pic's collection in Muséum Nationale d'Histoire Naturelle, Paris (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). Both were designated by Sama as "lectotype" and "paralectotype" long ago, but not published (as well as many other specimens in Pic's collection). Such designation was a mistake, as only one specimen was described by Pic as "var. *semilividum",* and so, could be accepted as holotype, if the name was available. Second specimen does not belong to the type series at all!

Now Sama (Sama et al., 2012) has accepted the infrasubspecific status of "var. *semilividum* Pic*",* but still published (!?) his wrong designations of "lectotype" and "paralectotype". Sama (Sama et al., 2012) insists on the traditional determination of both specimens as *A. tenuicorne* and recorded 4 more specimens of "*A. tenuicorne"* from "Nurdağları, east of Dörtyol". Unfortunately no illustrations were published, so the real nature of new 4 specimens also rests uncertain.

The citation of the original description of *Megasemum quadricostulatum* var. *semilividum* Pic, 1893d: 417, by Sama et al. (2012) was wrong [allegedly on the base of two specimens]:
"Original description.
"*Espèce offrant le prothorax plus élargi à la base, les antennes longues, deux côtes bien visibles sur les elytres, avec une troisième plus courte, moins saillante; ceux, ci tantôt noirs, tantôt testacés (var.semilividum), 2 ex*." "

In fact it was a description of two specimens of "?*Megasemum quadricostulatum"* from Akbes, and only one of them was designated as "var. *semilividum*" and so, could be regarded as holotype! The exact paragraph was:
"43. ? Megasemum 4-costulatum Kr. - Espèce offrant le prothorax

plus élargi à la base, les antennes longues, deux côtes bien visibles sur les elytres, avec une troisième plus courte, moins saillante; ceux, ci tantôt noirs [**first specimen!**], tantôt testacés [**second specimen!**] (var.*semilividum*). - 2 exempl., coll. C. Delagrange."

The second brownish specimen in the collection of Paris Museum, designated by Sama as paralectotype, was not known to Pic.

27. page 140

PRINTED:

genus *Drymochares* Mulsant, 1847d: 518 type species *Drymochares truquii* Mulsant, 1847

cylindraceus Fairmaire, 1849: 475 (*Saphanus*) **E**: PT SP

starcki cavazzutii Sama & Rapuzzi, 1993: 288 **E**: AR GG **A**: TR

starcki ivani Sama & Rapuzzi, 1993: 287 **E**: TR

starcki starcki Ganglbauer, 1888f: 398 **E**: GG ST

truquii Mulsant, 1847d: 519 **E**: FR IT

rufipes Pic, 1930c: 6

MUST BE:

genus *Drymochares* Mulsant, 1847d: 518 type species *Drymochares truquii* Mulsant, 1847

cavazzutii cavazzutii Sama & Rapuzzi, 1993: 288 **E**: AR GG **A**: TR

cavazzutii ivani Sama & Rapuzzi, 1993: 287 **E**: TR

cylindraceus Fairmaire, 1849: 475 (*Saphanus*) **E**: PT SP

starcki Ganglbauer, 1888f: 398 **E**: GG ST

truquii Mulsant, 1847d: 519 **E**: FR IT

rufipes Pic, 1930c: 6

NOTES:

Drymochares cavazzutii Sama & Rapuzzi, 1993 is definitely a good species with long and dense elytral pubescence. That taxon was recorded (and described) by Plavilstshikov (1931a: 42) as “var. *pubescens* Pic” from “Trapezunt”. The holotype of *D. starcki* var. *pubescens* Pic, 1907c: 111 [the name absent in the Catalogue] with the label “Trebizonde / Th. Deyr.” was identified by Sama & Rapuzzi (1993) as *Saphanus piceus,* and new synonyms were published (Sama & Rapuzzi, 1993: 289): “*Drymochares starcki* var. *pubescens* Pic = *Saphanus piceus* Laicharting”.

D. starcki Ganglbauer was recorded (Sama & Rapuzzi, 1993: 278) for Crimea, but most probably it was just a misprint.

28. page 140

PRINTED:

genus *Saphanus* Audinet-Serville, 1834b: 81 type species *Callidium spinosum* Fabricius, 1792 (= *Callidium piceum* Laicharting, 1784)

piceus bartolonii Sama & Rapuzzi, 1993: 283 **E**: GR

piceus ganglbaueri Brancsik, 1886: 71 **E**: AL BH BU MC TR YU

piceus piceus Laicharting, 1784: 56 (*Callidium*) **E**: AU BH BU CR CZ FR GE GR HU IT PL RO SK SL SZ UK YU

rufipes Pic, 1908l: 72

spinosus Fabricius, 1792b: 320 (*Callidium*)

sudeticus C. F. W. Richter, 1820: pl. 10 (*Prionus*)

MUST BE:

genus *Saphanus* Audinet-Serville, 1834b: 81 type species *Callidium spinosum* Fabricius, 1792 (= *Callidium piceum* Laicharting, 1784)

piceus bartolonii Sama & Rapuzzi, 1993: 283 **E**: GR

piceus ganglbaueri Brancsik, 1886: 71 **E**: AL BH BU MC TR YU [?]**A**: TR

[?] *pubescens* Pic, 1907g: 111 (*Drymochares*) [„Trébizonde“]

piceus piceus Laicharting, 1784: 56 (*Callidium*) **E**: AU BH BU CR CZ FR GE GR HU IT PL RO SK SL SZ UK YU

rufipes Pic, 1908l: 72

spinosus Fabricius, 1792b: 320 (*Callidium*)

sudeticus C. F. W. Richter, 1820: pl. 10 (*Prionus*)

NOTE:

According to Sama & Rapuzzi (1993) the type of *Drymochares starcki* var. *pubescens* Pic is preserved in Paris Museum and is in fact *Saphanus piceus,* with the label: “Trebizonde / Th. Deyr.” New synonyms were published: “*Drymochares starcki* var. *pubescens* Pic = *Saphanus piceus* Laicharting”, though up to now the species was not known from Anatolia. Here that specimen is provisionally attributed to *S. piceus ganglbaueri* Brancsik.

29. page 158

PRINTED:

apiceplicatus Pic, 1941b: 2 **A**: IQ

MUST BE:

apiceplicatus Pic, 1941b: 2 **A**: IN IQ
NOTE:

Cerambyx apiceplicatus Pic, 1941b was recorded for Iran by Rapuzzi & Sama (2012a).

30. page 168

PRINTED:

quatuordecimmaculatus Chevrolat, 1863b: 295 (*Anthoboscus*) **A**: AF FUJ GUA GUI GUX HAI HP HUN NP PA SCH YUN **ORR**

afghanicus Tippmann, 1958a: 54
guerryi Pic, 1902i: 30 (*Clytanthus*)
variabilissimus Tippmann, 1958a: 54
valdereductus Tippmann, 1958a: 54

MUST BE:

quatuordecimmaculatus Chevrolat, 1863b: 295 (*Anthoboscus*) **A**: AF FUJ GUA GUI GUX HAI HP HUN NP PA SCH YUN **ORR**

guerryi Pic, 1902i: 30 (*Clytanthus*)

NOTE:

All three forms proposed by Tippmann (1958a) were described from one population ("Firgamu, Kokschatal, Badakschan, NO-Afghanistan, 2300 m, 20. VII. 53"), so the author "expressly gave" infrasubspecific rank (Art. 45.6.4.) to all three names. All are unavailable.

31. page 192

PRINTED:

brunneum Fabricius, 1792b: 316 (*Saperda*) **E**: AB AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MD NL NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: TR

MUST BE:

brunneum Fabricius, 1792b: 316 (*Saperda*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MD NL NT PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU **A**: TR

NOTE:

See: Rapuzzi & Sama (2012b).

32. page 198

PRINTED:

globulicollis Dejean, 1839: 34 **E**: AL AU BH BU CR CT CZ EN FR GR HU IT RO SK SL SP ST YU **A**: KZ WS

grabowskii Pic, 1914c: 7

MUST BE:
globulicollis Dejean, 1839: 34 **E**: AL AU BH BU CR CT CZ EN FR GR HU IT RO SK SL SP ST YU **A**: KZ WS
grabowskii Heyrovský, 1913: 35.
NOTE:
The reference absent in the Catalogue.

33. page 199

PRINTED:
wachanrui Levrat, 1858: 261 **E**: AB **A**: IN IQ
aleppensis Witte, 1872: 208
atricolor Pic, 1912c: 4
diversipennis Pic, 1915e: 6
haussknechti Witte, 1872: 207
MUST BE:
wachanrui Levrat, 1858: 261 **E**: AB **A**: CY IN IQ SY TR
aleppensis Witte, 1872: 208
atricolor Pic, 1912c: 4
bilunatus Schaufuss, 1871c: 210
diversipennis Pic, 1915e: 6
haussknechti Witte, 1872: 207

34. page 202

MISSING NAMES:
Rosalia alpina var. *kyselyi* Zoufal, 1906: 264 – "Ungarn: Neutraer Komitat, Podhragy"
Rosalia alpina var. *gelineki* Zoufal, 1906: 264 – "Bisina bei Nevesînje und Ruište, Prenje-Planina, Herzegowina"

35. page 202

PRINTED:
bicolor Kraatz, 1862: 126 (*Obrium*) **E**: AU BH BU CR CZ GR HU IT MC SK SL SV YU **A**: CY IS SY TR
MUST BE:
bicolor Kraatz, 1862: 126 (*Obrium*) **E**: AL AU BH BU CR CZ GR HU IT MC SK SL SV YU **A**: CY IS SY TR
NOTE:
See: Rapuzzi & Sama (2012b).

36. page 209

PRINTED:
femoratus Fairmaire, 1859a: 62 **E**: AB AR BE BU FR GG IT LU NL ST TR UK **A**: IN TR

MUST BE:
femoratus Fairmaire, 1859a: 62 **E**: AB AR BE BU FR GG IT LT LU ME NL SB ST TR UK **A**: IN TR
NOTE:

Leiopus femoratus was recorded for Serbia and Montenegro (Ćurčić et al., 2003).

37. page 212

PRINTED:
maritimus Tsherepanov, 1979: 82 **A**: FE
MUST BE:
maritimus Tsherepanov, 1979: 82 (*Miaenia*) **A**: FE NC SC
NOTE:

According to K. Hadulla (personal message with a photo, 2012 – see "Gallery" in www.cerambycidae.net) one specimen of *Sciades (Miaenia) maritimus* was collected by Torben Kölkebeck (and preserved in his collection, St. Augustin near Bonn) in South Korea (Achasan, Seoul 02.07.2010). The species is definitely distributed in North Korea too.

38. page 246-247

PRINTED (p. 246):
elazigi Fuchs & Breuning, 1971: 439 **A**: TR
AND (p. 247)
holzschuhi Breuning, 1974g: 148 **A**: TR
MUST BE:
elazigi Fuchs & Breuning, 1971: 439 **A**: TR
holzschuhi Breuning, 1974g: 148
NOTE:

Both names were originally attributed to one population from Buglan pass, so *D. elazigi* Fuchs & Breuning, 1971 = *D. holzschuhi* Breuning, 1974g (published by Pesarini & Sabbadini, 2010: 48).

39. page 246

PRINTED:
elegans Kraatz, 1873a: 73 **E**: KZ ST UK
MUST BE:
elegans Kraatz, 1873a: 73 **E**: KZ ST UK **A**: KZ
NOTE:

According to Plavilstshikov (1958: 160) *Dorcadion elegans* penetrates to Asian Kazakhstan to about Mugodzhary Mts. I

collected the specimens of the species near Algabas (50°39'N, 52°06'E) about 80km SE Uralsk.

40. page 252

PRINTED:

sareptanum sareptanum Kraatz, 1873a: 74 **E**: KZ ST

MUST BE:

sareptanum sareptanum Kraatz, 1873a: 74 **E**: KZ ST **A**: KZ

NOTE:

According to Plavilstshikov (1958: 181) *Dorcadion sareptanum* penetrates to Asian Kazakhstan to about Emba river.

41. page 253

PRINTED:

semivelutinum Kraatz, 1873a: 52 **A**: TR

MUST BE:

semivelutinum Kraatz, 1873a: 82 **A**: TR

42. page 255

PRINTED:

cephalotes Jakovlev, 1889: 252 **A**: KZ

MUST BE:

cephalotes Jakovlev, 1889: 252 (*Compsodorcadion*) **A**: KZ **A**: XIN

NOTE:

Dorcadion cephalotes was recorded for Xinjiang, Tuoli, 45°55'N, 83°36'E by Danilevsky & Lin (2012b).

43. page 256

PRINTED:

chinganicum chinganicum Suvorov, 1909a: 90 (*Neodorcadion*) **A**: JIL LIA NMO

chinganicum kerulenum Danilevsky, 2007a: 41 **A**: MG

chinganicum rubrosuturale Breuning, 1943b: 98 (*Neodorcadion*) **A**: NMO

darigangense Heyrovský, 1967a: 104 **A**: MG

gansuense Breuning, 1943b: 99 (*Neodorcadion*) **A**: GAN

glaucopterum Ganglbauer, 1884: 511 (*Neodorcadion*) **A**: GAN QIN

albescens Breuning, 1943b: 99 (*Neodorcadion*)
annulicorne Breuning, 1947d: 142
atratum Jakovlev, 1901c: 153 (*Neodorcadion*)
grisescens Breuning, 1947d: 142
przewalskyi Jakovlev, 1887b: 317 (*Neodorcadion*)

przewalskii Jakovlev, 1900c: 71 (*Neodorcadion*) [unjustified emendation]
kadleci Danilevsky, 2007a: 62 **A**: GAN
mandschukuoense Breuning, 1944a: 15 (*Neodorcadion*) **A**: LIA
jilinense Chiang, 1983: 60, 66
MUST BE:
chinganicum chinganicum Suvorov, 1909a: 90 (*Neodorcadion*) **A**: NMO
chinganicum darigangense Heyrovský, 1967a: 104 **A**: MG
chinganicum mandschukuoense Breuning, 1944a: 15 (*Neodorcadion*) **A**: JIL LIA
jilinense Chiang, 1983: 60, 66
gansuense Breuning, 1943b: 99 (*Neodorcadion*) **A**: GAN
glaucopterum Ganglbauer, 1884: 511 (*Neodorcadion*) **A**: GAN QIN
albescens Breuning, 1943b: 99 (*Neodorcadion*)
annulicorne Breuning, 1947d: 142
atratum Jakovlev, 1901c: 153 (*Neodorcadion*)
grisescens Breuning, 1947d: 142
przewalskyi Jakovlev, 1887b: 317 (*Neodorcadion*)
przewalskii Jakovlev, 1900c: 71 (*Neodorcadion*) [unjustified emendation]
kadleci Danilevsky, 2007a: 62 **A**: GAN
...
rubrosuturale kerulenum Danilevsky, 2007a: 41 **A**: MG
rubrosuturale rubrosuturale Breuning, 1943b: 98 (*Neodorcadion*) **A**: HEB NMO
NOTE:
See: Danilevsky & Lin (2012a).

44. page 257

PRINTED:
humerale humerale Gebler, 1823b: 130 (*Neodorcadion*) **A**: ES HEI MG NMO
humerale impluviatum Faldermann, 1833: 66 (*Dorcadion*) **A**: MG
irroratum Reitter, 1893b: 224 (*Neodorcadion*)
humerale trabeatum Jakovlev, 1901c: 148 (*Neodorcadion*) **A**: BEI FE HEB HEI NMO SHN
quadrilineatum Breit, 1915: 355 (*Neodorcadion*)
xinganum Jiang & Z. Wang, 2003: 304, 396

MUST BE:
humerale humerale Gebler, 1823b: 130 (*Neodorcadion*) **A**: ES HEI MG NMO
humerale impluviatum Faldermann, 1833: 66 (*Dorcadion*) **A**: MG
irroratum Reitter, 1893b: 224 (*Neodorcadion*)
humerale quadrilineatum Breit, 1915: 355 (*Neodorcadion*) **A**: HEB NMO
humerale trabeatum Jakovlev, 1901c: 148 (*Neodorcadion*) **A**: FE HEI NMO
humerale xinganum **Chiang [Jiang S.-N.]** & Z. Wang, 2003: 304, 396 **A**: JIL HEI NMO
NOTE:
See: Danilevsky & Lin (2012b).

45. page 257

PRINTED:
heros Jakovlev, 1899: 237 (*Neodorcadion*) **A**: NMO
...
kaznakovi Suvorov, 1912: 73 (*Neodorcadion*) **A**: NMO
MUST BE:
heros Jakovlev, 1899: 237 (*Neodorcadion*) **A**: NIN NMO
...
kaznakovi Suvorov, 1912: 73 (*Neodorcadion*) **A**: NIN NMO
NOTE:
See: Danilevsky & Lin (2012b)

46. page 281

PRINTED:
annulicornis Pic, 1935e: 16 **A**: GUA GUI GUX HKG YUN
MUST BE:
annulicornis Pic, 1935e: 16 **A**: GUA GUI GUX HKG HUB YUN **ORR** [Cambodia]
NOTE:
See: Xie, Shi & Wang (2012).

47. page 283

PRINTED:
sutor sutor Linnaeus, 1758: 392 (*Cerambyx*) **E**: AL AU BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IT LA LS LT NL NR NT PL RO SK SL SL SP ST SV SZ UK YU **A**: KZ WS

MUST BE:
sutor sutor Linnaeus, 1758: 392 (*Cerambyx*) **E**: AL AU BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IT LA LS LT ME NL NR NT PL RO SK SL SL SP ST SV SZ UK YU **A**: KZ WS
NOTE:
Monochamus sutor was recorded for Montenegro (Ćurčić, 2003).
48. page 284-285
PRINTED (p. 284):
genus *Neoxenicotela* Breuning, 1947a: 10 type species *Neoxenicotela mausoni* Breuning, 1947
Maaia Gressitt, 1951a: 384 type species *Maaia terminata* Gressitt, 1951
mausoni Breuning, 1947a: 11 **A**: FUJ **ORR**
terminata Gressitt, 1951a: 385 (*Maaia*)
AND (p.285)
genus *Parapolytretus* Breuning, 1944b: 370 type species *Cycos rugosus* Matsushita, 1933
Breuningia Matsushita, 1943: 576 [HN] type species *Cycos rugosus* Matsushita, 1933
flavotarsus W.-K. Wang & Zheng, 2002: 377, 379 **A**: HAI
rugosus Matsushita, 1933b: 335 (*Cycos*) **A**: TAI
MUST BE (p. 284):
genus *Neoxenicotela* Breuning, 1947a: 10 type species *Neoxenicotela mausoni* Breuning, 1947
Maaia Gressitt, 1951a: 384 type species *Maaia terminata* Gressitt, 1951
mausoni Breuning, 1947a: 11 **A**: FUJ HAI **ORR**
flavotarsus W.-K. Wang & Zheng, 2002: 377, 379
terminata Gressitt, 1951a: 385 (*Maaia*)
AND (p.285)
genus *Parapolytretus* Breuning, 1944b: 370 type species *Cycos rugosus* Matsushita, 1933
Breuningia Matsushita, 1943: 576 [HN] type species *Cycos rugosus* Matsushita, 1933
rugosus Matsushita, 1933b: 335 (*Cycos*) **A**: TAI
NOTES:
See: Lin & Wang W.-K. [Wenkai] (2012).
"Parapolytrechus" by W.-K. Wang & Zheng, 2002 is wrong posterior spelling – not available.

49. page 309
PRINTED:
tigrina Mulsant, 1851: 134 (*Phytoecia*) **E**: AR BU HU RO ST UK YU
MUST BE:
tigrina Mulsant, 1851: 134 **E**: AR BU HU RO ST UK YU
anchusae Fuss, 1852: 138
NOTE:
Phytoecia anchusae Fuss, 1852 was accepted (Breuning, 1951a: 37; 1966: 743) as a synonym of *Ph. (Pilemia) tigrina.* The reference absent in the Catalogue.

50. page 309
PRINTED:
genus *Semiangusta* Pic, 1893d: 421 type species *Conizonia delagrangei* Pic, 1891
delagrangei Pic, 1891a: 2 (*Conizonia*) **A**: TR
brevior Pic, 1897i: 188 (*Phytoecia*)
rebeccae Sama & Rejzek, 2002: 106 **A**: IN
MUST BE:
genus *Semiangusta* Pic, 1893d: 421 type species *Conizonia delagrangei* Pic, 1891
ambrusi **sp. n.** **A**: IN
delagrangei Pic, 1891a: 2 (*Conizonia*) **A**: TR
brevior Pic, 1897i: 188 (*Phytoecia*)
rebeccae Sama & Rejzek, 2002: 106 **A**: IN
NOTE:
A new species *Semiangusta ambrusi* **sp. n.** (see “Gallery” in www.cerambycidae.net) from Esfahan is very close to *Semiangusta rebeccae* Sama & Rejzek, 2002 described from NW Iran. It is characterized by very dense body pubescence, which usually totally covers head, pronotum and elytral sculpture; scutellum strongly transverse with posterior emargination; female pygidium not truncated, neither emarginated, but distinctly attenuated; body length in males: 14.7-17.3mm, 17.2-18.0mm. **Materials:** Holotype, male, Iran, Esfahan, province, 40km SE Aligudarz, Nowghan env., 2254m, 1.6.2009, R.Ambrus leg. – MD; 13 paratypes, 7 males and 6 females with same label – MD and collection of R.Ambrus (Prague). According to R.Ambrus, the beetles were observed on *Centaurea*

behen (see "Gallery" in www.cerambycidae.net) – same food plant was registered for *Semiangusta rebeccae.*

51. page 327

PRINTED:

bipunctata Zubkov, 1829: 167 (*Saperda*) **E**: AU BH BY CR CT CZ EN FR GE HU IT LA LS LT NT PL RO SK SL ST SZ UK YU A: MG

MUST BE:

bipunctata Zubkov, 1829: 167 (*Saperda*) **E**: AU BH BY CR CT CZ EN FR GE HU IT KZ LA LS LT NT PL RO SK SL ST SZ UK YU

NOTES:

A female of *Menesia* from Mongolia (Ara-Khangay aymak, Tevshrulekh, 20.6.1972, L.Medvedev leg.), identified as *M. bipunctata* by S.Murzin, is preserved in my collection (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). As it was just noticed by A.Shapovalov, (personal message, 2012), the specimen has no connection with real *M. bipunctata,* but very close to *M. sulphurata*, though has only one (apical) pair of yellow elytral spots (see "Gallery" in www.cerambycidae.net). Such form of *M. sulphurata* is well known as *M. sulphurata* ab. *bipustulata* Plavilstshikov, 1927b: 109. The record of *M. bipunctata* for Mongolia by Namkhaidorzh (1979: 92) from close locality ("Central aimak [in fact Ara-Khangay aymak], 30km N somon Erdene-Mandal, 1750m, 17.7.1972, L.Medvedev leg.) was undoubtedly connected with same form. So, *M. bipunctata* absent in Mongolia and no records of the species for East Siberia known.

52. page 332

PRINTED:

genus *Thermistis* Pascoe, 1867b: 438 type species *Lamia croceocincta* Saunders, 1839

croceocincta croceocincta Saunders, 1839: 178 (*Lamia*) **A**: FUJ GUA GUI GUX HAI HUB HUN JIX SCH SHA YUN ZHE **ORR**

nigromacula Hua, 1992: 523 **A**: HUN

rubromaculata Pu, 1984: 61 **A**: GUX

sagittifera Pesarini & Sabbadini, 2000: 65 **A**: SCH

sulphureonotata Pu, 1984: 61 **A**: GUX

taiwanensis Nara & S.-K. Yu, 1992: 132 **A**: TAI

xanthomelas Holzschuh, 2007: 263 **A**: GUI GUX

MUST BE:
genus *Thermistis* Pascoe, 1867b: 438 type species *Lamia croceocincta* Saunders, 1839
conjunctesignata Rondon & Breuning 1971: 546 **A**: YUN **ORR**
croceocincta Saunders, 1839: 178 (*Lamia*) **A**: ANH FUJ GUA GUI GUX HAI HKG HUB HUN JIX SCH SHA YUN ZHE **ORR**
nigromacula Hua, 1992: 523 **A**: HUN
rubromaculata Pu, 1984: 61 **A**: GUX
sagittifera Pesarini & Sabbadini, 2000: 65 **A**: SCH
sulphureonotata Pu, 1984: 61 **A**: GUX
taiwanensis Nara & S.-K. Yu, 1992: 132 **A**: TAI
xanthomelas Holzschuh, 2007: 263 **A**: FUJ GUI GUX HAI YUN **ORR**
NOTE:

See: Lin et al. (2012).

53. page 332-333
PRINTED:
gilvipes Faldermann, 1837: 290 (*Anaetia*) **E**: AB AR GG ST UK **A**: IN TM
...
praeustus praeustus Linnaeus, 1758: 399 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL PT RO SK SL SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES KZ MG **SY** TR WS
anatolicus Özdikmen & Turgut, 2008e: 627
angorensis Pic, 1918d: 11
inapicalis Pic, 1891b: 37
mesmini Pic, 1928c: 6
muehlfeldi Mulsant, 1862: 348 (*Polyopsia*)
niger Kraatz, 1859: 57
pilosus Geoffroy, 1785: 78 (*Leptura*)
ustulatus Hagenbach, 1822: 11 (*Saperda*)
vicinus Pic, 1928c: 6
...
starkii Chevrolat, 1859a: 541 **E**: AU BH BU BY CR CZ DE FR GB GE GG GR HU IR IT LA LT MD NL NR PL RO SK SL SP ST SV SZ UK YU
MUST BE:

gilvipes gilvipes Faldermann, 1837: 290 (*Anaetia*) **E**: AB AR GG ST UK **A**: IN TM TR

gilvipes niger Kraatz, 1859: 57 **E**: IT FR

muehlfeldi Mulsant, 1862: 348 (*Polyopsia*)

...

praeustus anatolicus Özdikmen & Turgut, 2008e: 627 **A**: TR SY

praeustus angorensis Pic, 1918d: 11 **A**: TR

praeustus praeustus Linnaeus, 1758: 399 (*Leptura*) **E**: AB AL AR AU BE BH BU BY CR CT CZ DE EN FI FR GB GE GG GR HU IR IT LA LS LT LU MC MD NL NR NT PL PT RO SK SL SL SP ST SV SZ TR UK YU **A**: ES KZ MG TR WS

inapicalis Pic, 1891b: 37

pilosus Geoffroy, 1785: 78 (*Leptura*) [HN]

ustulatus Hagenbach, 1822: 11 (*Saperda*)

...

starkii starkii Chevrolat, 1859a: 541 **E**: AB AU BH BU BY CR CT CZ DE FR GB GE ?GG GR HU IR IT LA LT MD NL NR PL RO SK SL SP SV SZ UK YU

mesmini Pic, 1928c: 6

vicinus Pic, 1928c: 6

starkii aquilus **ssp. n.** **E**: ST

NOTES:

The synonyms (*T.praeustus = T.anatolicus*) were proposed by Sama in the Catalogue (p. 53) without any arguments. According to Sama (2002: 120): “Specimens from southern Turkey (Çakıllı pass, North of Antalya, Çamlıyayla and Yayladağı, east of Hatay) differ from those of Europe by having distinctly darker, nearly black middle and hind legs and a stronger punctation of pronotum and elytra” – so it was a set of good arguments for a distinct subspecies.

According to Holzschuh (1981: 83): the holotype of *Tetrops praeusta* var. *vicinus* Pic, 1928 described from “Caucase” is a female of typically colored *T. starkii* with the label “Aresch” (now Agdash eastwards Mingechaur in Azerbaijan). *Tetrops praeusta* var. *mesmini* Pic, 1928 (“Caucase”) also belongs to *T. starkii* because of lateral black elytral areas and light legs. Both names *T. p.* var. *vicinus* Pic, 1928 and *T. p.* var. *mesmini* Pic, 1928 were attributed to *T. starkii* long ago (Schmidt, 1958: 55). Azerbaijan populations currently joined to *T. starkii starkii* can represent another subspecies.

According to Holzschuh (1981: 78): „ … *T. praeusta*, aus Anatolien hingegen send mir fast nur lang behaarte Exemplare bekannt geworden.“ So, it is better now to accept *T. praeustus angorensis* Pic, 1918d as valid until better investigations.

Holzschuh (1981: 78, 83) mentioned “var. *pseudopraeusta*” as a synonym of *T. starkii* Chevrolat, 1859a, as well as Breuning (1965: 651). In fact the name was introduced as *T. starkii* **ab.** *pseudopraeusta* Müller, 1927: 315 and so unavailable.

Tetrops gilvipes was recorded for Turkey (Artvin) by Holzschuh (1981: 82).

A big series of *Tetrops starkii* (9 males and 22 females) was collected by my wife Galina Danilevskaya and me in June 2012 on young rootstocks of dead *Fraxinus excelsior* killed by *Agrilus planipennis* Fairm. in Ramenskoe District of Moscow Region (Bykovo, 130m, 55°38’5"N, 38°4’E). It is the first record of the species for Moscow Region and for Central Russia. All specimens have mostly yellow elytra with black apices; with or without black lateral line.

A male of *Tetrops starkii* from Tellerman Forest (Voronezh Region) collected by G.Lindeman (12.6.1960) was discovered by A.Shapovalov (personal message, 2012) in the collection of Moscow Pedagogical University.

The areal map of *T. starkii* published by Starzyk & Lessaer (1978) shows one locality in Central Georgia, though no corresponding records are known. That map was the base for the including Georgia in the area of *T. starkii* by Miroshnikov (1993). But most probably Starzyk & Lessaer (1978) just reflected with that dot the record of *T. starkii* for “Kaukasus” by Horion (1974: 223). The Caucasian record by Horion (1974) was published with the reference to Heyrovsky (1955a: 315): “Kavkaz, Zakavkazí”. But Heyrovsky (1955a: 314) included “ab *gilvipes* Fald.” in his “*Tetrops starki*”. So, the records of *T. starkii* for Caucasus and Transcaucasia by Heyrovsky (1955a), for Caucasus by Horion (1974: 223) and probably for Georgia by Starzyk & Lessaer (1978) and by Miroshnikov (1993) were connected with *T. gilvipes* (Faldermann, 1837). *Tetrops starki* was also recorded for Caucasus by Plavilstshikov (1932: 195).

A series of *T. starkii* (20 males and 15 females) from Russian

NW Caucasus (Elizavetinskaya of Krasnodar Region, 45°2’N, 38°48’E) described by Miroshnikov (1993: 82) totally consists of similar coloured specimens, which are describerd here as *Tetrops s. aquilus* **ssp. n.**: elytra black; each elytron with central dark-brown or brown area protruding to about middle elytral third (see “Gallery” in www.cerambycidae.net); legs totally yellow with black femora bases; body length in males: 4.2-4.9mm, width – 1.0-1.2mm; length of females: 4.5-5.6mm, width – 1.3-1.5mm. **Materials:** holotype, male with the label in Russian: Krasnodar, ex pupa, *Fraxinus*, 17.04.1986, A.Miroshnikov leg. – MD; 25 paratypes; 13 males and 12 females with same label: 1 female - MD, one pair - SM, 12 males and 10 females - AM.

Dark specimens of *T. starkii* are also known in the nominative subspecies in West Europe, but such form is extremely rare here. Three specimens of dark *T. starkii* were recorded from Austria, two - by Schmidt, (1958) and one - by Holzschuh (1981).

54. pages 717 and 739 (see also remark to the page 124)

PRINTED (p. 717):

Ganglbauer L. 1888a: [new taxon]. In: Heyden L. F. J. D. von. & Faust J.: Beiträge zur Kleinasiatischen Coleopteren-Fauna. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* 32: 45-47.

MUST BE (p. 739):

Heyden L.F.J.D. von. & Faust J. 1888: Beiträge zur Kleinasiatischen Coleopteren-Fauna. *Deutsche Entomologische Zeitschrift* 32: 45-47.

NOTE:

Acmaeops collaris var. *concolor* was addressed by Heyden & Faust (1888) to “Gang.”, but L.Ganglbauer was not an author of the name, if it was not published by him ealier.

55. page 874

PRINTED:

Tippmann F.F. 1956: Über einige, vorwiegend palaearktische Cerambyciden und Beschreibung neuer Formen. *Bollettino del Laboratorio di Zoologia Generale e Agraria in Portici* 33: 473-492.

MUST BE:

Tippmann F.F. 1956: Über einige, vorwiegend palaearktische Cerambyciden und Beschreibung neuer Formen. *Bollettino del*

Laboratorio di Zoologia Generale e Agraria della facolta agraria in Portici 33: 473-492.

ACKNOWLEDGEMENTS. I am very grateful to Thierry Deuve and Azadeh Taghavian (Museum national d'Histoire naturelle, Paris), Alexey Gusakov and Andrey Ozerov (Zoological Museum of Moscow University), Otto Merl (Hungarian Natural History Museum, Budapesht) for the opportunity to study Museum's materials. My hearty thanks to Richard Ambrus, Karl Hadulla, Jacek Kurzawa, Maxim Lazarev, Oleg Legezin, Meiying Lin, Dmitriy Milko, Aleksander Miroshnikov, Sergey Murzin, Aleksander Napolov, Hüseyin Özdikmen, Seung Hwan Oh, Andrey Shapovalov, Nobuo Ohbayashi, Herbert Schmid and Andrey Zubov for valuable consultations on many taxonomy problems, their own remarks and providing me with necessary specimens and publications.

REFERENCES

Alekseev V.L. 2007. Longhorn beetles (Coleoptera, Cerambycidae) of Kaliningrad region.- Acta Biologica Universitatis Daugavpiliensis, 7(1): 37-62.

Ćurčić S. B., Brajković M. M., Tomić V. T. and Mihajlova B. 2003. Contribution to the knowledge of Longicorn beetles (Cerambycidae, Coleoptera) from Serbia, Montenegro, the Republic of Macedonia and Greece.- Archives of Biological Sciences Belgrade, 55 (1-2): 33-38.

Danilevsky M.L. 2010. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010.- Russian Entomological Journal, 19(3): 215-239.

Danilevsky M.L. 2011. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. II.- Russian Entomological Journal, 19 [2010] (4): 313-324.

Danilevsky M.L. 2012a. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. III., Munis Entomology & Zoology, 7 (1): 109-173.

Danilevsky M.L., 2012b. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. IV.- Humanity Space. International Almanac, 1(1): 86-136.

Danilevsky M.L., 2012c. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana, 2010. Part. V.- Humanity Space. International Almanac, 1(3): 695-741.

Danilevsky M.L. & Lin M.-Y., 2012a. A contribution to the study of China Dorcadioni (Coleoptera, Cerambycidae). Part 1.- Humanity Space. International Almanac, Vol. 1. Supplement 4: 4-19.

Danilevsky M.L. & Lin M.-Y., 2012b. A contribution to the study of China Dorcadioni (Coleoptera, Cerambycidae). Part 2.- Humanity Space. International Almanac, Vol. 1. Supplement 4: 20-35.

Dascălu M.-M. 2010. New species of Cerambycidae (Coleoptera) for the Romanian fauna.- Analele Ştiinţifice ale Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" Iaşi s. Biologie Animală, 56: 63-67.

Donisthorpe H. 1905. Gramoptera holomelina, Pool, a good species.- Entomologist's Record and Journal of Variation, 17: 182-183.

Faust J. 1877-1878. Beiträge zur Kenntniss der Käfer des Europäischen und Asiatischen Russlands mit Einschluss der Küsten des Kaspischen Meeres.- Horae Societatis Entomologicae Rossicae, 14 (1-2): 113-139. [1877: 113-128; 1878: 129-139]

Fuss C. 1852. Entomologische Notizen (Fortsetzung.). Verhandlungen und Mittheilungen des Siebenbürgischen Vereins für Naturwissenschaften zu Hermannstadt, 3: 136-139.

Hayashi M. & Villiers A. 1987. Revision of the Asian Lepturinae (Coleoptera: Cerambycidae) with special reference to the type specimens' inspection. Part II.- Bulletin of Osaka Jonan Women's Junior College, 22: 1-20, 3pls.

Heyden L.F.J.D. von. & Faust J. 1888: Beiträge zur Kleinasiatischen Coleopteren-Fauna.- Deutsche Entomologische Zeitschrift, 32: 45-47.

Heyrovský, 1913. Purpuricenus globulicollis Dej., varietas Grabowskii nova mihi.- Koleopterologische Rundschau, 2: 35-36.

Holzschuh C. 1981. Beitrag zur Kenntnis der europäischen Tetrops-Arten (Cerambycidae, Col.).- Koleopterologische Rundschau, 55: 77-89.

Horion A. 1974: Faunistik der mitteleuropäischen Käfer. Bd. XII: Cerambycidae - Bockkäfer. Überlingen- Bodensee, 1-228.

Kasatkin D. G. & Miroshnikov A. I. 2011. Nekotorye zamechaniya po povodu ispravleniy i dopolneniy k novomu katalogu zhukov-drovosekov (Coleoptera, Cerambycidae) palearctiki [Some notes to corrections and additions to the new Catalog of Palaearctic timber-beetles (Coleoptera, Cerambycidae)]. http://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/corcenew.htm

Lin M., Chou W.-I., Kurihara T. & Yang X. 2012. Revision of the genus Thermistis Pascoe 1867, with descriptions of three new species (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae: Saperdini).- Annales de la Société Entomologique de France (N. S.), 48 (1–2): 29-50.

Lin M. & Murzin S.V. 2012. A study on the apterous genus Clytomelegena Pic, 1928 (Coleoptera, Disteniidae).- ZooKeys, 216: 13–21.

Lin M. & Wang W.-K. [Wenkai] 2012. Parapolytrechus [sic] flavotarsus Wang & Zheng, 2002, a new synonym of Neoxenicotela mausoni Breuning, 1947 (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae).- Entomotaxonomia, 34(2): 391–394.

Löbl I. & Smetana A. 2011. Errata for volume 6, pp. 35-61. In: I. Lobl & A. Smetana (ed.): Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 7. Stenstrup: Apollo Books, 373pp.

Miroshnikov A.I. 1993: Zametki o Tetops starki (Coleoptera, Cerambycini, Tetropini).- Vestnik Zoologii, 2: 81-83.

Miroshnikov A. I. 2011a. The Longicorn beetles (Cerambycidae) in «Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010». Remarks and additions.- http://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/corcemir.htm

Miroshnikov A.I. 2011b. The longicorn beetles (Cerambycidae) in "Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010". Remarks and additions.- Entomologia Kubanica. Supplement № 1. Krasnodar: 113pp. [in Russian with English abstract]

Miroshnikov A.I. 2011c. [Notes to «Catalogue of Palaearctic Coleoptera. Stenstrup, 2010». 2] [in Russian].- http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/rus/mirosh13.htm

Miroshnikov A. I. 2011d. [Addition to the future article preparing for publication] [in Russian].- http://www.zin.ru/ANIMALIA/COLEOPTERA/rus/mirosh13.htm

Müller G. [J.] 1927. Über einige europäische Bockkäfer.- Coleopterologisches Centralblatt, 1 (5/6): 310-315.

Namkhaidorzh B. 1979. Maloizvestnye vidy zhukov-drovosekov (Coleoptera, Cerambycidae) fauny Mongolskoy Narodnoy Respubliki. Pp. 90-93. In: Nasekomye Mongolii. Vypusk 6. Leningrad: Nauka.

Ohbayashi N. & Lin M.-Y. 2012. Studies on the Chinese Lepturinae (Coleoptera, Cerambycidae) I. Genera Nivelliomorpha Boppe, 1920 and Houzhenzia gen. nov.- Elytra, Tokyo, New Series 2 (1): 13–19.

Özdikmen H. 2011. Additions and corrections to the new Catalogue of Palaearctic Cerambycidae (Coleoptera) edited by I. Löbl and A. Smetana (2010) for Turkish taxa.- Munis Entomology & Zoology, 6 (2): 686-734.

Pesarini C. & Sabbadini A. 2011. Note su Cerambycidae di Grecia e Turchia, con descrizione di tre nuove specie e una nuova sottospecie (Coleoptera).- Annali del Museo Civico di Storia Naturale di Ferrara, 13 (2010): 41-59.

Pool C.J.C. 1905. Grammoptera ruficornis ab. holomelina, n. ab., a wholly black form of Grammoptera, Ser., not hitherto recorded.- Entomologist's Record and Journal of Variation, 17: 133.

Rapuzzi P. & Sama G. 2012a. New taxa and new records of Longhorn-Beetles from Eastern Mediterranean Region (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology, **7**(2): 663-690**.**

Rapuzzi P. & Sama G. 2012b. Contributo alla conoscenza dei cerambycidae di Albania (Coleoptera, Cerambycidae).- Atti del Museo Civico di Storia Naturale di Trieste, 55: 181-234.

Sakenin H., Samin N., Moemen Beitollahi S., Ezzatpanah S., Havaskary M., Rastegar J., Valizadeh A. & Shakoiri M.J. 2011. A study on the longhorn beetles (Coleoptera: Cerambycidae) from north-western Iran.- Calodema, 143: 1-19.

Sama G. & Bocchini R. 1992. Asemum tenuicorne Kraatz, 1879 specie nuova per la Romagna e per la fauna Italiana (Coleoptera, Cerambycidae).- Quaderno di Studi e Notizie Storia Naturale Romagna 1: 19-25.

Sama G., Rapuzzi, P. & Özdikmen H. 2012. Preliminary report of the entomological surveys (2010, 2011) of G. Sama and P. Rapuzzi to Turkey (Coleoptera: Cerambycidae).- Munis Entomology & Zoology, 7(1): 22-45.

Schmidt G. 1958. Untersuchungen über die mitteleuropäischen Vertreter des Genus Tetrops Stephens (Col., Cerambycidae).- Mitteilungen der Deutschen Entomologischen Gesellschaft, 17: 53-60.

Starzyk J.R. & Lessaer M. 1978. Studies on the distribution, morphology and biology of Tetrops starki Chevr. (Coleoptera, Cerambycidae). Zeitschrift für angewandte Entomologie, 86: 35-46.
Wang X., Fang H. & Zhang Zh. 2012. Color Atlas of Liaoning Beetles. Shenyang: Liaoning Science and Technology Publishing House, 452pp.
Xie G.-L., Shi F.-M. & Wang W.-K. 2012. Synopsis of the genus Mimothestus Pic with description of a new species from China (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae).- Zootaxa, 3385: 62–68.
Zoufal V. 1906. Zwei neue Färbungsvarietäten von Rosalia alpina L.- Wiener Entomologische Zeitung, 25: 264.

Получена / Received: 28.09.2012
Принята / Accepted: 05.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 944-957

Revision of the taxonomic structure of *Tetrops gilvipes* (Faldermann, 1837) (Coleoptera, Cerambycidae)

M.A. Lazarev

Bolshaya Serpukhovskaya str. 34, building 4, apartment 79, Moscow 115093 Russia; e-mail: cerambycidae@fromru.com

Key words: Taxonomy, zoogeography, new subspecies, Coleoptera, Cerambycidae, *Tetrops*, Turkmenia, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Ukraine, Russia.

Abstract: Three new subspecies are described: *Tetrops gilvipes efetovi* ssp. n. from Crimea on the base of differently colored specimens with black and yellow elytra; *T. g. murzini* ssp. n. from Kopet-Dag Ridge (Turkmenia) and Talysh (Azerbaijan) on the base of specimens with black elytra; *T. g. adelbaueri* ssp. n. from West Europe (type locality: Závist, Czechia) on the base of specimens with yellow elytra; *Tetrops gilvipes niger* Kraatz, 1859 is regarded as a subspecies distributed in Italy and France.

The taxonomic position of *T. gilvipes* can not be regarded as generally accepted (Sama, 2002). For example: according to Plavilstshikov (1932) and Villiers (1967) it is a subspecies of *T. praeusta* (Linnaeus, 1758); according to Winkler (1929), Kaszab (1971) and Sama (1988) it is a synonym of *T. praeusta* – black form; according to Heyrovský (1955) *T. gilvipes* includes *T. starkii* Chevrolat, 1859 as a synonym; according to Bense (1995), Villiers (1978) and Berger (2012) it includes *T. niger* Kraatz, 1859 as a synonym and so on. The separation of *T. praeusta* and *T. gilvipes* was shown by Starzyk & Lessaer (1978). Besides larvae *T. gilvipes* can be easily differed (Danilevsky, Miroshnikov, 1985) from *T. praeusta* by numerous fine spiculae which cover abdominal segments, while in *T. praeusta* abdominal spiculae are big and scattered.

Several abbreviations used in the text:
AN - collection of A. Napolov, Riga (Latvia)
GS - collection of G. Sama, Cesena (Italy).
MD - collection of M. Danilevsky, Moscow (Russia)
ML - collection of M. Lazarev, Moscow (Russia)
SM - collection of S. Murzin, Moscow (Russia)

M.A. Lazarev

MPSU - Moscow Pedagogical State University, Moscow (Russia)
ZIN - Zoological Institute of Russian Academy of Sciences, Sankt-Petersburg (Russia)
ZMM - Zoological Museum of Moscow State University, Moscow (Russia)

Tetrops gilvipes (Faldermann, 1837)

(Figs 1-8)

Anaetia gilvipes Faldermann, 1837: 290 - "Fauna entomologica transcaucasica"
Tetrops nigra Kraatz, 1859: 57 - „Sardinien"; Holzschuh, 1981: 82;
Polyopsia gilvipes, Mulsant, 1862: 347 (?+ var. *nigra* Kr., ?+ var. *muehlfeldi* Muls.) – "le Caucase, etc.".
Polyopsia gilvipes var. *muehlfieldi* Mulsant, 1862: 348 – "dans les Alpes cottiennes"
Tetrops gilvipes, Ganglbauer 1882: 586, part. – "Caucasus"; Ogloblin, 1948: 471 – Ciscaucasia, Crimea; Plavilstshikov, 1948: 200, part. - North Armenia, Sevan, Alagez; 1955: 546, part. - Caucasus, Transcaucasus, Turcmenia (Kopet-Dag); Shmidt, 1958: 60 (= *nigra* Kr.), part. – "Westsibirien (Gebler), Sibirien: Werchne Udinsk (Mandl), Kaspigebiet: Liryk; Lenkoran, "Circassia", Georgien (Achalzich), Kaukasus (Terekgebiet, Borshom, Araxestal), Krim (Simferopol), "Tauria merid.", Slovakei (Banska, Bystrica, Hermanee, Hronska Breznica), Koralpe (v. Demelt), Millstadt, leg. Sattler 15.6.92 (Senckenberg-Museum); Friaul: Somplago (v. Demelt), Avezzano, Lazio (Monte Cavo), Italia centr.: Camerata Nuova, Sardinien, Cottische Alpen (Fenestrelle), Piemont, St.Bernhard (Stierlin), Alpes maritimes (Berthemont, Moulinet), St.Martin Vésubie, Drôme: Romans und Montélimar (Xambeu nach Planet); Pyrenäen (4 Expl. In coll. Koltze, Fundort erscheint mir sehr fraglich)"; Breuning, 1965: 651 (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) – "S. Germany, Austria"); Plavilstshikov, 1965: 419 – Caucasus, Crimea; Murzin, 1977: 302 - Caucasus, Kopetdag; Villiers, 1978: 503 (= *nigra* Kraatz, 1859 = *muehlfeldi* Muls.) - "Europe méridionle, Caucase"; Starzyk & Lessaer, 1978: 35-45; Holzschuh, 1981: 81, part. ("türkisch- und russisch Armenien, Kaukasus, Talysch, Elburz und Kopet Dagh"); Berger, 1985: 169-171 – Alpes-Maritimes and Caucasus; Tsherepanov, 1985: 209, part; Danilevsky & Miroshnikov, 1985: 355, part. – Crimea, Caucasus, Transcaucasia, Kopet-Dag, West Europe; Tsherepanov,. 1985: 209 (= *nigra* Kr.) – Middle Europe, Caucasus, Crimea, ?South Urals; Cocquempot, 1992: 201 – France; Sláma, 1998: 293, part.; Brustel, Berger & Cocquempot, 2002: 455 – "dans les Alpes-Maritimes et les Hautes-Alpes", "Grèce", "Caucase"; Kasatkin, 2005: 56 – Rostov Region of Russia; Bartenev, 2004: 39 (= *muehlfeldi* Muls.) – from West Europe to Turkmenia; 2009: 339 (= *muehlfeldi* Muls.)– from West Europe to Turkmenia; Özdikmen & Turgut, 2008: 623 (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi*

Muls.) – "Europe (?France, ?Italy, ?Romania, ?Hungary,?Czechia, ?Slovakia, Crimea, S European Russia), Caucasus (Georgia, Armenia, Azerbaijan), Central Asia (Turkmenia), Iran"; Löbl & Smetana, 2010: 332 – Azerbajdzhan, Armenia, Georgia, South Russia, Ukraine, Iran, Turkmenia; Miroshnikov, 2011: 259 – Adygeya Region; Berger, 2012: 607 (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.)– "France, Italie, Croatei, Grèce occidental, Turquie, Iran, Caucase"

Tetrops praeusta var. *nigra,* Ganglbauer 1882: 586, part.; Aurivillius, 1922: 573, part. – Gebirgsgegenden Sűddeutschlands, Alpen; Planet, 1924: 327, part.; Winkler, 1929: 1226 – Alpes;

Tetrops praeusta var. *gilvipes*, Bogdanov-Katkov, 1917: 51 – "Ekaterinodar"; Aurivillius, 1922: 572, part. - Kaukasus;. Winkler, 1929: 1226, part. – Caucasus.

Tetrops praeusta gilvipes, Plavilstshikov, 1932: 195 - Caucasus; Villiers, 1967: 377, part. - "propre à la région caucasienne", "Iran: Tariki Rud");

Tetrops praeusta, Harde, 1966: 94, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); Sláma, 1998: 293, part.

Tetrops praeusta ab *nigra,* Kaszab, 1971: 283, part.

Tetrops praeustus, Sama, 1988: 190, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); 2002: 120, part. (= *nigra* Kr.); Bense, 1995: 469, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); Althoff & Danilevsky, 1997: 36, part. (= *nigra* Kr.); Sláma, 2006: 38, part. (= *nigra* Kr.)

Tetrops niger, Pesarini & Sabbadini, 1994; 58, part.

Tetrops praeusta praeusta, Bartenev, 2004: 39 (= *nigra* Kr.), part. – from West Europe and North Africa to Kazakhstan; 2009: 336 (= *nigra* Kr.), part. – from West Europe and North Africa to Kazakhstan;

Tetrops praeustus praeustus, Löbl & Smetana, 2010: 333, part. (= *niger* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) Europe, Turkey, Syria, Transcaucasus, West and East Siberia, Kazakhstan, Mongolia; Sama & Rapuzzi, 2011: 146, part. – Italy.

Type locality. Republic of Armenia. The type locality of *Tetrops gilvipes* (Faldermann, 1837) was not mentioned in the original description. Most of taxa described by F. Faldermann (1937) in "Fauna entomologica transcaucasica" seems to be connected with Iran or Azerbaijan. But one taxon is definitely connected with Armenia - *Dorcadion indutum* Faldermann, 1937 and several taxa with species absent in East Azerbaijan or Iran but very common in Armenia like *Mallosia scovitzi* Faldermann, 1937 or *Rhagium fasciculatum* Faldermann, 1937. So, for the stability of generally accepted sense of the name *Tetrops gilvipes*, it is necessary to accept Armenia as its type locality, though most of available specimens of the typical subspecies were collected in North-West Caucasus and Georgia. *T. gilvipes* was definitely recorded for Armenia

(Plavilstsshikov, 1948: 200 - Sevan, Alagez; Holzschuh, 1981: 81 – “russisch Armenien”).

Diagnosis. Body black with black or yellow elytra; frons distinctly punctated; antennae totally black, in males about as long as body or a little shorter, in females never rich elytral apices; 3rd antennal joint about as long as 1st; prothorax a little shorter than middle width, distinctly attenuated at base and widened near middle; pronotum shining, with fine scattered punctation; elytra densely punctated with dark or pale pubescence; legs usually totally yellow, or with partly dark middle and hind femora; last abdominal tergit in males rounded, in females – truncated; penis with sharp attenuated apex, parameres relatively wide and short (Starzyk & Lessaer, 1978: 40); body length in males: 3.0-4.9 mm, width: 0.9-1.4 mm; body length in females: 3.7-5.8 mm, width: 1.0 – 1.6 mm.

Genital structures (Starzyk & Lessaer, 1978: 40) is a good character to distinguish *T. gilvipes* from similar colored specimens of *T.praeusta.* In *T. praeusta* penis with shorter apex, parameres long and narrow (Starzyk & Lessaer, 1978: 40).

Distribution. From West Europe to Turkmenia, including Greece (Berger, 2000), Crimea, Caucasus with Transcaucasia, South Turkmenia (Kopet-Dag), North Iran and North-East Turkey (Artvin). The record of *T. gilvipes* for “Sibirien (Werchne Udinsk)” by Shmidt (1958) was definitely connected with *Tetrops mongolicus* Murzin, 1977. But the reasons of his record for West Siberia (with the reference to Gebler) are not clear, though it was supposed by Tsherepanov (1985) for South Urals.

The species consists of 5 subspecies. The nomenclature status of Greek population discovered by Berger (2000) rests uncertain.

Tetrops gilvipes gilvipes (Faldermann, 1837)

Anaetia gilvipes Faldermann, 1837: 290 - “Fauna entomologica transcaucasica”

Polyopsia gilvipes, Mulsant, 1862: 347, part. (?+ var. *nigra* Kr., ?+ var. *muehlfeldi* Muls.) – “le Caucase, etc.”.

Tetrops gilvipes, Ganglbauer 1882b: 586 – “Caucasus”; Ogloblin, 1948: 471, part. – Ciscaucasia, Crimea; Plavilstshikov, 1948: 200 - North Armenia, Sevan, Alagez; 1955: 546, part. - Caucasus, Transcaucasus, Turcmenia (Kopet-Dag); 1965: 419, part. – Caucasus, Crimea; Murzin, 1977: 302, part. -

Caucasus, Kopetdag; Villiers, 1978: 503, part. (= *nigra* Kraatz, 1859 = *muehlfeldi* Muls.) - "Europe méridionle, Caucase"; Starzyk & Lessaer, 1978: 35-45; Holzschuh, 1981: 81, part. ("türkisch- und russisch Armenien, Kaukasus, Talysch, Elburz und Kopet Dagh"); Berger, 1985: 169-171, part. – Alpes-Maritimes and Caucasus; Tsherepanov, 1985: 209, part; Danilevsky & Miroshnikov, 1985: 355, part. – Crimea, Caucasus, Transcaucasia, Kopet-Dag, West Europe; Tsherepanov,. 1985: 209, part. (= *nigra* Kr.) – Middle Europe, Caucasus, Crimea, ?South Urals; Sláma, 1998: 294, part.; Brustel, Berger & Cocquempot, 2002: 455, part. – "dans les Alpes-Maritimes et les Hautes-Alpes", "Grèce", "Caucase"; Bartenev, 2004: 39 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; 2009: 339 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; Kasatkin, 2005: 56 – Rostov Region of Russia; Özdikmen & Turgut, 2008: 623, part. (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) – "Europe (?France, ?Italy, ?Romania, ?Hungary,?Czechia, ?Slovakia, Crimea, S European Russia), Caucasus (Georgia, Armenia, Azerbaijan), Central Asia (Turkmenia), Iran"; Löbl & Smetana, 2010: 332, part. – Azerbajdzhan, Armenia, Georgia, South Russia, Ukraine, Iran, Turkmenia; Miroshnikov, 2011: 259 – Adygeya Region; Berger, 2012: 607, part. (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) – "France, Italie, Croatei, Grèce occidental, Turquie, Iran, Caucase"

Tetrops praeusta var. *gilvipes*, Bogdanov-Katkov, 1917: 51 – "Ekaterinodar"; Aurivillius, 1922: 572, - Kaukasus;. Winkler, 1929: 1226, – Caucasus.

Tetrops praeusta gilvipes, Plavilstshikov, 1932: 195 - Caucasus; Villiers, 1967: 377, part. - "propre à la région caucasienne", "Iran: Tariki Rud";

Tetrops praeusta, Harde, 1966: 94, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.)

Tetrops praeusta ab *nigra,* Kaszab, 1971: 283, part.

Tetrops praeustus, Sama, 1988: 190, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); Bense, 1995: 469, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.);

Type locality. Armenia – see above.

Diagnosis. Pronotum with relatively dense punctation, covered by brown erect setae; elytra always totally black with brown erect setae, densely punctated with relatively big dots; legs totally yellow; body length in males: 3.5-4.8 mm, width: 1.2-1.4 mm; body length in females: 3.7-5.3 mm, width: 1.0-1.5mm.

Distribution. South Russia: south of Rostov Region, about whole Krasnodar Region, Adygeya, south of Stavropol Region (Pyatigorsk, Praskoveya), Chechnya; Georgia (Borzhomi, Mtzheta, Telavi, Mukhray) and Abkhazia (Mamzyshkha Mt.); Armenia (Sevan, Alagez); Turkey (Artvin).

Material. 1 male, Borzhomi - ZMM; 1 male, Mtzhet, E.Koenig - ZMM; 2 males, Cauc. Bor., (Cammpi), Pyatigorsk, A.Zolotorev - ZMM; 1 male, Sochi env, Koval – MD; 3 males, 1 female, Telav, 10.04.1907, 08.06.1907 -

ZMM; 1 male, Stavropol, 7-13.05.1914, B.Zolotorevsky - ZMM; 3 males, 2 females, Kuban, Mingrelskoe, 10.04.1930, 28.04.1930, V.Galkin - ZMM; 2 males, 1 female, Maykop, 22.04.1931, 30.05.1931, Shaposhnikov - ZMM; 1 male, Maykop, 30.05.1933 – ZMM; 2 males, Maykop, 19 15/05. 1935, Shaposhnikov – MD; 1 male, Georgia, Mukhrai, 19.04.1957, D.Lozovoy - ZMM; 1 male, Guzeripl, 07.06.1970, Danilevsky - MD; 1 male, Krasnodar, 03.1979, Miroshnikov – MD; 1 male, 1 female, Krasnodar reg., Khodizhensk, 15.05.1979, Miroshnikov – MD;1 male, Krasnodar reg., Khodizhensk, 08.05.1985, Okhrimenko – MD; 1 male, Abkhazia, Mamzyshkha, 04.06.1985, Okhrimenko – MD; 1 male, Turcia, Artvin, Savsat, 1700-2000 m, 22-23.06, 1994, G.Sama – GS; 3 males, 1 female, Rostov Region, Egorlykskaya, 15.05.2003, D.Kasatkin – MD; 1 male, Krasnodar reg., Sukko, 44°46`N 37°23`E, 01.06.2010, M.Danilevsky – MD.

Tetrops gilvipes efetovi ssp. n. (Figs 1-4)

Tetrops gilvipes, Ogloblin, 1948: 471, part. – Ciscaucasia, Crimea; Plavilstshikov, 1965: 419 part. – Caucasus, Crimea; Danilevsky & Miroshnikov, 1985: 355, part. – Crimea, Caucasus, Transcaucasia, Kopet-Dag, West Europe; Tsherepanov,. 1985: 209 (= *nigra* Kr.) – Middle Europe, Caucasus, Crimea, ?South Urals; Althoff & Danilevsky, 1997: 36, part; Bartenev, 2004: 39 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; 2009: 339 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; Löbl & Smetana, 2010: 332 – Azerbajdzhan, Armenia, Georgia, South Russia, Ukraine, Iran, Turkmenia.

Tetrops praeusta praeusta, Bartenev, 2004: 39 (= *nigra* Kr.), part. – from West Europe and North Africa to Kazakhstan; 2009: 336 (= *nigra* Kr.), part. – from West Europe and North Africa to Kazakhstan;

Type locality. Crimea, Simferopol.

Diagnosis. Pronotum moderately punctated with erect pale setae; elytra from totally yellow to totally dark-brown, often yellow with dark apex; covered by pale erect pubescence, with rather distinct punctation; legs totally yellow; body length in males: 4.2-4.9 mm, width: 1.1-1.2 mm; body length in females: 3.9-5.1 mm, width: 1.1-1.3mm.

T. g. efetovi ssp.n. differs from Caucasian *T. g. gilvipes* by the presence of numerous specimens with yellow elytra, and from European *T. g. adlbaueri* ssp.n. by the presence of numeous specimens with dark-brown elytra. In fact *T. g. efetovi* ssp.n. is a

transitional population between *T. g. gilvipes* and *T. g. adlbaueri* ssp.n.

Distribution. Ukraine, Crimea Peninsula.

Material. Holotype, 1 male, „Crimea, Simferopol, 30.04.1998, K.Efetov leg.“ – MD; 71 paratypes: 4 males Crimea, Alma River, Rybakov – ZIN; 4 males, 4 females, Alushta, B.V.Stark – ZMM, MD; 1 male, 1 female, Simferopol, 31.04.1908, 19.05.1908, O G.&K.Khristoforovy - ZMM; 1 male, Crimea, Artek, 20.06.1925 – ZMM; 7 males, 5 females, Simferopol, 09.04.1932 - ZMM; 1 male, Simferopol, 20. 05. 1935 – MD; 2 males, Simferopol, 19 5/06. 1935 – MD; 2 males, Staryj Krym, 27.05.1946 - ZMM; 1 male, Krym, Pionerskoe, 16.04.1975, Zhelkhovtzev - ZMM; 3 males, 1 female, Yalta, 08.06.1984, Mindal, S.Saluk – MD; 1 male, 2 females, Alushta, 28.04.1950, B.V.Stark – MD; 2 male, Chatyr Dag Mt., 1200 m, 19.05.1989, E.E.Perkovsky – MD; 1 male, Simferopol, 20.05.1991 - ZMM; 1 male, 1 female, Krym, Sudak distr., 2km N Veselyj, 30.04.1994, I.Melnik - MPSU; 1 male, 1 female, Krym, Sudak distr., 2km N Veselyj, 30.04.1994, Udovichenko - MPSU; 5 males, 2 females, Simferopol, 30.04.1998, K.Efetov leg. – MD; 10 males, Crimea, Andrusovo, Simferopol, 06.06.2009. A.Napolov - AN; 3 males, Crimea, Klinovka, Simferopol, 06.06.2009. A.Napolov - AN; 4 males, Crimea, Krasnolesie, Simferopol, 02.06.2009, 04.06.2009, A.Napolov – AN.

Etymology. The new subspecies is dedicated to Konstantin Efetov – a well known specialist on world Zigaenidae (Lepidoptera), who collected the holotype and a part of the type series.

***Tetrops gilvipes murzini* ssp. n.**
(Figs 5-6)

Tetrops gilvipes, Plavilstshikov, 1948: 200, part. - North Armenia, Sevan, Alagez; 1955: 546, part. - Caucasus, Transcaucasus, Turcmenia (Kopet-Dag); Murzin, 1977: 302, part. - Caucasus, Kopetdag; Holzschuh, 1981: 81, part. (“türkisch- und russisch Armenien, Kaukasus, Talysch, Elburz und Kopet Dagh”); Danilevsky & Miroshnikov, 1985: 355, part. – Crimea, Caucasus, Transcaucasia, Kopet-Dag, West Europe; Bartenev, 2004: 39 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; 2009: 339 (= *muehlfeldi* Muls.), part. - from West Europe to Turkmenia; Löbl & Smetana, 2010: 332 – Azerbajdzhan, Armenia, Georgia, South Russia, Ukraine, Iran, Turkmenia; Berger, 2012: 607 part. (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.)– “France, Italie, Croatei, Grèce occidental, Turquie, Iran, Caucase”.

Tetrops praeusta gilvipes, Villiers, 1967: 377, part. (“propre à la région caucasienne”, “Iran: Tariki Rud”);

Type locality. West Turkmenia, Kopetdag, Ay-Dere.
Diagnosis. Pronotum sparsely punctated and sparsely setose; pronotal middle about glabrous with scattered pale erect setae; elytra always black with pale erect setae; elytra with strong big punctation; legs totally yellow; body length in males: 3.0-4.7 mm, width: 0.9-1.4 mm; body length in females: 4.1-5.8 mm, width: 1.4-1.6 mm.
Distribution. South-West Turkmenia, Kopetdag (Ay-Dere, Pir-Dare, Kara-Kala); South-East Azerbajdzhan, Talysh area (Gasmalyan, Lerik, Shovu); North Iran (Villiers, 1967: "Tariki Rud" – Mazandaran near Caspian Sea; Holzschuh, 1981: Nord Iran, Elburz: Gilan, Mazandaran).
Material. Holotype, 1 male, „W. Kopet Dag, Ay Dere, Grusha, 25.11.1985, S.Murzin" – ML; Paratypes: 1 male, Caspi.M.Gebiet, Liryk, Leder Reitter – ZMM; 1 male, Kopet-Dag, Pir-Dare, 08.05.1930, Shestoperov - ZMM; 1 males, Lerik, 21.05.1971, M.Badalov – MD; 1 male, Kopet-Dag, Ay-Dere, 19.04.1975, Yanushev – MD; 6 males, 1 females, Talysh, Gasmalyan, 28.05-07.06.1980, V.Belov – MD; 53 males, 64 female Kopet-Dag, Ay-Dere, 25.11.1985, .12.1985, 01.12.1985, 11.12.1985 S.Murzin – ZIN, SM, ML; 1 male, 1 female, Talysh, Shovu, 11.05.1986, S.Saluk – SM; 2 males, Kopet-Dag, Garygala, 05.1994, J.Myatlenski – MD; 1 female, Kopet-Dag, Kara-Kala, Bogandar, 22.04.1992, V.Grachev – MD.
Etymology. The new taxon is dedicated to my friend Sergey Murzin – a well known specialist on Cerambycidae, who collected the holotype and a part of the type series.

***Tetrops gilvipes adlbaueri* ssp. n.**
(Figs 7-8)

Tetrops "A", Švácha, 2001: 293 – West Europe.

Type locality. Bohemia, Závist.
Diagnosis. Pronotum sparsely punctated and sparsely setose; pronotal middle about glabrous with scattered brown erect setae; elytra always yellow with dark apex; strongly punctated, with brown erect setae; legs yellow with more or less darkened middle and hind femora; body length: 4.4-4.6 mm, width: 1.1-1.2 mm.

The base for the separation of the new taxon was the larval structure of so called "*Tetrops* A" (Švácha, 2001) from West Europe, which is just the same as in *T. gilvipes* from Caucasus (Danilevsky &

Miroshnikov, 1985) - fine and dense spiculae covering abdominal segments. Imagoes of "*Tetrops* A" are similar externally to *T. praeusta* and could be distinguished by male genitalia only. The type series of males of *T. g. adlbaueri* was received from P.Švácha as presumably received from the larvae of "*T. gilvipes*" – type. The study of genitalia of several specimens from that series shows that it really belongs to *T. gilvipes.*

The problem of the real nature of the type of *T. praeusta* (L.) rests open, but most probably it belongs to *Tetrops* "B" sensu Švácha (2001), as much more numerous species in Europe.

Distribution. Most probably the taxon is distributed all over area of European *T. praeusta*.

Material. Holotype, 1 male, „Bohemia, Za'vist, 21.5.72, Dr. V. Seichert" – MD; Paratypes: 1 male, 1 female, Bohemia, Za'vist, 21.05.1972, Dr. V. Seichert – MD.

Etymology. The new taxon is dedicated to Karl Adlbauer - the famous European Cerambycidae specialist.

***Tetrops gilvipes niger* Kraatz, 1859.**

Tetrops nigra Kraatz, 1859: 57 - „Sardinien"; Holzsschuh, 1981: 82, part.; Sláma, 1998: 293, part.;

Polyopsia gilvipes, Mulsant, 1862: 347 (+ var. *nigra* Kr.) – "le Caucase, etc.".

Polyopsia gilvipes var. *muehlfieldi* Mulsant, 1862: 348 – "dans les Alpes cottiennes"

Tetrops gilvipes, Breuning, 1965: 651 (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) – "S. Germany, Austria"); Villiers, 1978: 503, part. (= *nigra* Kraatz, 1859 = *muehlfeldi* Muls.) - "Europe méridionle, Caucase"; Berger, 1985: 169-171, part. – Alpes-Maritimes and Caucasus; Tsherepanov,. 1985: 209 (= *nigra* Kr.) – Middle Europe, Caucasus, Crimea, ?South Urals; Brustel, Berger & Cocquempot, 2002: 455 – "dans les Alpes-Maritimes et les Hautes-Alpes", "Grèce", "Caucase"; Berger, 2012: 607 part. (= *nigra* Kr. = *muehlfeldi* Muls.)– "France, Italie, Croatei, Grèce occidental, Turquie, Iran, Caucase"

Tetrops praeusta var. *nigra,* Ganglbauer 1882: 586, part.; Aurivillius, 1922: 573, part. – Gebirgsgegenden Sűddeutschlands, Alpen; Planet, 1924: 327, part.; Winkler, 1929: 1226 – Alpes;

Tetrops praeusta ab *nigra,* Kaszab, 1971: 283, part.

Tetrops praeustus, Sama, 1988: 190, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); 2002: 120, part. (= *nigra* Kr.); Bense, 1995: 469, part. (= *gilvipes* Fald. = *nigra* Kr.); Althoff & Danilevsky, 1997: 36, part. (= *nigra* Kr.); Sláma, 2006: 38, part. (= *nigra* Kr.)

Tetrops niger, Pesarini & Sabbadini, 1994; 58., part.

Tetrops praeusta praeusta, Bartenev, 2004: 39 (= *nigra* Kr.), part. – from West

Europe and North Africa to Kazakhstan; 2009: 336 (= *nigra* Kr.), part. – from West Europe and North Africa to Kazakhstan;

Tetrops praeustus praeustus, Löbl & Smetana, 2010: 333, part. (= *niger* Kr. = *muehlfeldi* Muls.) Europe, Turkey, Syria, Transcaucasus, West and East Siberia, Kazakhstan, Mongolia; Sama & Rapuzzi, 2011: 146, part. – Italy.

Type locality. Italy, Piedmont.

According to Sama (1988) the record of Sardinia in the original description was wrong and the real type locality is "Piedmont, Italy".

Diagnosis. Pronotum with moderately sparse punctation with numerous pale erect setae; elytra usually dark-brown or nearly black with relatively big punctation and pale erect setae; legs are always yellow; sometimes elytra could be yellow similar to *T. praeusta*, according to a single available male from Susa with totally yellow legs and yellow elytra, but with short and wide parameres typical for *T. gilvipes*; genital structure in males of *T. gilvipes niger* is very similar to genitals of males of other subspecies; body length in males: 4.6-4.7 mm, width: 1.1-1.2 mm; body length in a female: 4.6-4.8 mm, width: 1.2-1.4 mm.

Remark. The analyses of male genitaliae of black specimens with yellow legs from Italy and France shows that they belong to *T. gilvipes.*

A rather special opinion was formulated by G.Sama (2002): "In conclusion, *T.nigra* seems to be a transitional form between *T.praeustus* and *T.gilvipes*".

Distribution. North Western Italy, South-East France and Switzerland.

Material. 5 male, Fontanigorda, chapelle 22.05.1988, M.Magistretti – GS; 2 female, Grondola, 22.05.1988, P. Berger – GS. 1 male, Piemonte-Susa, 17.04.1976, R.Hourulia – MD.

Acknowledgements. I am very grateful to Andrey Ozerov, Aleksey Gusakov (Zoological Museum of Moscow University) and Andrey Lobanov (Zoological Institute, Sankt-Petersburg) for providing me with specimens for study as well as to A. Napolov, Riga (Latvia), G. Sama, Cesena (Italy), M. Danilevsky, Moscow (Russia) and S. Murzin, Moscow (Russia).

REFERENCES

Althoff J., Danilevsky M.L., 1997. A check-list of Longicorn beetles (Coleoptera, Cerambycoidea) of Europe. Slovensko Entomolosko Drustvo Stefana Michielija. Ljubljana. 64pp.

Aurivillius C. 1922. Cerambycidae: Lamiinae I. Pars 73. In: Schenkling S. (ed.). Coleopterorum Catalogus. Volumen XXIII. Cerambycidae II. Berlin: W. Junk, pp. 1-322.

Bartenev A.F., 2009. [Longicorn-beetles of Left-Bank Ukraine and Crimea. Kharkov: Kharkov National University], 405pp. [in Russian]

Bartenev A.F., 2004. A review of the long-horned beetles species (Coleoptera: Cerambycidae) of the fauna of Ukraine].- Izvestiya Kharkovskogo Entomologicheskogo Obshchestva [The Kharkov Entomological Society Gazette], 2003(2004), 11(1-2): 24-43. [in Russian]

Bense U. 1995. Longhorn Beetles. Illustrated Key to the Cerambycidae and Vesperidae of Europe. Margrat Werlag, Weikersheim. 512 pp.

Berger P., 1985. Note sur le genre Tetrops (Col., Cerambycidae).- L'Entomologiste, 41(4): 169-172.

Berger P. 2000. Contribution à la connaissance de la faune de Grèce: (Coleoptera : Cerambycidae), 2e note. – Biocosme mésogéen, 16 [1999]: 101-106.

Berger P. 2012. Coléoptères Cerambycidae de la faune de France Continentale et de Corse. Actualisation de l'ouvrage d'André Villiers, 1978. Soupplément au Tome XXI R.A.R.E.: 664pp.

Bogdanov-Katkov N.N., 1917. [To the fauna of Longicorn-beetles of Kuban Region.- Archives of Caucasian Museum], 11: 33-53. [in Russian]

Breuning S. 1965. Catalogue des Lamiaires du Monde (Col.,Ceramb.). 8. Lief. Im Verlag des Museums G. Frey. Munchen: 559-655.

Brustel H., Berger P. & Cocquempot Ch., 2002. Catalogue des Vesperidae et des Cerambycidae de la faune de France (Coleoptera).- Ann. Soc. entomol. Fr. (n.s.), 2002, 38 (4): 443-461.

Cocquempot Ch., 1992. Réhabilitation de la présence en France de *Tetrops starki* Chevrolat (Col. Cerambycidae). L'Entomologiste, 48(4): 201-202.

Danilevsky M.L., Miroshnikov A.I., 1985. [Timber-Beetles of Caucasus (Coleoptera, Cerambycidae)]. Krasnodar: 419 pp. [in Russian]

Faldennann F. 1837. Fauna entomologica transcaucasica. Coleoptera II. Nouvelles Memoires de la Societe des Natllralistes de Moscou 5: 1-433, 15 pis. [separate issue: Fauna entomologica Trans-Callcasica. Coleoptera. Pars 2. Moscou: I'imprimerie d'Auguste Semen, Imprimeur de I' Academie Imperiale Medico-Chirurgica1e, 433 pp., pI. 1-15].

Ganglbauer L., 1882a. Beiträge zur Synonymik der europäischen und caucasischen Cerambyciden. Wiener Entomologische Zeitung I. Heft 1. 5-12.

Ganglbauer L. 1882b. Bestimmungstabellen der europäischen Coleopteren. VII. Cerambycidae. Verhandlungen der Kaiserlich-Königlichen Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien, 31 [1881]: 681-758, pl. 22.

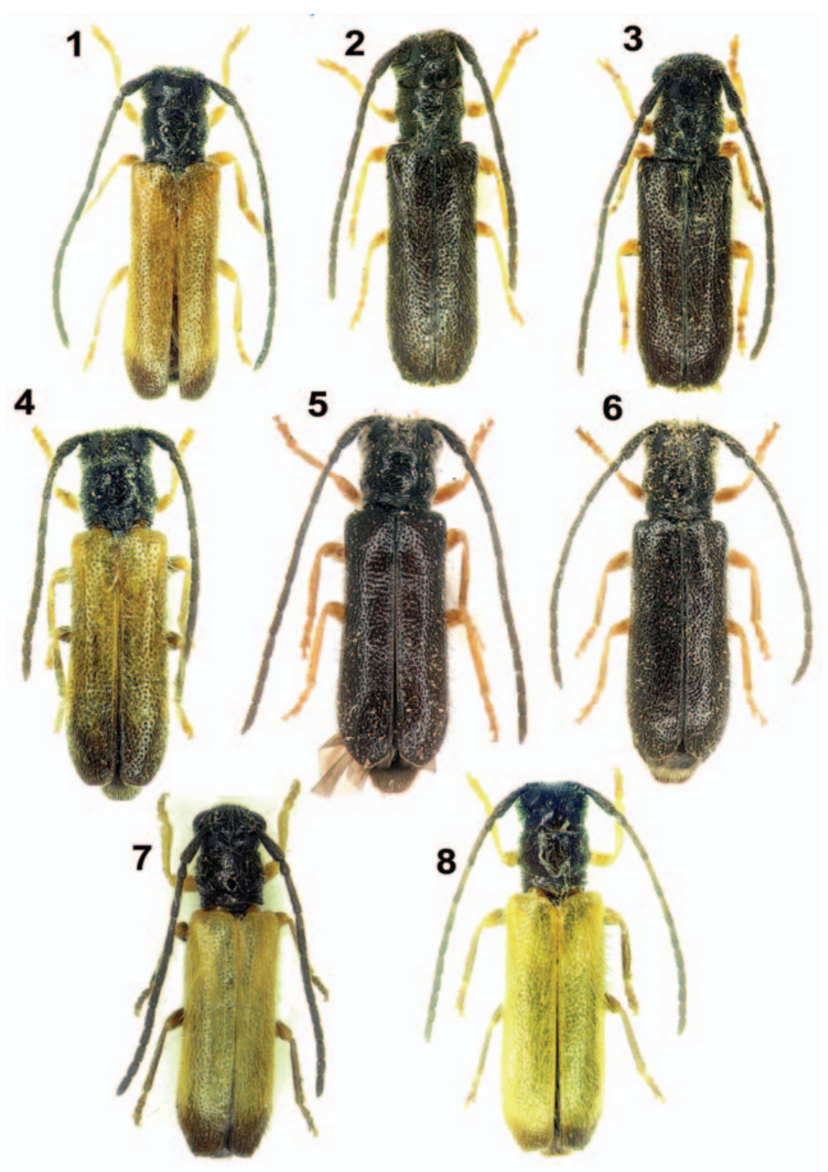
Harde V. 1966. 87. Familie: Cerambycidae, Bockkäfer, S. 7-94. In: Freude H., Harde K .W. & Lohse G.A. Die Käfer Mitteleuropas. Bd. 9. Krefeld:

Goecke & Evers: 299 S.
Heyrovský L. 1955. Fauna ČSR, Svazek 5. Tesaříkovití- Cerambycidae. (Řád brouci – Coleoptera).- Praha: Nakladatelství Československé Akadémie Věd: 346 + [1] pp.
Holzschuh C., 1981. Beitrag zur Kenntnis der europaeischen Tetrops-Arten (Cerambycidae, Col.).- Koleopterologische Rundschau, 55: 77-89.
Kasatkin D.G., Arzanov Ju.G. 1997. [Der Bockkaffer (Cerambycidae). Material fur fauna der Kaffer (Coleoptera) norden Kaukasus und untere Don.]- Records of Kharkov Entomological Society, 5, 2: 63-70. [in Russian]
Kasatkin D.G., 2005. The new data on the longicorn beetles (Coleoptera: Cerambycidae) south of Russia and conjoint territories.- Caucasian Entomological Bulletin, v.1(1): 55-56. [in Russian]
Kaszab Z., 1971. Cincérek-Cerambycidae.- Fauna Hungariae, Bd. 106. Budapest: 1-283, 1-17.
Löbl I. & Smetana A. (ed.), 2010. Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. Chrysomeloidea. Stenstrup: Apollo Books. 924 pp.
Miroshnikov A.I. 2011. [Family Cerambycidae – Longhorn-beetles, Timber-beetle. (pp. 239-263). In: Zamotajlov A.S. & Nikitsky N.B. (red.) Coleopterous Insects (Insecta, Coleoptera) of Republic of Adygheya (annotated catalogue of species) (Fauna conspecta of Adygheya. N1). Maykop: Adyghei State University Publishers] (2010): 404. [In Russian]
Mulsant E., 1862. Longicornes [Pp. 1-480]. In: Histoire naturelle des coléoptères de France. Ed. 2. Paris: Magnin, Blanchard et Cie, successeurs de Louis Janet, 590 pp.
Murzin S.V. 1977. A new species of the genus Tetrops (Coleoptera, Cerambycidae) from Mongolia.- Insects of Mongolia, vol. 5, Leningrad, "Nauka": 301-303.
Ogloblin D.A., 1948. 73. Fam. Cerambycidae – Timber Beetles or Longhorned Beetles. In: A Key of the Insects of the European Part of the USSR. Moscow-Leningrad]: 450-471 [in Russian]
Özdikmen, H. & Turgut, S. 2008. The genus Tetrops Stephens, 1829 with a new subspecies, Tetrops praeustus anatolicus ssp. n. from Turkey (Coleoptera: Cerambycidae: Lamiinae). Munis Entomology & Zoology 3 (2): 621-635
Pesarini C., Sabbadini A., 1994. Insetti della Fauna Europea. Caleotteri Cerambicidi.- Natura. Rivista di Scienze Naturali, vol. 85, fasc. 1/2: 132pp.
Plavilstshikov N.N. 1932. [Timber Beetles - Wood Pests]. Moscow, Leningrad: 200 pp. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1948. [A Key for Longicorn Beetles of Armenia.] Erevan: 232 pp. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1955. 15. Fam. Cerambycidae – timber beetles, longicorn beetles.- In: Pests of forest. Moscow-Leningrad: 493-546. [in Russian]
Plavilstshikov N.N. 1965. 75-th Fam. Cerambycidae - Timber Beetles, Longicornes.- In: A Key to Insects of the European Part of the USSR, v. 2, Coleoptera and Strepsiptera. Moscow-Leningrad, "Nauka": 389-419.
Sama G. 1988. Coleoptera. Cerambycidae. Catalogo topographico e sinonimico. Fauna d'Italia, vol. 25, 216 pp.
Sama G., 2002. Atlas of the Cerambycidae of Europe and the Mediterranean Area.

Vol.1. Nakladatelství Kabourek. Zlín: 173 pp.
Schmidt G. 1958. Untersuchungen über die mitteleuropäischen Vertreter des Genus Tetrops Stephens (Col. Cerambycidae) (6. Beitrag zur Kenntnis der paläarktischen Cerambycidae) – Mitteilungen der Deutschen Entomologischen Gesellschaft. Heft 3: 53-60.
Sláma M., 1998. Tesaříkovití – Cerambycidae České republiky a Slovenské republiki (Brouci – Coleoptera). Praha: 383pp
Sláma M., 2006. Coleoptera: Cerambycidae.- Folia Heyrovskyana Serie B, Icones Insectorum Europae Centralis. 2006 June 20; 4: 1-40.
Starzyk J.R. & Lessaer M., 1978. Studies on the distribution , morphology and biology of Tetrops starki Chevr., (Col., Cerambycidae). Zeitschrift für angewandte Entomologie, Bd.86, H.1: 35-46.
Švácha P. 2001. 17. Überfamilie: Chrysomeloidea. 114. Familie: Cerambycidae, Lamiinae. In: Klauznitzer B. Die Larven der Kafer Mitteleuropas, Bd. 6. Polyphaga. Teil 5. Berlin: 248-298.
Tsherepanov A.I. 1985. [Longicorn Beetles of North Asia (Lamiinae: Saperdini - Tetraopini). Novosibirsk: 256pp.] [in Russian]
Villiers A. 1967. Contribution à la faune de l'Iran. I: Coléoptères Cerambycidae. *Annales de la Société Entomologique de France* (N. S.) **3**: 327-379.
Villiers A. 1978. Faune des coléoptères de France I. Cerambycidae. Encyclopédie Entomologique XLII. Paris: Editions Lechevalier, xxvii + 611 pp.

INSCRIPTION FOR FIGURES

Figs 1-4. *Tetrops gilvipes efetovi* **ssp. n.**: 1 – Holotypus, male, Simferopol 30.4.1998 – MD; 2 - female, Simferopol 30.4.1998 – MD; 3 - male, Yalta, 8.6.84, mindal, S.Saluk – MD; 4 – females, Yalta, mindal, 08.06.1984, S.Soluk - MD
Figs 5-6. *Tetrops gilvipes murzini* **ssp. n.**: 5 – Holotypus, male, W Kopetdag, Ay-Dere, Grusha, 25.11.1985 S.Murzin – ML; 6 - Paratypus, female, W Kopetdag, Ay-Dere, Mindal, 01.12.1985 S.Murzin – ML
Figs 7-8. *Tetrops gilvipes adlbaueri* **ssp. n.**: 7-8 – Bohemia, Za'vist, 21.05.1972, Dr. V. Seichert (7 - Holotype, male – MD; 8 - Paratype, female – MD)

Получена / Received: 12.10.2012
Принята / Accepted: 16.10.2012

Humanity space *International almanac* VOL. 1, No 4, 2012: 958-960

Agapanthia (*Epoptes*) *paki* sp. n. from central Afghanistan (Coleoptera: Cerambycidae)

Pierpaolo Rapuzzi

Via Cialla, 48, I-33040 Prepotto (UD) Italy; e-mail: info@ronchidicialla.it

Key words: Cerambycidae, *Agapanthia*, new species, Afghanistan.
Abstract: In this paper I describe a new species of *Agapanthia* Audinet-Serville, 1835 from Central Afghanistan (Ghor province). The new species is related with *A.* (*Epopetes*) *detrita* Kraatz, 1882.

Among several Cerambycidae collected by my colleague and friend Oleg Pak in Afghanistan I found two specimens of *Agapanthia* Audinet-Serville, 1835 that belong to a new species related with *Agapanthia* (*Epoptes*) *detrita* Kraatz, 1882. The new species is easy to distinguish according the light color of body and for longer antenna. The Ceramabycidae Fauna of Afghanistan is still poor known due to the hard political situation of that Country and several new species must be discovered after deeper studies.

Agapanthia paki sp. n.
(Figs 1-2)

Description of the Holotype. Length 16 mm, width 5 mm. Body black. Head covered by dense and long yellow hairs, all the surface covered by long thin black erect hairs. Frons square with a deep groove between antennal insertion. Pronotum as long as large, rounded laterally, deep and dense punctate. Black colored with a metallic sheen. Pubescence on pronotum arranged in three longitudinal yellow bands. Two of them at the sides and the third in the middle. These bands are made by dense and short yellow hairs. Pronotum with dense long black erect hairs. Scutellum completely covered by yellow dense pubescence. Elytra parallel, flat in the last third and acuminate towards apex. Elytra covered with dense yellow pubescence that cover the elytral sculpture except for the extreme base. This pubescence is scattered in the basal portion and it is more regular toward the apex. Three quarter of the elytral surface shows long thin black erect hairs. These hairs are denser at the base than

towards the apex. Side of elytra with denser pubescence that gives a lighter portion just at the body sides. Antennae long, exceed the apex with the last six joints. The first two joints are black the following yellow except for a short ring at the apex. The scape with a dense longitudinal line of yellow pubescence on the upper side. From the third to the twelfth joint the yellow portion is covered with dense and very short yellow pubescence. Only few black long erect hairs just at the apex of each antennal joint. Legs long, black, with dense yellow pubescence and some long black erect hairs. Hind femora with mixed yellow and white pubescence.

Material examined. Holotypus ♂: Afghanistan: Ghor prov., 16 km E Chagcharan, Bandi-Ali vill. Env., 2450 m., 26.V.2012, O. Pak leg. - collection P. Rapuzzi; Paratypus: 1 ♀, same data - collection P. Rapuzzi.

Variability of the Paratypes. The female differs from the male except for the sexual characters for the less dense yellow pubescence on elytra.

Discussion. *Agapanthia (Epoptes) paki* sp. n. is related with *Agapanthia (Epoptes) detrita* Kraatz, 1882 from Central Asia (Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan) (Löbl & Smetana, 2010) but it is easy to be distinguish according the dense yellow body pubescence, very scarce in *detrita*, the longer antennae, exceeding the elytral apex in male for the last six joints instead the last five in *detrita*. *A. paki* has many long erect hairs on the head, pronotum and three quarters of elytral surface that are very scarce in *detrita*. According the denser pubescence it can be closer with *Agapanthia (Epoptes) obydovi* Danilevsky, 2000 from Kazakhstan but it is easy to separate by the denser pubescence and the longer antennae. Moreover the new species differs from *obydovi* in larger body size and denser erect setae on elytra.

Etymology. I dedicate the new species to my friend Oleg Pak from Ukraine as thanksgiving for the opportunity that he gives me to study his interesting Afghan Cerambycidae.

Acknowledge. I want to thank Mr. Oleg Pak from Donetsk, Ukraine that provides me the specimens of this new species.

REFERENCES

Danilevsky M.L. 2000. New and little known Cerambycidae from Central Asia.- *Lambillionea*, C, 2: 289-294.

Löbl I. & Smetana A. (ed.) 2010. Catalogue of Palaearctic Coleoptera, Vol. 6. Chrysomeloidea. Stenstrup: Apollo Books. 924 pp.

Figs 1-2. *Agapanthia* (*Epoptes*) *paki* sp. n.:
1 - Holotypus, 2 - Paratypus female

Получена / Received: 11.09.2012
Принята / Accepted: 18.09.2012

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал “Гуманитарное пространство” международный альманах (Journal “Humanity space” international almanac) публикует статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты; обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных, естественнонаучных и медицинских наук.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.
Редакция журнала оставляет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописей и возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам и требованиям.

Редакция не несет ответственности за полноту содержания и достоверность информации, материалов.
Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Статья присылается одним файлом, названным фамилией автора или первого автора (соавторов). Пример: Ivanov_2011.doc

Оформление рукописи должно соответствовать следующим требованиям:
– статья должна быть ясно и логично структурирована
– название (на английском и русском языках)
– фамилия, имя, отчество [полностью] (на английском и русском языках)
– звание, степень, должность (на английском и русском языках)
– место работы [полностью включая индекс, e-mail] (на английском и русском языках)
– ключевые слова (на английском и русском языках)
– резюме (на английском и русском языках)
– краткое введение с постановкой задачи и проблемой исследования

– материал и методы
– описание и анализ результатов
– обсуждение и заключение
– благодарности и ссылки на номера грантов
– список литературы
– таблицы черно-белые без графики и полутанов (каждая на отдельной странице)

объем присланного материала не должен превышать 10000 знаков включая пробелы (6 машинописных страниц)
размер листа: А4
редактор: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
формат: *.doc
шрифт: Times New Roman
кегль: 14 обычный — без уплотнения
текст без переносов
междустрочный интервал - полуторный (компьютерный)
выравнивание по ширине
поля: верхнее, нижнее, правое, левое - не менее 2 см
номера страниц внизу по центру
абзацный отступ 1,2 см
сноски отсутствуют
ссылки на литературу приводятся по тексту в круглых скобках
список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи)

Рукописи не должны содержать диаграмм, схем, фотографий, рисунков

Авторы получают оттиск своей статьи в виде PDF-файлов.

<u>Образец оформление статьи:</u>

Иванова Екатерина Павловна
доктор философских наук, профессор философского факультета
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Методологические аспекты перехода от парадигм обучения к парадигме самообразования

Е.П. Иванова

Московский Педагогический Государственный Университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia; e-mail: info@info.com

Ключевые слова: виды парадигм, парадигма обучения, парадигма самообразования, особенности парадигмы профессионального самообразования в вузе, дидактический комплекс самообразования.
Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.

Резюме: В статье обосновывается парадигма самообразования в сопоставлении с частными и локальными педагогическими парадигмами. В качестве методологических основ парадигмы самообразования рассматриваются ее историческая преемственность, информационная направленность и реализация в атрибутах обучения.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.
[Ivanova E.P. Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms**]**

[Текст статьи]

ЛИТЕРАТУРА

Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука. 272 с.
Лихачев Д.С. 1969. Внутренний мир художественного произведения. - Вопросы литературы. 8: 29-33.
Лотман Ю.М. 1992. Культура и взрыв. М.: Гнозис. 272 с.

Лурье С., 1994. Антропологи ищут национальный характер // Знание-сила. 3: 48-56.
Хайдеггер М. 1993. Время картины мира. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 447 с.
Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and .culture. 5: 1-29.
Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.

INSTRUCTIONS TO AUTHORS

Journal “Humanity space” international almanac publishes research articles. Texts could be original research, containing new, previously unpublished results, reviews, analysis and conceptual manuscripts on the specific problems of the humanities, natural and medical sciences.

The decision on edition is taken by the editorial board of the almanac.The editorial staff reserves the right to make editorial changes and the reduction of manuscripts and return the manuscripts which are not corresponded to the rules and requirements.

The editors are not responsible for the completeness of the content and accuracy of the information and materials.

It is author’s responsibility for the manuscripts’ content, proper translation, quotes, bibliography, abstracts and etc.

Article had to be sent in one file, called the author's name or the first author (coauthors). Example: Ivanov_2011.doc

The manuscript had to be corresponded to the following requirements:

- Article had to be clearly and logically structured
- Name (in English and Russian)
- Surname, first name [full] (in English and Russian)
- The title, degree, position (in English and Russian)
- Place of work [including a full index, e-mail] (in English and Russian)
- Key words (in English and Russian)
- Abstract (in English and Russian)
- A brief introduction to the issue’s problem
- Methods
- Description and analysis of research results
- Discussion and conclusion
- Gratitudes and links to the numbers of grants
- A list of references
- A table in black and white with no graphics and semitones (each on separate page)
- Manuscript’s volume should not exceed 10 000 characters including spaces (6 pages)

- Paper size: A4
- Editor: Microsoft Word [Word for Windows 2003]
- Format: *. Doc
- Font: Times New Roman a size 14 regular
- Seal text without hyphenation Line spacing - one and a half (computer)
- Full justification margins: top, bottom, right, left - at least 2 cm
- Page numbers at the bottom of the center
- Indent 1.2 cm
- There are no footnotes
- References are given in the text in parentheses
-references located at the end of the text (included in the total amount of the article)

Manuscripts should not contain charts, diagrams, photographs, drawings

Authors will receive a reprint of his article as a PDF-file.

<u>The sample design of the article:</u>

Ivanova Ekaterina Pavlovna
Ph.D., professor of the Faculty of Philosophy

Methodological aspects of transition from training to selfeducation paradigms

E.P. Ivanova

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str. 1, Moscow, 119991 Russia
E-mail: info@info.com

Key words: kinds of paradigms, training paradigm, self-education paradigm, peculiarity of self-education paradigm at a higher school, didactical complex of selfeducation.
Abstrct: The article settles the self-education paradigm in comparison with particular and local pedagogical paradigms. Historical succession, information trend and realization in attributes of training are considered as a methodological basis of self-education paradigm.

[Text of article]

REFERENCES

Bedini S.A. 1965. The evolution of science museums. - Technology and .culture. 5: 1-29.

Boettiger C. 1808. Uber Museen and Antikensammlungen. Leipzig: Behr. 31 s.

Содержание // Contents

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGY AND EDUCATION

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTUROLOGY

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / PHILOLOGY

ЭНТОМОЛОГИЯ / ENTOMOLOGY